

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 5 (71). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского,
протокол №2 от 29 января 2019 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Александрова И. В. – д. филол. н., проф.	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Гуменюк В. И. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Скороходько С. А. – к. филол. н., доц.
Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
Короченский А. П. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маслова В. А. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.	Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
	Яценко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.01.09 – Фольклористика (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки)

Подписано в печать 29.01.2019. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 22,6. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
 ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,

бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2019 г.

1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Богданович Г. Ю., Калугина А. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: kaluginastasia@bk.ru

Современный телевизионный продукт представляет собой средство для вызова эмоций и напрямую связан с аксиологией коммуникации. Завоевать внимание аудитории возможно за счет повышения спроса на качественный информационный продукт внутри информационной сферы. Трансформируются технологии подачи информации, которые зависят, в том числе, от мастерства автора. В журналистских материалах рассматриваемых региональных СМИ преобладает автор, который выражает свою точку зрения и часто занимает определенную позицию. Эффект восприятия информационного контента (новостей) зависит от способности средств массовой информации крымского региона (на примере публикаций каналов – лидеров рынка СМИ) сформировать эмоции у аудитории полуострова.

Ключевые слова: аксиология коммуникации, медиаграмотность, медиатекст, информационный продукт, эмоциональная природа медиаконтента.

Современная журналистика, фиксируя характер преобразований в жизни социума, предполагает неизменное обращение к оценке того или иного явления. *Постановка проблемы.* Философское восприятие термина «аксиология» сегодня представляется междисциплинарным и употребляется применительно к различным сферам деятельности человека. Именно трансформация духовно-нравственных ценностей актуализируется сегодня и является предметом обсуждения и исследования с помощью различных методов [1]. Аксиологичностью характеризуются многие тексты современного медиaprостранства. Изучая те или иные аспекты коммуникативной среды, ученые посвящают аксиологии некоторые специальные исследования [2; 4; 5; 6; 9; 10 и др.].

Аксиологический характер информационного контента, видимо, напрямую связан с его эмоциональной составляющей. Эмоции в журналистике, на наш взгляд, считаются средством достижения результата работы с целевой аудиторией. К такому выводу пришла и автор исследования «Роль эмоций в общении и в освещении реальности» И. Т. Касимова [3]. Любая информация несет в себе как рациональный, так и эмоциональный характер. Информационной единицей в медиaprостранстве принято считать факт. Однако способ подачи факта в СМИ часто направлен на вызов той или иной эмоции: восторга, радости, злости, ненависти, сопереживания, сочувствия, сострадания и др. Другими словами, эмоции насыщают сухой факт дополнительным значением, иногда меняющим полностью смысл в представлении ситуации у получателя информации.

Количество информационных материалов на рынке СМИ настолько велико, что у современного потребителя есть возможность выбирать. Одно и то же событие подается под неодинаковым «соусом» журналистами различных СМИ. На рынке происходит постоянная борьба за потребителя, поэтому редакции порой вмешиваются в технологию производства медиаконтента, намеренно трансформируют жанры и форматы. Такого рода конвергентные отношения распространились и в журналистике. Видимо, современные условия определяют именно конвергентную значительную часть продукта средств массовой информации.

Известно, что структура информационного (новостного) сюжета меняется одновременно с авторским подходом к факту. Это может быть связано как со спецификой подачи материала, темой, редакционной политикой, так и некоторой невнимательностью, небрежностью, отсутствием достаточного опыта и др. у создателей медиaproдукта. Данную тенденцию можно наблюдать в выпусках региональных новостей.

Материалом для исследования послужили проблемные телевизионные сюжеты на схожую тематику двух программ-лидеров информационной медиасреды Республики Крым: «Новости 24» и «Вести. Крым». *Цель настоящей работы.* С помощью разнообразных методик исследования (контент-анализ, дискурс-анализ,

сравнительный, описательный методы и др.) прокомментировать сюжеты, характеризующиеся близкой или схожей проблематикой.

Например, *Сюжет 1*. Так, автор материала о бездомных людях Юрий Авдеев (<http://1tvcrimea.ru/pages/news/078311-bezdomnye-ljudi-v-simferopole-k-2020-godu-planirujut-otkryt-prijut-dlja-bomzhej>) смог шокировать аудиторию абсурдным подходом к производству медиапродукта. Новость об открытии приюта для бездомных людей стала философским размышлением. Приводим текст его стендапа: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся. Смысл этой поговорки в том, что жизнь очень непредсказуемая штука. И надо быть готовым ко всему. К суме – нищете, к тюрьме – несправедливости. И никогда, никогда не зарекаться. После успеха и благополучия может наступить беда и прийти тяжёлые времена». В кадре журналист, забыв об общепринятых правилах съемки стендапов, имел нелицеприятный внешний вид и взял в руки мышь. При этом корреспондент забрался в мусорный бак. Данные действия вызвали у аудитории разные эмоции: от смеха до отвращения. Отметим, что любое действие журналиста в кадре является имиджеобразующим фактором (корреспондент – лицо канала). Нарушилась в данном случае и структура сюжета. В информационный жанр (новость) проникли элементы художественно-публицистической группы.

Сюжет 2. Совсем другой подход к проблеме наблюдался у журналиста программы «Вести. Крым» Эдуарда Здорова. Его сюжет о бездомных (<https://vesti-k.ru/bomzhi-simferopol/>) дал аудитории полностью фактическую информацию без художественной насыщенности. В этом случае элементы художественно-публицистической группы жанров не проникли в информационную. Текст, который звучит в стендапе корреспондента, дополняет видеоряд. Эдуард Здоров показывает зрителю проблему. При этом корреспондент помнит об имидже своем и имидже СМИ, которое он представляет.

Сюжет 3. На данную тематику у этих изданий есть еще материалы. К примеру, сюжет о бездомных Севастополя журналистки «Крым 24» Алены Осетровой (<http://1tvcrimea.ru/pages/news/076033-v-sevastopole-nedostroennyj-dom-stal-pritonom-dlja-bomzhej-i-narkomanov>) вызывает зрительский диссонанс. Автор говорит о

бездомных, которые живут в недостроенном доме. При этом в кадре нет ни одного «бездомного». Есть только синхроны-жалобы местных жителей и комментарий чиновника.

Сюжет 4. Другой и, с нашей точки зрения, самый успешный вариант подачи информации (рационально-эмоциональный) наблюдается в сюжете Арзы Хасьяновой в программе «Вести-Крым» (<https://vesti-k.ru/bomzhi-kruma/>). Раскрыта проблема, предложены варианты её решения, есть яркий герой. Именно последний, на наш взгляд, считается основным элементом информационного сюжета, который служит для вызова зрительской эмоции. В данном случае материал вызывает у аудитории соответствующую реакцию, в том числе сожаление и даже слезы.

Медиаграмотность на современном этапе развития общества становится востребованной и заполняет особую часть разных сфер образовательной деятельности. Медиаграмотность определяется в большей мере в сфере медиатекстов и других видов публикаций в медиасреде. Поэтому техника и технологии создания медиапродукта актуализируются как никогда.

Известно, что структура каждого материала содержит одни и те же элементы построения информационного (новостного) сюжета: лайф, стендап, люфт, синхрон, закадровый текст. Однако их распределение может влиять на результат – эмоции.

Сюжет 1. Общий хронометраж (без подводки): 03:27 (закадровый текст - 8 сек; СХ (герой) – 35 сек; закадровый – 15 сек; СХ – 16 сек; закадровый – 15 сек; СХ (герой) – 14 сек; закадровый – 15 сек; СХ (комментарий) – 16 сек; закадровый – 7 сек; стендап – 26 сек; закадровый – 9 сек; СХ – 17 сек; закадровый – 4 сек).

В данном сюжете отсутствуют такие элементы, как «лайф» и «люфт». Сюжет перенасыщен синхронами. Некоторые из них превышают нормы с точки зрения хронометража. Сюжет содержит статичный стендап.

Сюжет 2. Общий хронометраж (без подводки): 2:22 (стендап – 13 сек; закадровый текст – 3 сек; лайф – 5 сек; закадровый текст – 18 сек; лайф – 16 сек; закадровый текст – 9 сек; лайф – 18 сек; закадровый – 9 сек; СХ – 8 сек; закадровый – 17 сек; СХ – 12 сек; закадровый – 15 сек).

В материале отсутствует такой элемент, как «люфт». Он служит для того, чтобы «разбивать» закадровый текст, и так же, как и «лайф», даёт «эффект присутствия». При этом в сюжете есть несколько лайфов и динамичный стендап.

Сюжет 3. Общий хронометраж (без подводки): 02:23 (закадровый текст – 14 сек; СХ – 15 сек; закадровый – 12 сек; СХ – 8 сек; закадровый – 7 сек; стендап – 14 сек; закадровый – 7 сек; СХ – 28 сек; закадровый – 13 сек; СХ – 15 сек; закадровый – 14 сек).

В данном материале отсутствуют элементы «лайф» и «люфт». В структуре наблюдается обилие статичных синхрон, что считается традиционной нормой записи. Однако в наше время многие практики телевизионной кухни намеренно отходят от статики и советуют создавать динамику в каждом элементе сюжета.

Сюжет 4. Общий хронометраж (без подводки): 02:50 (люфт – 2 сек; закадровый – 7 сек; лайф – 9 сек; закадровый – 12 сек; лайф – 8 сек; закадровый – 16 сек; СХ – 11 сек; стендап – 14 сек; лайф – 6 сек; закадровый – 13 сек; СХ – 18 сек; закадровый – 17 сек; лайф – 12 сек; закадровый – 4 сек; лайф – 11 сек; закадровый – 4 сек).

Сюжет насыщен лайфами. В рассматриваемом материале присутствуют все элементы; стендап динамичный; статичные синхроны чередуются с динамичными.

Элементы построения информационного (новостного) сюжета (лайф, стендап, люфт, синхрон, закадровый текст) можно представить в сравнительной таблице.

	Сюжет 1	Сюжет 2	Сюжет 3	Сюжет 4
Лайф	-	3	-	4
Стендап	1	1	1	1
Люфт	-	-	-	1
Синхрон	5	2	4	2
Закадровый текст	7	6	6	7
Общий хронометраж (без подводки)	03:27	02:22	02:23	02:50

Насыщенность телевизионного информационного продукта (в данном случае новостного сюжета) такими элементами, как лайф, стендап и люфт, влияет на

динамичность материала в целом, что вызывает эмоции у аудитории. Чем ярче выражен «эффект присутствия», тем «живее» репортаж. Таким образом, такие элементы, как синхрон и закадровый текст, в современной структуре репортажа уходят на последние позиции. Они являются наименее эмоциональными составляющими сюжета, однако наиболее информативными с точки зрения содержательности. В современной журналистике роль репортажа – познакомить телезрителя с атмосферой (иногда на месте события эту атмосферу создать – задача репортера), показать героев и уникальность события, а именно показать аудитории то, что она не сможет прочитать в ленте того или иного информационного агентства или на страницах газет.

Любой медиатекст можно рассматривать в контексте многообразия и разноплановости современных процессов массовой коммуникации. Я. Н. Засурский справедливо назвал текст «новым коммуникационным продуктом». В работе Н. В. Чичериной достаточно подробно описаны технологии создания различных медиатекстов [12]. Ссылаясь на Г. С. Мельник, автор монографии приводит определенную классификацию медиатекстов:

а) тексты, рассчитанные на одновременное воздействие и на конкретные социальные институты или конкретных лиц, и на сознание массовой аудитории;

б) тексты, целью которых является воздействие на сознание массовой аудитории, принципиально рассчитанные на немедленный отклик какого-либо лица или социального института;

в) тексты, рассчитанные на немедленную реакцию, требующие вмешательства в реальную действительность и не рассчитанные на воздействие на сознание массовой аудитории;

г) тексты нейтральные, информирующие, просвещающие и не рассчитанные на немедленную реакцию [11, с. 159–165].

Многие тексты телевизионных сюжетов, с нашей точки зрения, можно отнести к группе «б» текстов данной классификации, их цель – воздействие на сознание массовой аудитории. Чаще всего этой цели можно достичь с помощью эмоциональных средств, в число которых обычно включают так называемые

«живые» элементы телевизионного медиатекста. Не случайно В. В. Прозоров в своем исследовании «Власть современной журналистики, или СМИ наяву» утверждает, что телевизионный текст, в отличие от радиального или газетного, приближен к драме. С его точки зрения, «природная доминанта телевизионного текста – обостренная конфликтность, очевидное противоборство разного, динамика, парадоксальные внезапности, неожиданные сближения и столкновения, азарт, эпатаж, импровизация» [8].

Выводы. Таким образом, аксиология медиапродукта определяется не только его вербальной составляющей. Зачастую использование невербальных приемов коммуникации является свидетельством степени оценочности для массовой аудитории. Существенную роль в достижении так называемого коммуникационного эффекта следует отвести и медиаграмотности.

«Эффект присутствия», традиционно свойственный репортажам, содержится не во всех телевизионных сюжетах (новостях) крымской региональной повестки. Нарушена эмоциональность, при этом ярко выражена авторская позиция. Эмоции у аудитории вызывают, как правило, жизненные и «живые» истории, показанные в кадре, а не сказанные за кадром журналистом.

Вместе с тем, трансформация жанров и форматов не всегда является стопроцентным средством достижения цели, однако служит инновацией развития крымской медиасреды на современном этапе.

Список литературы

1. Богданович, Г. Ю. Лингвистическая репрезентация: духовно-нравственные ценности в наивной картине мира современного социума / Г. Ю. Богданович // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2017. – Т. 4 (70). – С. 204–222.
2. Ерофеева, И. А. Аксиология медиатекста в российской культуре : репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в. : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Ерофеева Ирина Викторовна; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2010. – 51 с.

3. Касымова, И. Т. Роль эмоций в общении и в освещении реальности [Электронный ресурс] / И. Т. Касымова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-emotsiy-v-obschenii-i-v-osveschenii-realnosti-1> (дата обращения: 28.03.2019).
4. Лисицкая, Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста : взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис.... док. филол. наук: 10.01.10 / Лисицкая Лариса Григорьевна. – Краснодар, 2010. – 42 с.
5. Милославская, З. А. Современный текст средств массовой коммуникации в аспекте аксиологии журналистики : автореферат дис. ... кандидата филологических наук ; 10.01.10 / Милославская Зоя Александровна. – М., 2018. – 21 с.
6. Нерсесова, Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки [Электронный ресурс] / Т. Е. Нерсесова // Медиаскоп. – 2011. – №2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения 28.03.2019).
7. Поликарпова, Е. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе [Электронный ресурс] // Е. Поликарпова / Библиотека Гумер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Polikarp/index.php (дата обращения 28.03.2019)
8. Прозоров, В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В. В. Прозоров. – Саратов: – Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 240 с.
9. Сидоров, В. А. Ценностное понимание мира в гуманитарном знании XXI в. / В. А. Сидоров // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – №5 (43). – С. 172–184.
10. Сидоров, В. А. Аксиология журналистики: учеб. пособие / В. А. Сидоров. – Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2016. – 232 с.
11. Чичерина, Н. В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности / Н. В. Чичерина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – №47. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-mediatekstov-kak-osnova-formirovaniya-mediagramotnosti> (дата обращения: 28.03.2019).

12. Чичерина, Н. В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов / Н. В. Чичерина. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.

References

1. Bogdanovich G. Yu. Lingvisticheskaya Rerezentatsiya: Dukhovno-Nravstvennie Tsennosti v Naivnoi Kartine Mira Sovremennogo Sotsiuma [Linguistic Representation: Spiritual and Moral Values in the Naive Picture of the World of the Modern Society]. Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeny V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye Nauki, 2017, no 4(70), pp. 204-222.
2. Yerofeeva I. A. Aksiologiya Mediateksta v Rossiiskoy Kulture: Representatsiya Tsennostey v Zhurnalistike Nachala XXI Veka. [The Axiology of Mediatext in Russian Culture: Representation of Values in Journalism of the Early 21th Century]. Saint-Petersburg, 2010.
3. Kasymova I. T. Rol' Emotsii v Obschenii i Osveshchenii Real'nosti [The Role of Emotions in Communication and in the Interpretation of Reality]. Vestnik TGUPBP, 2014. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-emotsiy-v-obschenii-i-v-osveschenii-realnosti-1> (accessed 28 March 2019).
4. Lisitskaya L. G. Pragmaticheskaya Adekvatnost' Mediateksta : Vzaimodeistvie Kontenta i Akseologii [The Pragmatic Adequacy of Media Text : Interaction of Content and Axiology]. Krasnodar, 2010.
5. Miloslavskaya Z. A. Sovremenniyi Tekst Sredstv Massovoi Kommunikatsii v Aspekte Aksiologii Zhurnalistiki [The Modern Text of Mass Media in the Aspect of Axiology of Journalism]. Moscow, 2018.
6. Nersesova T. E. Aksiologicheskaya Osnova Mediakontenta kak Sposob Formirovaniya Subyektivnogo Vospriyatiya Kulturnykh Tsennostei Obshchestva i ikh Otsenky [The Axiological Basis of the Media Content as a Way to Form a Subjective Perception of Cultural Values of Society and their Evaluation]. Mediascope, 2011. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/835> (accessed 28 March 2019).
7. Polykarpova E. Aksiologicheskie Funktsii Mass Media v Sovremennom Obshchestve [The Axiological Functions of Mass Media in Modern Society]. Biblioteka Gumer.

Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Polikarp/index.php
(accessed 28 March 2019).

8. Prozorov V. V. *Vlast Sovremennoi Zhurnalistiki, ili SMI Nayavu* [The Power of the Modern Journalism, or the Media in Reality]. Saratov, 2004. 240 p.
9. Sidorov V. A. *Tsenostnoe Ponimanie Mira v Gumannom Znani XXI Veka*. [The Value Understanding of the World in the Humanitarian Knowledge of the 21th Century]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2016, no 5 (43), pp 172–184.
10. Sidorov V. A. *Aksiologiya Zhurnalistiki: Uchebnoe Posobie* [The Axiology of Journalism: Textbook]. Saint Petersburg: Petropolis Publ., 2016. 232 p.
11. Chicherina N. V. *Tipologiya Mediatekstov kak Osnova Formirovaniya Mediagramotnosti* [The Typology of the Media Texts as a Basis for the Formation of media Literacy]. *Izvestiya RGPU imeni A. I. Gertsena*, 2007. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-mediatekstov-kak-osnova-formirovaniya-mediagramotnosti> (accessed 28 March 2019).
12. Chicherina N. V. *Mediatekst kak Sredstvo Formirovaniya Mediagramotnosti u Studentov Yazikovykh Fakultetov* [The Mediatext as a Means of Forming Media Literacy among Students of Language Faculties]. Moscow: LKI Publ., 2008. 232 p.

EMOTIONAL NATURE AS AXIOLOGICAL COMPONENT OF INFORMATION CONTENT OF REGIONAL TELEVISION

Bogdanovych G. Yu., Kalugina A. Yu.

A modern television product is a means for evoking emotions and is directly related to the axiology of communication. It is possible to win the attention of the audience by increasing the demand for a high-quality information product within the information sphere. Technologies of presenting information are being transformed, which also depend on the skill of the author. In the journalistic materials of the regional mass media under consideration, the author predominates, who expresses his point of view and often takes a certain position. The effect of perception of informational content (news) depends on the ability of the mass media of the Crimean region (for example, the publications of the leading channels of the media market) to generate emotions among the audience of the peninsula.

Keywords: axiology of communication, media literacy, media text, information product, the emotional nature of media content.

УДК 070:001.4

ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ МЕДИАПРОДУКТА В РАМКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: ОТ КОРОТКОЙ ЗАМЕТКИ ДО МНОГОПОЛОСНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Волокитин Д. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: dmitrijvolokitin@yandex.ru

В статье рассматривается последовательность создания медиапродукта в рамках практической работы с обучающимися. Данный процесс, по нашему мнению, начинается с поиска конкретной ситуации, обладающей медийным потенциалом, отбором в предлагаемых обстоятельствах наиболее выигрышных фактов и формирования из них журналистской информации, которая, в результате анализа, систематизации, редактирования, и является условием для создания полноценных журналистских творческих продуктов (ЖТП). Актуальность данного исследования заключается в том, что при работе над своими первыми журналистскими материалами обучающиеся зачастую требуют от преподавателей простых, кратких, ясных и точно сформулированных творческих инструментариев, применение которых на практике дало бы максимальный эффект. Цель и задачи статьи – сформулировать универсальный алгоритм дифференциации обучающимися этапов создания ЖТП. Поскольку все медиапродукты – любого объема, независимо от жанров и видов СМИ (электронных или печатных), на наш взгляд, имеют в целом идентичную структуру.

Ключевые слова: медиаситуация, факт, информация, медиапродукт, студенческая практическая журналистика.

ВВЕДЕНИЕ

Методологическое, жанровое и терминологическое многообразие в теории журналистики настолько широко, что нередко вносит определенную путаницу. Практика показывает, что особенно остро это проявляется на этапе трансформации сугубо теоретических знаний в творческий практический результат, в частности, при создании обучающимися своих первых медиапродуктов. В связи с тем, что ЖТП – это работа с конкретным информационным материалом, на наш взгляд, возникает необходимость разработки специальной упрощенной (рафинированной) методологии, в рамках которой должно быть сконцентрировано только самое необходимое. Тем более, что с подобным подходом согласны и сами обучающиеся, поскольку это значительно облегчает им работу при выполнении практических заданий по созданию ЖТП.

Такую методологию мы предлагаем назвать студенческой практической журналистикой (СПЖ), которую считаем начальным этапом овладения мастерством, предваряющим переход обучающихся к профессиональной журналистской деятельности. Термин «студенческая», наряду с «начальной», «подготовительной», «аматорской» и т.д., в данном случае мы считаем наиболее приемлемым потому, что применение озвученной методологии рассчитано, прежде всего, на подготовку студентов журналистских вузов.

Основа журналистики – информация. Ее называют «инструментом» журналиста, посредницей между ним и аудиторией [3]. Информация (от лат. information – изложение, разъяснение) – «совокупность сведений, которыми располагает и оперирует журналист при создании произведений, которые получает аудитория из разных источников, в том числе СМИ» [4, с. 157].

Понятие «информация» используется, как правило, в трех значениях.

1. В узком понимании это – событийная информация (краткие некомментируемые сообщения).
2. В широком – это совокупность всех (любых) публикаций в СМИ.
3. Специальное понимание – информация как новое знание [5].

Даже этих нескольких формулировок достаточно для того, чтобы продемонстрировать, насколько широко в теории журналистики трактуется понятие «информация»: 1) «сведения, которыми оперируют»; 2) «краткие сообщения»; 3) «совокупность публикаций»; 4) «новое знание».

У обучающихся подобная терминологическая пестрота вызывает некоторое недоумение. Потому что невольно возникает вопрос – так что же такое информация на самом деле? А поскольку четкого ответа нет, на практике, при создании конкретных медиапродуктов, возникает некоторое недопонимание того, как, где, у кого и какие сведения нужно добыть, чтобы в конечном итоге из них получился ЖТП.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На наш взгляд, существующие трактовки понятия «сведения», из которых состоит информация, для журналистики также являются слишком неуловимыми.

Например, словарь С. И. Ожегова предлагает сразу три значения: 1) познания в какой-нибудь области; 2) известие, сообщение; 3) в некоторых сочетаниях: знание, представление о чем-нибудь [6, с. 698]. Не вносят ясности и употребляемые в теории журналистике синонимичные сведениям названия, например, данные и материал.

Как бы то ни было, из всего вышесказанного следует вывод – прежде чем предложить результат своего творческого труда аудитории, журналист должен: где-то взять сведения, из совокупности которых состоит информация; информация сама по себе, т.е. набор сведений, ничего не значит, потому что их еще предстоит «оперировать» (обработать), прежде чем информация превратится в готовое сообщение, публикацию или «произведение» журналистики.

Таким образом, информация – это некий переходный этап (полуфабрикат), а не готовый медиапродукт, который можно было бы «скормить» аудитории. Поэтому мы согласны с исследователями, которые считают – то, что подразумевают под сведениями, гораздо точнее выражает понятие «факт» (т.е. сумма фактов). Поскольку к сведениям можно отнести даже галлюцинации, а журналистика живет исключительно правдой жизни, имея дело только с фактом как событием во всей его полноте и точности отображения [7]. Следовательно, употребление понятий «сведения», «данные», «материал», «информация» и т.д. уместны лишь в том случае, если под ними подразумевается сумма фактов.

Рассмотрим примеры использования фактов в публикациях, относящихся ко всем трем видам жанров периодической печати: информационным, аналитическим и художественно-публицистическим.

Пример 1.

Обратимся к короткой заметке, которая, по системе А. А. Тертычного, относится к информационным жанрам: «Близ Феодосии спасатели уничтожили бомбу времен Великой Отечественной войны (17.02.2019).

Сотрудники крымского Главного управления МЧС ликвидировали фугасную авиационную бомбу весом в 250 килограмм в море у поселка Орджоникидзе.

Подозрительный предмет в море обнаружили местные рыбаки, пишет пресс-служба крымского МЧС. Они обратились в службу спасения и сообщили, что, по их мнению, находка очень похожа на боеприпас. На место обнаружения опасного предмета выехали специалисты-пиротехники.

Спасатели идентифицировали предмет, как фугасную авиационную бомбу времен Великой Отечественной войны ФАБ – 250, вес которой составляет четверть тонны. Она находилась на дне моря в 50 метрах от берега, на глубине около шести метров. Сотрудники чрезвычайного ведомства решили ликвидировать взрывоопасный предмет прямо на месте обнаружения.

Около 11:45 авиабомба была успешно уничтожена. После подрыва специалисты повторно погрузились на дно моря и осмотрели территорию на наличие других взрывоопасных предметов. В ходе обследования опасные находки не были обнаружены» [1].

На первый взгляд, данная новость, а это готовый медиапродукт, выглядит как единый монолит. Однако она, на наш взгляд, состоит, как минимум, из 16 фактов.

1. Бомбу уничтожили близ Феодосии (у поселка Орджоникидзе).
2. Сделали это сотрудники МЧС.
3. Взрывоопасный предмет – времен Великой Отечественной войны.
4. Бомба – авиационная.
5. ... и фугасная.
6. Ее вес – 250 кг.
7. Бомбу обнаружили рыбаки.
8. Она находилась в море на глубине 6 м.
9. ... в 50 м от берега.
10. Взрывоопасный предмет было решено ликвидировать прямо на месте обнаружения.
11. Авиабомба была успешно уничтожена.
12. Время уничтожения – 11:45.
13. После подрыва специалисты повторно погрузились на дно моря, чтобы осмотреть территорию.

14. Других опасных находок обнаружено не было.

15. События происходили в феврале 2019 года.

16. Об этом сообщила пресс-служба крымского МЧС.

Этим мы хотим подчеркнуть, что данный медиапродукт (короткая заметка, новость) – результат обработки информации, состоящий из 16 фактов.

Пример 2.

Теперь обратимся к аналитическим жанрам. В частности, к фрагменту публикации «Крымский фронт медиавойны» (13.10.2018), которая, по системе А. А. Тертычного, на наш взгляд, ближе всего к жанру обозрение:

«В среду в коктейльном доме легендарного телеведущего, генерального директора МИА «Россия сегодня» Дмитрия Киселева принимали иностранных журналистов. Инфоповодом стал очередной выездной брифинг официального представителя МИД России Марии Захаровой.

– С удовлетворением отмечаем растущую востребованность объективного взгляда на Крым, интерес к взаимодействию с ним со стороны зарубежных деловых и общественно-политических кругов. Мы видим, как растет этот интерес. Отражением этой тенденции стало неуклонно увеличивающееся число иностранных делегаций. Например, в 2017 г. их было более ста. Мы рассчитываем на столь же впечатляющие цифры и в текущем, 2018 году, – сказала Захарова. – Приглашаем всех посетить Крым и лично убедиться в реальном положении дел на полуострове. Мы неоднократно говорили об этом на различных уровнях, начиная с министра иностранных дел, наших послов и экспертов» [2].

Данный фрагмент, на наш взгляд, состоит, как минимум, из 18 фактов.

1. В Коктебеле принимали иностранных журналистов.
2. Мероприятие проходило в минувшую среду.
3. ...в доме генерального директора МИА «Россия сегодня» Дмитрия Киселева.
4. Дмитрий Киселев – легендарный телеведущий.
5. Инфоповодом стал очередной выездной брифинг официального представителя МИД России Марии Захаровой.

6. Мария Захарова с удовлетворением отметила растущую востребованность объективного взгляда на Крым.
7. ...а также интерес к взаимодействию с ним со стороны зарубежных деловых кругов.
8. ...и со стороны зарубежных общественно-политических кругов.
9. Этот интерес постоянно растет.
10. Число иностранных делегаций, посетивших Крым, неуклонно увеличивается.
11. В 2017 г. их было более ста.
12. Мария Захарова рассчитывает, что столь же впечатляющими цифрами окажутся и в текущем, 2018, году.
13. Представитель МИД России пригласила всех посетить Крым.
14. ...чтобы лично убедиться в реальном положении дел на полуострове.
15. Об этом неоднократно говорилось на различных уровнях.
16. ...на уровне министра иностранных дел РФ.
17. ...на уровне российских послов.
18. ... на уровне российских экспертов.

Пример 3.

Третий, последний, вид – художественно-публицистические жанры. Речь идет о фрагменте публикации «Космическая женщина» (Деловые люди. Июнь. 1999), которую исследователь А. А. Тертычный приводит в качестве примера художественно-публицистического жанра портретный очерк [5]:

«Когда мне было чуть больше, чем сейчас моей дочери, меня не приняли в Московский аэроклуб, – говорит Светлана Омельченко, единственная женщина-претендент на полет в космос в качестве журналиста. Несколько месяцев назад решением Главной Медицинской комиссии она приступила к специальным тренировкам в Центре подготовки космонавтов. В космос собираются также пятеро журналистов – мужчин. Светлана вот уже десять лет работает корреспондентом газеты «Воздушный транспорт».

– Я всегда была равнодушна к авиации, – говорит она. – Еще в школе в традиционных сочинениях типа «Кем быть?» писала: только летчиком. Увы, из-за небольшой близорукости не приняли даже в аэроклуб» [8].

Данный фрагмент, на наш взгляд, состоит, как минимум, из 12 фактов.

1. В юности Светлану Омельченко не приняли в Московский аэроклуб.
2. Она – единственная женщина-претендент на полет в космос в качестве журналиста.
3. Несколько месяцев назад она приступила к специальным тренировкам.
4. Тренировки проходили в Центре подготовки космонавтов.
5. ...по решению Главной Медицинской комиссии.
6. Кроме Омельченко в космос собираются также пятеро журналистов.
7. Они – мужчины.
8. Светлана уже десять лет работает корреспондентом.
9. Место работы – газета «Воздушный транспорт».
10. Светлана всегда была равнодушна к авиации.
11. Об этом она писала еще в школьных сочинениях.
12. В Московский аэроклуб Светлану не приняли из-за небольшой близорукости.

На подобные «атомы действительности», по нашему мнению, можно расщепить абсолютно любой ЖТП, независимо от объема, жанра и видов СМИ (электронных или печатных), поскольку основа всех медиапродуктов – информация, состоящая, как мы показали, из суммы фактов.

ЖТП не возникает из хаоса сам по себе. Существует определенная последовательность его создания. Вначале журналист находит ситуацию, обладающую медиапотенциалом. Это – величина новостной мощи, определяющая степень, масштаб информационного повода как веская причина для ее освещения. Без этого медийность ситуации будет равна нулю, т.е. не представлять для аудитории абсолютно никакой информационной ценности. После этого журналист в предлагаемых данной ситуацией конкретных обстоятельствах отбирает наиболее медийные (выигрышные) факты. Из суммы этих фактов формируется информация – сырье для будущего материала (публикации). И только после ее обработки (анализ,

систематизация, редактирование) появляется уже готовый медиапродукт, который и транслируется аудитории (читателям, зрителям, слушателю) через основные СМИ (печатные и электронные).

Если наши выводы верны, и из фактов, а значит и информации как их суммы, состоят не только короткие новости, но и любой ЖТП, то понятие «информационные жанры» [5], которое прочно закрепилось в теории отечественной журналистики, терминологически не верно, поскольку информация как таковая лежит в основе и тех жанров, которые принято относить к аналитическим и художественно-публицистическим. Гораздо правильнее, на наш взгляд, информационные жанры называть новостными, что и предлагают некоторые исследователи [цит. по: 8, с. 12, 9].

Подчеркнем особо, хотя в подавляющем большинстве редакций печатных СМИ принято называть короткие новости (заметки) «информациями», или «информашками», с точки зрения теории журналистики, на наш взгляд, подобные определения следует воспринимать как жаргонизмы.

Подводя итог всему вышесказанному, в рамках СПЖ мы предлагаем три авторские формулировки понятий «факт», «журналистская информация» и «медиапродукт», которые, как показала практика, избавляют обучающихся от терминологической разногласности и вносят ясность при поиске, сборе, анализе и систематизации информации для будущего медиапродукта

1. Факт (в журналистике) – это единица реальности, или атом действительности, из суммы которых формируется журналистская информация.

2. Журналистская информация (в широком смысле) – это сведения как сумма фактов об актуально-значимых общественных событиях, явлениях и интересных аудитории людях, из которых создаются медийные продукты для основных СМИ: печать, радио, телевидение, Интернет или их сочетания.

3. Медийный продукт – это правильно организованная для СМИ (с учетом их особенностей) журналистская информация.

ВЫВОД

Как показывает практика, на этапе овладения основами практического журналистского мастерства обучающиеся требуют от преподавателей простых, понятных и эффективных инструментариев (рецептов) при сборе фактического материала для создания своих первых ЖТП, а это, в свою очередь, как минимум, требует оптимизации научных подходов, упрощения методологий, внесения терминологической ясности. Подобный подход мы определили как студенческая практическая журналистика (СПЖ) – начальный этап овладения мастерством, предваряющий переход к профессиональной деятельности.

Процесс создания медиапродукта – не хаотичен. Он имеет четкую последовательность: вначале журналист находит обладающую медийным потенциалом ситуацию. Ее мы считаем первым этапом создания ЖТП, поскольку без ситуации не существует информационного повода, а значит и медиапотенциала, а без медиапотенциала и информационного повода невозможно отобрать и накопить сумму фактов, т.е. заполучить журналистскую информацию, ведь без обладающей медиапотенциалом и информационным поводом ситуации невозможно понять, по какой причине или критериям эти факты отбирать. А, следовательно, невозможно создание медиапродукта (его просто-напросто не из чего «готовить»). Таким образом, медиаситуация, по сути, – точка опоры любого ЖТП: от короткой заметки до многополосной публикации (если речь идет о печатных СМИ).

Когда ситуация определена, исходя из условий, которые она диктует, обучающиеся отбирают наиболее «горячие» факты. Из них формируется журналистская информация. Факт, по нашему мнению, необходимо отделять от ситуаций, условий, обстоятельств, явлений, происшествий, событий, процессов и т.д. в общепринятом понимании. Употребление данных понятий уместно лишь в том случае, если они являются синонимами понятия «факт», или суммы фактов.

Журналистские творческие продукты – результат обработки информации (ее анализа, систематизации и редактирования). Поэтому, на наш взгляд, нельзя ставить знак равенства между информацией и медиапродуктом, как считают, некоторые

исследователи, поскольку необработанная информация является лишь его полуфабрикатом.

На основе суммы фактов строится любой журналистский творческий продукт (по крайней мере, в рамках СПЖ). Причем независимо от объема, жанра и вида СМИ (электронного или печатного), через которые они транслируются аудитории. Другими словами, ЖТП, по большому счету, отличаются друг от друга лишь объемом, то есть количеством используемых фактов, только по-разному организованных с учетом требований различных СМИ.

Поскольку из информации как суммы различных фактов состоят все журналистские материалы, которые традиционно относят как к аналитическим, так и художественно-публицистическим жанрам, нам кажется неоправданным применять к новостным жанрам термин «информационные». Гораздо правильнее называть их «новостными».

В целом создание журналистского творческого продукта, по нашему мнению, укладывается в следующую парадигму: медиаситуация – факты – журналистская информация – медиапродукт.

Список литературы

1. Аргументы недели Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://an-crimea.ru/page/news/175819>. – (Дата обращения: 19.02.2019).
2. Крымская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cpravda.ru/news/2018-10-13/krymskijj-front-mediavojjny>. – (Дата обращения: 06.03.2019).
3. Лектор.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--e1akbokk.com/osnovyi-jurnalistiki/jurnalistika-kak-forma-informatsionnoy-40782.html>. – (Дата обращения: 20.02.2019).
4. Справочник молодого журналиста [Текст]. – Москва, 2010. – 512 с.
5. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати: Учебное пособие [Текст] / А. А. Тертычный. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 320 с.

6. Толковый словарь русского языка / Ожегов С. И.; Шведова Н. Ю. – М.: «Русский язык», 1991. – 918 с.
7. Цвик, В. Л. Введение в журналистику: учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. и переработанное [Электронный ресурс] / В. Л. Цвик // Большая онлайн библиотека e-Reading. – Режим доступа: http://www.e-reading.link/chapter.php/1019966/3/Cvik_-_Vvedenie_v_zhurnalistiku.htm, – (Дата обращения: 08.08.2018).
8. Электронная библиотека booklot.org. Режим доступа: <https://www.booklot.org/genre/nauchnoobrazovatel'naya/uchebniki/book/janryi-v-arsenale-sovremennoy-jurnalistiki/read/62/>. (Дата обращения: 06.03.2019).

References

1. Argumenty Nedeli Krym [Arguments of the Week Crimea]. Available at: <https://an-crimea.ru/page/news/175819> (accessed 19 February 2019).
2. Krymskaya Pravda [The Crimean Truth]. Available at: <https://c-pravda.ru/news/2018-12-27/ukrainskijj-vertep-v-stilistike-khehlouina> (accessed 06 March 2019).
3. Lektor.com [Lecturer.com]. Available at: <https://xn--elakbokk.com/osnovyi-jurnalistiki/jurnalistika-kak-forma-informatsionnoy-40782.html> (accessed 20 February 2019).
4. Spravochnik Molodogo Zhurnalista [Young Journalist Directory]. Moscow, 2010. 512 p.
5. Tertychny A. A. Zhanry Periodicheskoi Pechati [Genres of The Periodical Press]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 320 p.
6. Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka [Explanatory Dictionary of Russian]. Moscow: Russkii Yazyk, 1991. 918 p.
7. Tsvik V. L. Vvedenie v Zhurnalistiku [Introduction to Journalism]. Bol'shaya Onlajn Biblioteka E-Reading. Available at: [http://www.e-reading.link / chapter.php/1019966/3/Cvik_-_Vvedenie_v_zhurnalistiku.htm](http://www.e-reading.link/chapter.php/1019966/3/Cvik_-_Vvedenie_v_zhurnalistiku.htm) (accessed 10 August 2018).

8. Elektronnaya Biblioteka booklot.org. [E-library booklot.org]. Available at: <https://www.booklot.org/genre/nauchnoobrazovatel'naya/uchebniki/book/janryi-v-arsenale-sovremennoy-jurnalistiki/read/62//> (accessed 06 March 2019).

**STAGES OF CREATING A MEDIA PRODUCT WITHIN THE FRAMEWORK
OF STUDENT PRACTICAL JOURNALISM: FROM A SHORT PARAGRAPH TO
A MULTIBAND PUBLICATION**

Volokitin D. Yu.

The article discusses the sequence of media product creation in the framework of practical work with students. In our opinion, this process begins with the search for a specific situation with media potential, selection of the most advantageous facts in the proposed circumstances and formation of journalistic information which, as a result of analysis, systematization, editing, is a condition for creating full-fledged journalistic creative products. The relevance of this study lies in the fact that when working on their first journalistic materials, students often require teachers to use simple, concise, clear, and precisely formulated creative tools, which in practice when collecting factual material would have the maximum effect. The purpose and objectives of the article is to formulate a universal algorithm for differentiating the stages of the creation of a life-cycle process by students. Since all media products, regardless of genres and types of media (electronic or printed), in our opinion, have a generally identical structure.

Keywords: media situation, fact, information, media product, practical journalism.

УДК 070:316.77(292.471)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАПОЛЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В НОВЫХ СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Егорова Л. Г.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: legora@list.ru

В связи с изменением политического статуса Крыма информационное пространство республики претерпело кардинальные изменения. В статье определяются основные тенденции трансформации медиaprостранства Республики Крым нового времени. Издания классифицируются по ряду параметров, в числе которых материальная конструкция, форма собственности, тематика, язык выхода. Методология исследования основывается на системном подходе к изучению СМИ, в работе использованы такие методы и приемы исследования, как описание, классификация, сравнение, статистический анализ и пр. Автор приходит к выводу, что общее количество зарегистрированных печатных СМИ в Республике Крым существенно сократилось: целый ряд изданий по разным причинам (отсутствие перерегистрации в Роскомнадзоре, проблемы с финансированием и пр.) прекратил свое существование. В статье отмечается, что, несмотря на произошедшие трансформации, тематическая направленность печатных СМИ практически не претерпела изменений: как и прежде, наибольшую долю рынка занимают общественно-политические и информационные медиа. В качестве еще одной особенности зарегистрированных в исследуемый период печатных СМИ автор статьи указывает на преобладание одноязычных изданий.

Ключевые слова: медиaprостранство, печатные СМИ, рынок печатных СМИ, тематика изданий, классификация печатных СМИ.

На сегодняшний день средства массовой информации и коммуникации являются одним из наиболее эффективных инструментов формирования социального пространства в целом. Особый интерес в этом аспекте представляют вопросы развития региональных медиа, активно участвующих в установлении и поддержании диалога между социальными институтами и общественностью, формирующих отношение аудитории к жизни общества, происходящим процессам и проблемам. Вхождение Крыма в состав Российской Федерации привело к значительным изменениям медиaprостранства полуострова, и основные тенденции этой трансформации могут быть выявлены и описаны с помощью типологического подхода. В работе мы акцентируем внимание на основных типологически значимых

признаках СМИ, в числе которых помимо масштаба распространения (общего для всех региональных СМИ) целевое назначение, характер тематики и пр. [3].

На момент вхождения Республики в состав Российской Федерации, по данным Республиканского комитета АРК по информации, на территории полуострова было зарегистрировано 2662 печатных издания. При этом фактически издавалось менее 10% (229 изданий), в том числе 200 газет, 23 журнала, 6 периодических изданий других типов [2]. (1252 газеты, или 32% от общего количества крымских печатных СМИ, было зарегистрировано на одного человека (Стриженову Маргариту Михайловну), что является одним из наиболее показательных примеров сквоттинга. Процесс регистрации этих изданий занял чуть больше одного года – с июля 2011 по сентябрь 2012 гг. По нашему мнению, это напрямую связано с выборами в Верховную Раду Украины, которые проходили в 2012 году, ведь после того как распределение мандатов завершилось, динамика регистрации печатных СМИ АРК резко снизилась, а многие издания прекратили свою деятельность.)

Учредителем СМИ могут выступать государственные и общественные организации, группы граждан, а также отдельные лица. Форма собственности СМИ является значимым критерием для анализа состояния медиарынка, поскольку учредители обладают правами владельцев и руководителей созданных ими масс-медиа. Учредитель в значительной мере определяет редакционную политику, которая реализуется в журналистских текстах [6]. Муниципальные (коммунальные) издания на момент вхождения полуострова в состав РФ насчитывали 23 наименования, 58 изданий были учреждены государственными или партийными структурами, негосударственные СМИ (148 газет и журналов) занимали наибольшую долю рынка. В процессе анализа негосударственного сегмента печатных СМИ, составившего 65% от общего количества фактически издававшихся зарегистрированных печатных изданий на территории Крымского полуострова, было установлено, что учредителем у 70 печатных изданий выступает частное лицо, у 18 – трудовые коллективы, у 15 – частное предприятие, у 45 – общество, община, духовное управление, союз. К числу сущностных характеристик СМИ исследователи относят содержательно-тематическую направленность. Данный признак, тесно связанный с особенностями

целевой аудитории, выделяется на основе анализа тематических особенностей медиатекстов, транслируемых средствами массовой информации [4]. Изучая тематическое разнообразие печатных СМИ за период до 2014 года, мы пришли к выводу, что из 229 фактически издававшихся изданий 37% можно отнести к общественно-политическим, 19% – к информационным, 15% – рекламным, 12% – научно-популярным, 8% – к изданиям для досуга, 5% – к религиозным, 3% – учебным и 1% – спортивным. Несмотря на то что в 2011–2012 годах на территории Крыма было зарегистрировано наибольшее количество СМИ по сравнению с прошлыми периодами начиная с 1993 года, объем фактически издававшихся печатных изданий за это время составил всего несколько процентов (см. рис. 1).

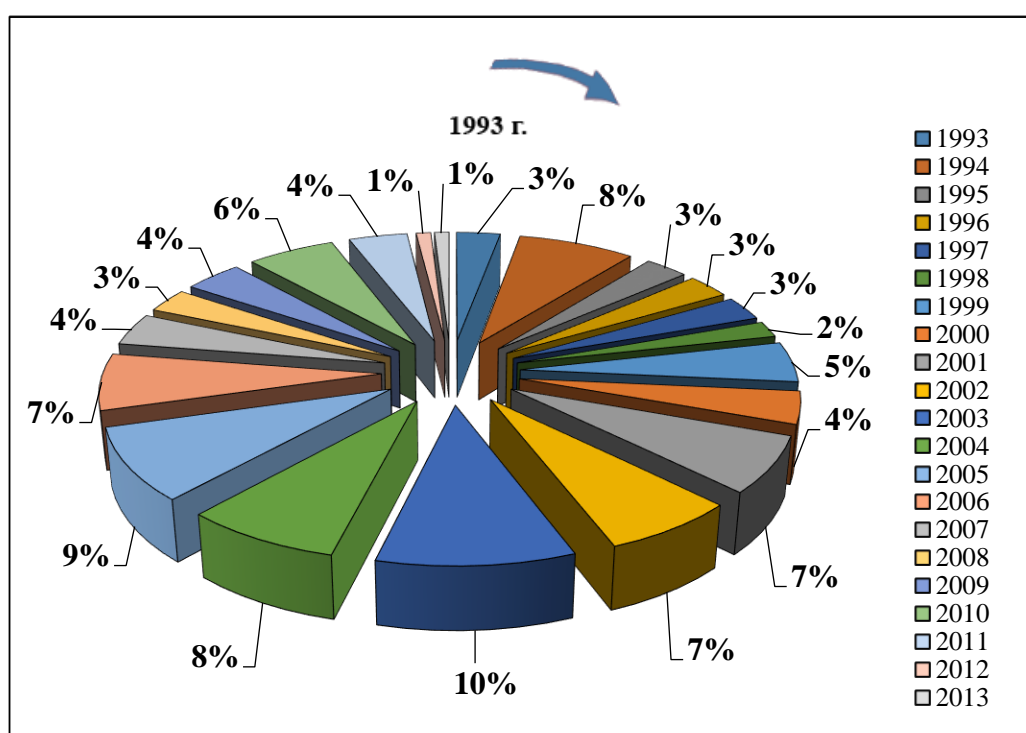

Рис. 1. Фактически издававшиеся печатные СМИ АРК

В 2013 году наибольшее количество периодических изданий зарегистрировано в Симферополе – 94; в Ялте – 19; Керчи – 10; Алуште – 8; Евпатории – 7; Джанкое – 5; Судаке и Саках – по 4; Алупке, Бахчисарае, Красноперекопске и Феодосии – по 3; Партените, Ленино, Советском, Черноморском, Красногвардейском и Армянске – по

2; Щелкино, Кировском, Первомайском, Раздольном, Нижнегорском, Белогорске – по 1.

В Крыму всегда остро стояла проблема становления этнической прессы, поскольку полуостров исторически является поликультурным регионом. В разное время здесь проживали караимы, крымские татары, крымчаки, киммерийцы, скифы, готы, сарматы, евреи, немцы, болгары, чехи, поляки. Согласно Конституции Республики Крым, статья 10. п.1.: «В Республике Крым наряду с государственным языком обеспечивается функционирование и развитие, использование и защита русского, крымско-татарского, а также языков других национальностей». В 2001 году на территории РК, по данным Всеукраинской переписи населения, проживали представители свыше 125 национальностей и народностей: русские (58,5%), украинцы (24,4%), крымские татары (12,1%), караимы (около 700 чел.), крымчаки (около 300 человек) и немногочисленные представители отдельных этносов. Изменения, произошедшие в социально-политическом устройстве в начале 1990-х годов, коснулись и языков издаваемых в Крыму журналов и газет. С возвращением на полуостров депортированных крымских татар, армян, болгар, греков, немцев и повышением национального самосознания представителей других крымских этносов издания начали выходить на языках народов Крыма. В настоящее время на полуострове проживают представители свыше 120 национальностей. Отметим, что 198 фактически издававшихся изданий полуострова (72%) публиковали материалы на русском языке, 47 (17%) – на украинском, 23 (8%) – на крымско-татарском языке. Материалы на английском языке размещались на страницах трех изданий, на немецком – двух, на армянском, греческом, болгарском – одного издания соответственно.

По состоянию на **15.03.2014** г., на территории полуострова фактически издавались 200 газет, 23 журнала, а также шесть других периодических изданий. Таким образом, газеты составили 87% от общего количества печатных СМИ, журналы – 10%, другие издания – 3%. Наибольшее количество печатных СМИ в Крыму являлись еженедельными – 125, 58 – ежемесячными, 26 – ежедневными, 11 – ежеквартальными, 9 – ежегодными (см. рис. 2).

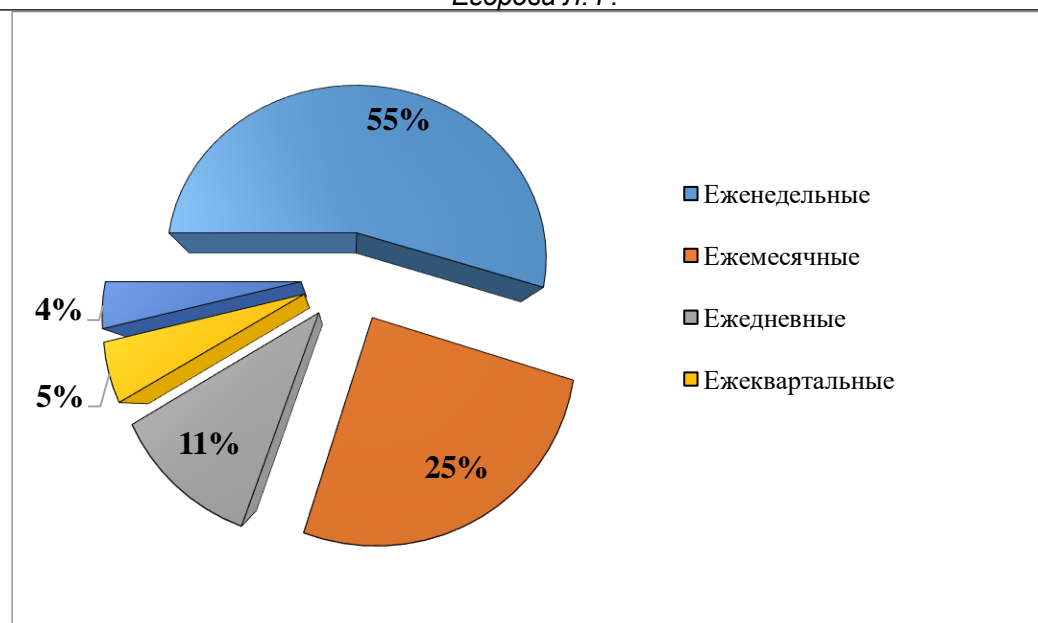

Рис. 2. Печатные СМИ по периодичности

В тематическом плане 86 зарегистрированных изданий (37,5%) являлись общественно-политическими, 44 (19%) – информационными, 34 (15%) – рекламными, 27 (12) – научно-популярными, 18 (8%) – для досуга, 11 (5%) – религиозными, 8 (3%) – учебными и одно издание (0,5%) – спортивной тематики (см. рис. 3).

Рис. 3. Печатные СМИ по тематике

Из 229 фактически издававшихся печатных СМИ 110 имели сайты, электронный архив наличествовал у 77 изданий. Можем отметить, что на крымском полуострове лидировали моноязычные издания, но на газетных полосах встречались материалы и на других языках: в 47 изданиях – на украинском языке, 24 издания публиковали статьи на крымскотатарском, англоязычные материалы встречались в трех газетах, немецкий язык публикаций отмечен у двух газет, материалы на греческом, болгарском и армянском языках присутствовали в одном издании.

Согласно проведенному мониторингу, на страницах 72% газет, выходящих на территории Республики Крым, публиковались материалы на русском языке, 17% – на украинском, 9% – на крымскотатарском языке; англоязычные, немецкоязычные публикации и материалы на языках малых народов Крыма (кроме немцев) представлены в 1% изданий (см. рис. 4).

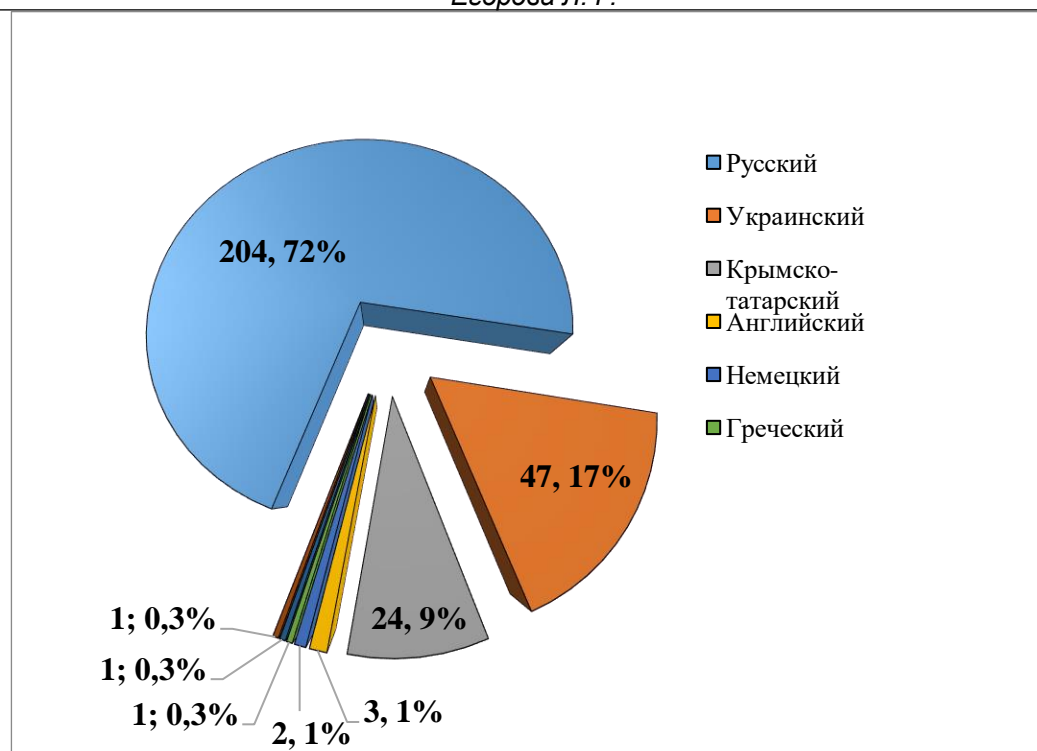

Рис. 4. Печатные СМИ Крыма по языку выхода

По состоянию на 15.03.2014 г., согласно данным Республиканского комитета по информации, 23 печатных издания (16 районных и 7 городских газет) в Крыму являлись коммунальными, составляя 10% от общего количества крымских печатных СМИ: «Авангард» (Раздольненский районный совет и районная государственная администрация), «Алуштинский вестник» (Алуштинский городской совет), «Вперед» (Первомайский районный совет), «Время, вперед» (Сакская райгосадминистрация), «Евпаторийская здравница» (Евпаторийский городской совет), «Заря Присивашья» (Джанкойский городской и районный совет), «Керченский рабочий» (Керченский городской совет), «Кировец» (Кировский районный совет), «Наше время» (Ленинский районный совет), «Нижнегорье» (Нижнегорский районный совет), «Огни маяка» (Красногвардейский районный совет), «Перекоп» (Красноперекопский районный и городской советы), «Победа» (Феодосийский городской совет), «Приазовская звезда» (Советский поселковый совет), «Присивашье» (Советский районный совет), «Сакская газета» (Сакский районный совет), «Сельская новь»

(Белогорский районный совет, Белогорская райгосадминистрация), «Сельский труженик» (Симферопольский районный совет), «Слава труду» (Бахчисарайский районный совет), «Слово города» (Сакский городской совет), «Судакские вести» (Судакский городской совет), «Черноморские известия» (Черноморский районный совет), «Южная столица» (Симферопольский городской совет).

Коммунальные газеты Крыма в большинстве случаев выходили раз в неделю объемом 4–8 полос. Распространялись в основном по подписке. Тираж некоторых изданий («Южная столица» и «Керченский рабочий») превышал 22 тысячи экземпляров (см. рис. 5), но преимущественно составлял 1–3 тысячи экземпляров. В связи с ограниченным бюджетным финансированием и низким уровнем доходов от рекламной деятельности большинство изданий выходило в черно-белом цвете или с цветными первой и последней полосами. Учредителями коммунальных СМИ являлись органы местной власти, иногда совместно с трудовыми коллективами изданий.

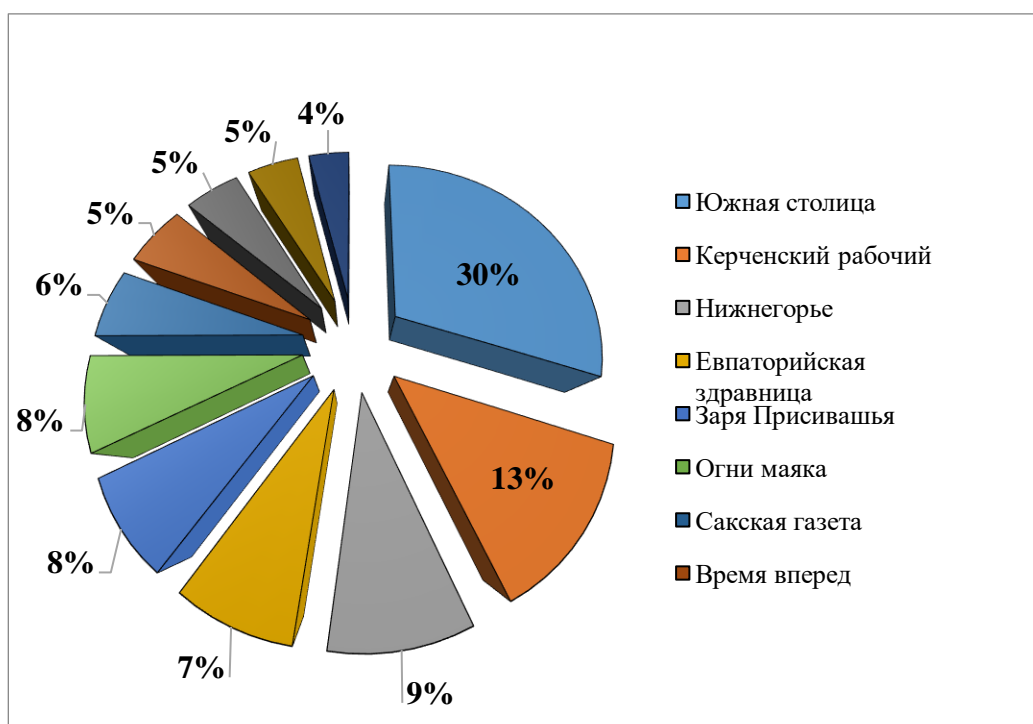

Рис. 5. Тиражи коммунальных изданий

По данным открытых источников Роскомнадзора, с **15.03.2014 по 28.12.2015 гг.** в Республике Крым зарегистрировано 213 печатных изданий. (Напомним, по состоянию на 15 марта 2014 года, на полуострове насчитывалось 2662 зарегистрированных и 229 фактически издававшихся печатных СМИ.) Уменьшение количества зарегистрированных изданий, по нашему мнению, связано с тем обстоятельством, что не все крымские СМИ смогли пройти процедуру перерегистрации (например, газеты «Хаверим», «Благая весть»). Напомним, что Государственная Дума РФ приняла закон о бесплатной перерегистрации крымских СМИ по российскому законодательству до 1 апреля 2015 года, согласно которому до 1 апреля 2015 года допускается распространение СМИ в Крыму и Севастополе, включая теле- и радиовещание, на основании свидетельств о регистрации и лицензий, выданных государственными органами Украины. Те СМИ, которые в установленный срок не пройдут процедуру перерегистрации, не смогут продолжить работу. К 1 апреля Роскомнадзор зарегистрировал 8 интернет-изданий, 19 телеканалов, 42 радиоканала, 163 печатных изданий и информационных агентств. Из этого числа 207 СМИ имели разрешительные документы, оформленные по украинскому законодательству, и прошли перерегистрацию. Еще 25 зарегистрированных СМИ – российские, впервые вышедшие на медиарынок полуострова. В их числе одно сетевое издание, два телеканала, восемь радиоканалов и 14 печатных изданий и информационных агентств [5].

Издание «Извор» ежемесячно выходило с 1997 года, ориентировалось на продвижение болгарской культуры в Крыму, играло важную роль в процессе объединения болгар и стимулировало изучение болгарского языка и культуры, но, по состоянию на декабрь 2015 года, на сайте Роскомнадзора зафиксировано не было. Аналогичная ситуация сложилась и с «Караимской газетой», которая выпускалась с марта 2005 года, позиционировалась как ежемесячная газета и основной источник сведений о культуре и жизни караимов Крыма. Последнее упоминание о ней датируется февралем 2014 года. В середине 2015 года вынуждена была прекратить свою деятельность и информационно-политическая газета «Первая Крымская». Согласно сообщению на официальном сайте газеты, это произошло по причине

отсутствия финансирования. Газета «Регион Крым», принадлежавшая «Партии Регионов», начиная с 2014 года не издавалась, в Роскомнадзоре не зарегистрирована. Прекратило свое существование после 2014 года «Кримське слово», регион покинули «События», «Комсомольская правда в Украине», «Дзвін Севастополя», «Флот Украины», «Кримський діалог», «Вестник юстиции» и др. Стоит также отметить, что медиарынок Крыма был наполнен общеукраинскими изданиями, которые на полуострове имели представительство либо издавали отдельный региональный выпуск. Так, 15 покинувших медиaproстранство полуострова изданий оказались именно такими (например, «Телескоп», «Теленеделя» и пр.). При этом в информационное поле Республики Крым в 2015 году вошли новые СМИ: например, такие издания, как «Новая газета», «Новый Крым» и «Наша газета». После того как в Крыму прекратили свою деятельность телеканал АТР и радио «Лидер», на медийную площадку вышли телеканал Millet, радио «Море», радио «Спутник в Крыму». В исследуемый период на медиарынок Крыма пришли массовые общероссийские СМИ, которые печатаются либо отдельным выпуском, готовящимся местной редакцией издания, либо приложением для жителей Крыма. Примером таких изданий могут служить «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты». Динамика регистрации изданий на сайте Роскомнадзора в период с 01.04.2015 по 28.12.2015 года представлена на рисунке 6.

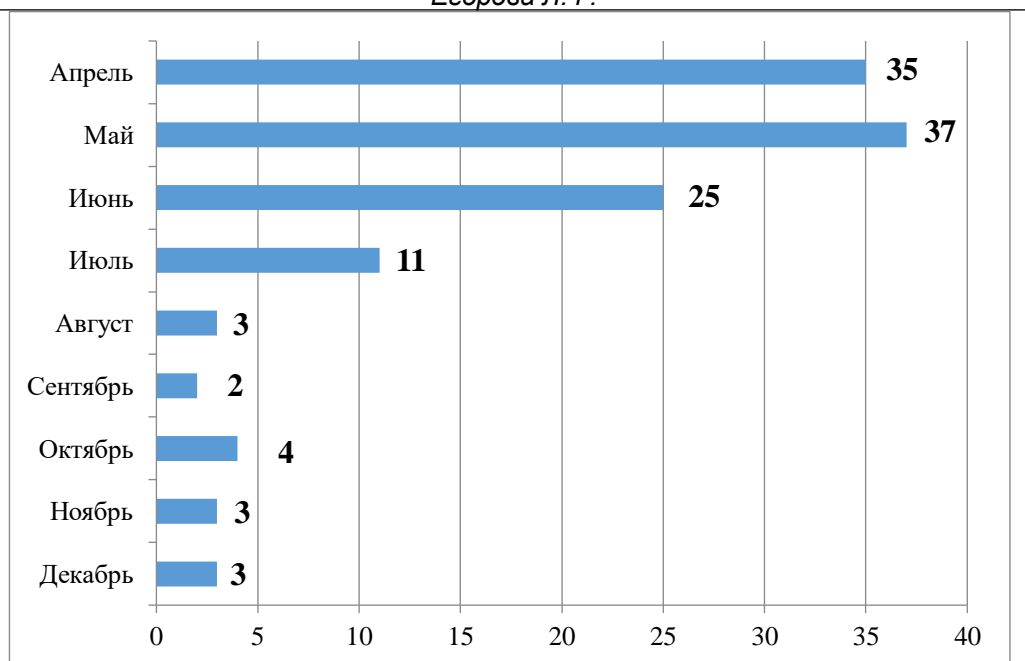

Рис. 6. Динамика регистрации печатных СМИ Крыма с 01.04.2015 по 01.12.2015

Итак, пик регистрации печатных изданий в указанный период пришелся на май 2015 года – 37. Самые низкие показатели отмечены в сентябре – два издания. В общей сложности с 01.04.2015 по 28.12.2015 года в Крыму зарегистрировано 123 печатных СМИ. По состоянию на конец 2015 года, на территории Республики Крым было зарегистрировано 213 печатных изданий.

В исследуемый период на территории полуострова в подавляющем большинстве зарегистрированы общественно-политические издания – 44% из общего количества печатных СМИ (например, газеты «Крымские известия», «Крымская правда», «Крымское время», «Новый Крым», «Авангард», «Большая Ялта», «Сельская новь» и др.). Информационные издания, в частности «Крымский телеграфЪ», «Ялтинские вести», «Кафа», «Регион Керчь», «Своя газета», «Вечерний город», составили 17% от зарегистрированных печатных средств массовой информации Крыма. 15% печатных изданий – рекламные СМИ, в том числе «Недвижимость Крыма», «Крымская недвижимость», «Объявления Крыма», «Что? Где? Почему?», «Недвижимость

Севастополя», «Сорока Крым» и др. К научно-популярным, занявшим 9% рынка печатных крымских СМИ, можно отнести такие издания, как «Ливадийские чтения», «Врачебное слово», «Историческое наследие Крыма», «Military Крым» и пр. Сегмент печатных изданий для досуга составил 8% медийного пространства полуострова. Сюда входят такие газеты и журналы, как «Ялос», «Полуостров сокровищ», «Крымская пятница» и другие. Религиозные издания, в числе которых газеты «Хидает», «Ялта православная», «Жизнь и благословение» и др., составляют 4% от всего количества зарегистрированных крымских печатных СМИ. Учебные печатные медиа (например, «Тасиль», «Полиграфист Тавриды», «Южный бульвар») занимают всего 2% рынка, издания спортивной тематики (например, «Таврия спорт») – 1% (см. рис. 7).

Рис. 7. Печатные СМИ РК по тематике

Среди 213 зарегистрированных по состоянию на 28.12.2015 г. печатных изданий Республики преобладали одноязычные издания. Так, материалы 156 изданий

выпускались исключительно на русском языке, 36 газет – на русском, английском, украинском и крымско-татарском языках. В Республике двуязычными являлись 17 изданий (из них: 13 – с русским и английским и 4 – с русским и украинским языками), публикации в четырех изданиях печатались на крымско-татарском языке (см. рис. 8). Данные нашего исследования подтверждают позицию Г. Ю. Богданович: в Крыму русскому языку, на основе которого строятся и универсальные коммуникативные модели, принадлежит большая объединительная роль: «являясь фактором региональной идентичности, русский язык снимает напряженность межличностных отношений, служит средством общения с представителями других культур, выполняет общественно значимую роль транслятора сведений о культуре совместно проживающих народов» [1, с. 24].

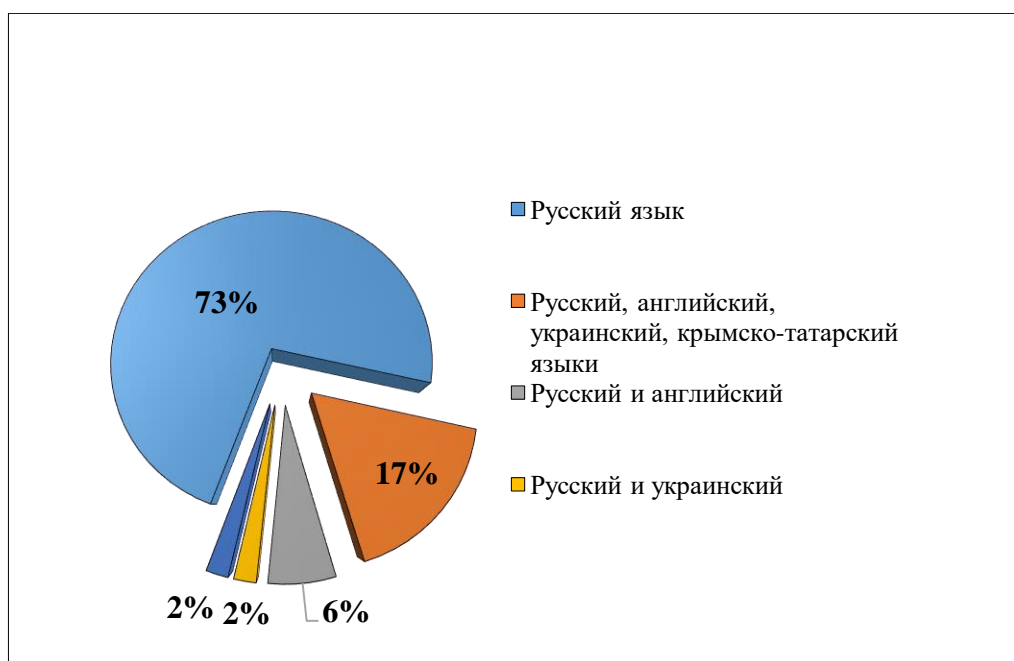

Рис. 8. Печатные СМИ РК по языку выхода издания

Что касается типа учредителя, то, по состоянию на 28.12.2015 г., 64 из 213 зарегистрированных изданий учреждены государственными / партийными структурами, т.е. примерно 30% печатных изданий, зарегистрированных на

полуострове, являлись государственными. Из 149 негосударственных изданий учредителем у 77 выступало частное лицо, у 62 – общество с ограниченной ответственностью, у 10 – общественные организации и общины. Исходя из полученных данных, можем отметить, что 53% негосударственных изданий Республики принадлежали частным лицам, Общества с ограниченной ответственностью контролировали более 40% СМИ, общины и союзы – 7%.

Итак, изменение политического статуса Крыма оказало значительное воздействие на состояние медиасферы региона. Наиболее важные трансформации произошли в 2014 году, когда СМИ полуострова проходили процедуру перерегистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, в результате количество зарегистрированных медиа Республики резко сократилось: так, с 15.03.2014 по 28.12.2015 гг. в Крыму было зарегистрировано 213 печатных изданий (ср.: 2662 печатных издания, зарегистрированных по состоянию на начало 2014 г.). В 2015 году информационное пространство полуострова пополнили новые издания, такие как «Новая газета», «Новый Крым» и «Наша газета». После того как в Крыму прекратили свою деятельность телеканал АТР и радио «Лидер», на медийную площадку вышли телеканал Millet, радио «Море», радио «Спутник в Крыму». В исследуемый период на медиарынок Крыма также пришли массовые общероссийские СМИ, которые печатаются либо отдельным выпуском, готовящимся местной редакцией издания, либо приложением для жителей Крыма. Примером таких изданий могут служить «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты». С 2014 по 2018 годы на территории Республики Крым зарегистрировано 310 печатных СМИ. Из них 64 – в 2014 году, 149 – в 2015 году, 43 – в 2016 году, 42 – в 2017 году и 11 СМИ – в 2018 году (по состоянию на май 2018 года, процедуру перерегистрации не проходило зарегистрированное в 1992 году издание «Флаг Родины») (см. рис. 17). 24 СМИ с 2014 по 2017 гг. прекратили свою деятельность вследствие финансовых проблем, по решению суда или учредителей.

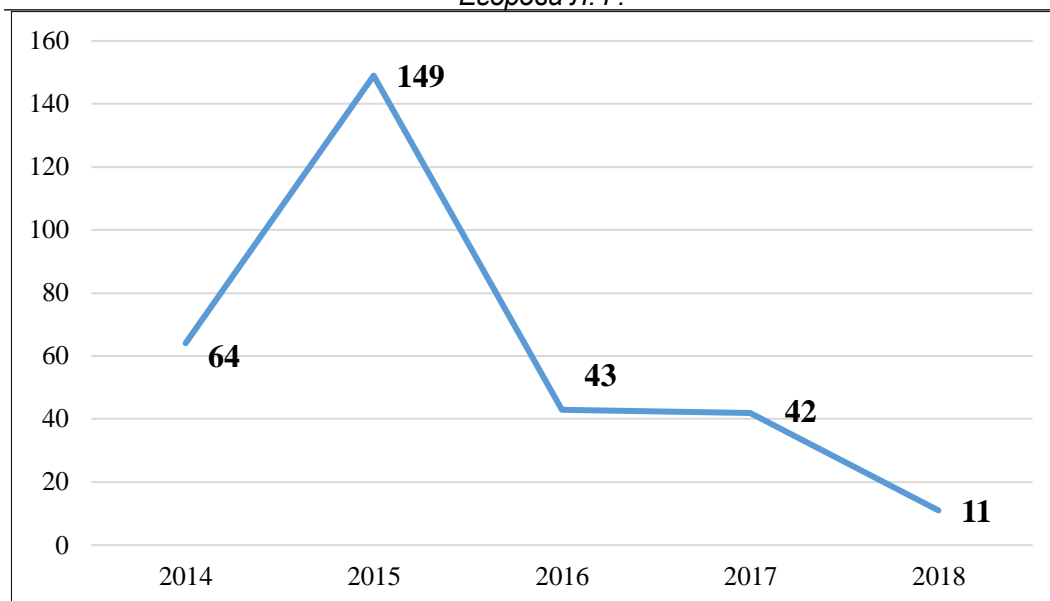

Рис. 17. Динамика регистрации СМИ в РК с 2014 по 2018 гг.

В целом, по данным Роскомнадзора, по состоянию на **23.05.2018** в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе зарегистрировано 457 СМИ, из них 310 печатных изданий; сетевых изданий – 53; радиоканала – 52; телеканала – 32; информационных агентств – 10 (см. рис. 9).

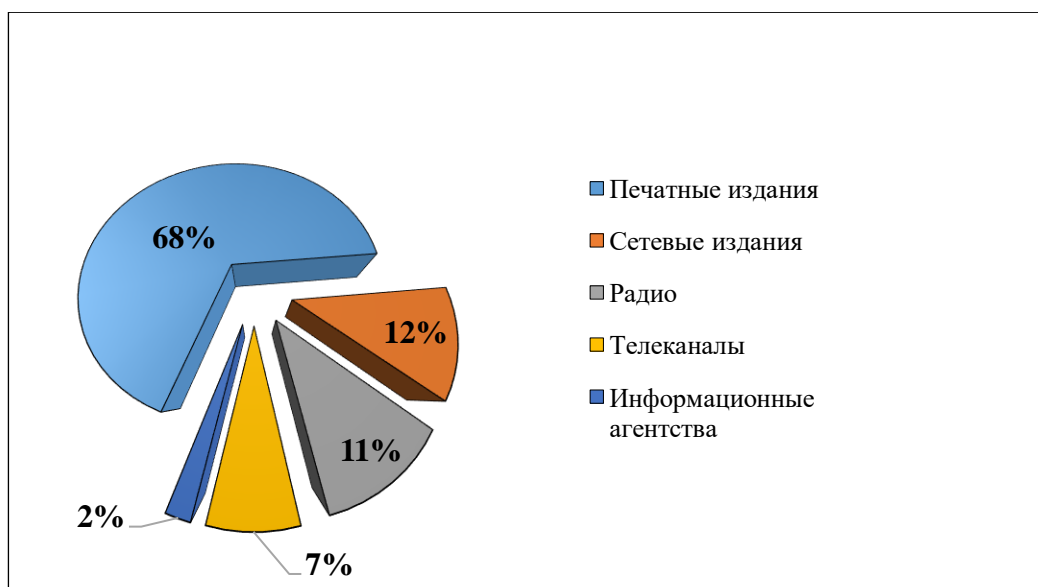

Рис. 9. Зарегистрированные СМИ РК на 23.05.2018

Список литературы

1. Богданович, Г. Ю. Полилингвокультурная ситуация и полилингвокультурный феномен как термины межкультурной коммуникации / Г. Ю. Богданович [Текст] // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 1. Ч. 1. – С. 20–25.
2. Егорова, Л. Г. Печатные СМИ Крыма: разработка медиапрезентации [Текст] / Егорова Л. Г., Чумичева М. А. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Том 26 (65). №3. – С. 110–120.
3. Исследования СМИ: методология подходы и методы : [учебно-методическое пособие. Материалы лекций для аспирантов факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова]. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011. – 236 с.
4. Могилевская, Э. В. Информационные агентства в Интернете: особенности и принципы функционирования : дисс. ... к.ф.н. : 10.01.10 [Текст] / Э. В. Могилевская. – Тольятти, 2008. – 177 с.
5. РКН зарегистрировал 232 СМИ в Крыму за переходный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cableman.ru/content/rkn-zaregistririval-232-smi-v-krymu-za-perekhodnyi-period> (дата обращения 23.03.2019)
6. Тендит, К. Н. Теория и практика массовой информации: [учеб. пособие] / К. Н. Тендит, А. В. Иваньков. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013. – 56 с.

References

1. Bogdanovich G. Yu. Polilingvokul'turnaya Situatsiya i Polilingvokul'turnyi Fenomen kak Terminy Mezhkul'turnoi Kommunikatsii [The Polylinguocultural Situation and the Polylinguocultural Phenomenon as Terms of Intercultural Communication] Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsional'nogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social'nye Kommunikatsii», 2011, vol. 24 (63), no 1. part. 1, pp. 20 – 25.

2. Egorova L. G., Chumicheva M. A. Pечатnye SMI Kryma: Razrabotka Mediaprezentatsii [The Crimean Printed Media: the Concept of Presentation]. Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsional'nogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye Kommunikatsii», 2013, vol. 26 (65), no 3, pp. 110 – 120.
3. Issledovaniya SMI: Metodologiya, Podkhody i Metody [The Mass Media Research: Methodology, Approaches and Methods]. Moscow: Moscow University Press, 2011. 236 p.
4. Mogilevskaya Ye. V. Informatsionnye Agentstva v Internete: Osobennosti i Printsipy Funktsionirovaniya: Dis. ... Kand. Filol. Nauk [News Agencies in Internet: the Features and Functioning Principles. Thesis]. Togliatti, 2008.
5. RKN Zaregistririval 232 SMI v Krymu za Perekhodnyi Period [RCC Has Registered 232 Mass Media in Crimea during Conversion Period]. Available at: <https://www.cableman.ru/content/rkn-zaregistririval-232-smi-v-krymu-za-perekhodnyi-period>. (accessed 23 March 2019).
6. Tendit K. N., Ivan'kov A. V. Teoriya i Praktika Massovoi Informatsii [Mass Information Theory and Practice]. Komsomolsk-on-Amur, 2013. 56 p.

THE REPUBLIC OF CRIMEA MEDIA SPACE TRANSFORMATION IN NEW SOCIAL AND POLITICAL CONDITIONS

Egorova L. G.

The informational space of the Republic of Crimea has undergone fundamental changes as a result of the republic unification with the Russian Federation. The article is devoted to the analysis of the principal tendencies in the Crimean media space transformation in the second half of 2014 – the year of 2015. The author classifies the editions by a number of parameters, including material construction, subjects, language of output. The research methodology is based on system approach to mass media analysis. Such methods as characterization, classification, comparative method, statistical analysis and others are used in the research. The author comes to the conclusion that the total number of registered printed media in the Crimea has significantly decreased, as a number of editions terminated their activity for various reasons (such as failure of re-registration in the Roskomnadzor, problems with funding, etc.). At the same time, there is a tendency for new newspapers and magazines to come to the peninsula media market. The author draws attention to the fact that, despite the quantitative changes that have taken place in the media market, the thematic focus of the printed mass media practically has not changed, the largest part of the market is occupied by socio-political and information printed media. The author also points out that among the registered print media mono-language editions predominate.

Keywords: media space, printed media, printed media market, subject orientation, printed media classification.

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1

ДИАЛОГ С ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ В ПРОЗЕ М. Н. ЗАГОСКИНА.

СТАТЬЯ 2. ЦИКЛ «ВЕЧЕР НА ХОПРЕ»

Александрова И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
e-mail: iva-510@mail.ru

В статье предпринят анализ рецепции традиций готической прозы в повествовательном цикле М. Н. Загоскина «Вечер на Хопре» (1834). Писателем используются темы, мотивы, сюжетные ситуации, характерные для литературной «готики», однако они претерпевают определенные трансформации. В качестве стержневого выступает мотив сделки с дьяволом, имеющий высокую частотность в готическом повествовании. К готической традиции генетически восходит и система персонажей: в повестях цикла присутствуют имморалисты, связанные с инфернальным миром, жертвы демонических сил, пленница злодея, герой-двойники. Автор реализует разные вариации этического конфликта, связанного с противостоянием сил добра и зла, с мотивами преступления, расплаты за родовую вину, за грехи предков. В пространственно-временном континууме произведения акцентируются здания и интерьеры, характерные для локации «романа тайн». Спектр восприятия иррационального включает как естественную, так и сверхъестественную мотивировку событий, причем ее окончательное истолкование отсутствует. Вместе с тем, в «Вечере на Хопре» отношение писателем к готической традиции неоднозначно: с одной стороны, Загоскин наследует комплекс магистральных идейно-художественных черт «романа тайн», с другой же – пародийно истолковывает, иронически снижает его шаблоны. В цикле проявляется ироническая модальность, отсутствовавшая в более раннем творчестве автора. Загоскин адаптирует конститутивные свойства готического романа к отечественному культурному пространству, соединяя их с фольклорными элементами (жанры былички, народной легенды и т. п.). Мировому злу писатель противопоставляет православную веру как нравственную опору в мире, чреватом сложными испытаниями для человеческого духа.

Ключевые слова: готический сюжет, традиция, цикл, художественное пространство, этический конфликт, ирония.

ВВЕДЕНИЕ

Как свидетельствует осмысление историко-литературного материала, предпринятое в предыдущей статье [1], в последние десятилетия значительный интерес исследователей вызывает «готическая» литература и многочисленные векторы ее влияния на различные жанры отечественной словесности. Центральную роль в оформлении этого направления литературоведческих изысканий сыграли работы В. Э. Вацура и издание его монографии «Готический роман в России» [4]. В

настоящее время активно осмысливается воздействие литературной «готики» на творчество А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. А. Бестужева-Марлинского, А. К. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, писателей XX века (см. главы в коллективной монографии «Готическая традиция в русской литературе» (2008) [5], написанные Н. Д. Тамарченко, В. Б. Зусевой, В. Я. Малкиной, А. А. Поляковой, А. А. Михалевой, Е. И. Самородницкой, О. В. Федунинной). Однако, как представляется, круг этих авторов может быть значительно расширен за счет включения в него литераторов второго и третьего литературного ряда.

Цель настоящего исследования – выявить формы и механизмы влияния «готической» традиции на структуру и художественную специфику повествовательного цикла М. Н. Загоскина «Вечер на Хопре» (1834).

Данный цикл привлекает внимание специалистов по русской прозе первой половины XIX века прежде всего в контексте их изысканий в области циклообразования и становления русской фантастики [9, с. 9–11; 10, с. 155–157; 11, с. 12; 12 и др.]. Однако готическая составляющая «Вечера на Хопре» пока не стала объектом специального научного интереса. Литературоведы ограничивались краткими замечаниями на этот счет. Так, Ю. Беляев в предисловии к одному из изданий прозы писателя лишь констатировал наличие в цикле «готической стилистики» [2, с. 17], не предпринимая попыток анализа.

Актуальность и **новизна** данного исследования, таким образом, связаны с недостаточной разработанностью этой проблемы в современной науке при явно обозначившемся в последнее время интересе к «готической» тематике.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Под готической традицией современное литературоведение понимает специфическую – «в тематическом, сюжетно-композиционном и стилистическом отношении» [7, с. 1] – художественную систему, обладающую собственными границами и проявляющуюся прежде всего в элементах сюжета, включающего иррациональные мотивы, в разработке этического конфликта, особом хронотопе. К основополагающим свойствам литературной «готики» относят также «столкновение

в произведении вселенских сил добра и зла; преобладание в повествовании фантастических, таинственных, ужасных ситуаций, ледящих души читателей и внушающих им страх; изображение власти над человеком роковых предопределений или демонических сил, ведущих к гибели слабых духом героев» [3], присутствие в сюжете тайны. При этом исследователи настаивают на сохранении комплекса «инвариантных структурных особенностей готического романа» [5, с. 32]: лишь в этом случае то или иное произведение может быть отнесено к готической традиции.

Как представляется, цикл М.Н.Загоскина «Вечер на Хопре», включает едва ли не все перечисленные черты.

Обсуждение сверхъестественных явлений становится нервом этого цикла с обрамлением: герои, «заточённые» в доме разыгравшейся непогодой, коротают время, развлекая друг друга историями о страшном и непостижимом, обращаются к событиям далекого прошлого (напомним, что значительная временная дистанция – важнейший признак готического романа). Повести, различные по эмоциональному тону, «сшиваются» между собой спором гостей Ивана Алексеевича Асанова о возможности присутствия ирреального в повседневном, о границах человеческого сознания, и каждая рассказанная история – аргумент в этом споре.

Знаковый для литературной «готики» мотив контакта человека с инфернальным организует сюжетное пространство цикла и обеспечивает внутреннее единство его элементов. Сверхъестественное в «Вечере на Хопре» несет тайну и опасность, так как является принадлежностью мира, отличного от того, в котором живут и действуют герои.

В повести «Пан Твардовский» Кольчугин, вспоминая боевую молодость, рассказывает, как он, в ту пору полковой адъютант, в поисках жилья для жены командира попал на польскую мызу, где стал невольным участником пира у нечистой силы. Экспозицией контакта с нею является зловещий пейзаж, что совершенно характерно для готического повествования: «На дворе становилось все темнее, вдали сверкала молния, а над нами так затучило, что когда мы поехали лесом, так в двух шагах ничего не было видно» [6, с. 301]; «холодно, сыро, ветер воет» [6, с. 302]; «на дворе бушевала погода, выл ветер, дождь лил как из ведра» [6, с. 310]. К тому же,

лошади начинают спотыкаться, что также выступает предвестием встречи с представителями инфернальных сил. Во время застолья колдун Твардовский угощает героя мертвой человеческой головой. В ее описании совмещаются признаки живого и мертвого, что характерно для литературной готики: «голова зашевелилась, начала дразнить меня языком и защелкала зубами <...> раскрыла огромную пасть и, словно из бочки, как грянет басом польскую мазурку» [6, с. 312]. Диалектическая связь живого и мертвого обнаруживается и в повести «Концерт бесов»: зрители на дьявольском концерте, давно умершие люди, ведут себя, как живые, тогда как в Зорине, живом человеке, обнаруживаются признаки мертвенности: голос его «так дик, так странен»; «дикий огонь его сверкающих глаз, этот неистовый, безумный восторг, эти слова радости и бледное, иссохшее лицо мертвеца!» [6, с. 336]; «Живой человек не может иметь такого лица!» [6, с. 335].

Присутствие героя на пиру у сатаны (действие при этом происходит непременно в полночь) – расхожий мотив готического сюжета. Он дублируется и в повести «Нежданные гости»: к отцу рассказчика этой истории Кольчугина являются представители темных сил под видом казаков и чиновников и заставляют его угощать их и против его воли плясать с ними. Встреча с нечистью для Кольчугина-старшего – наказание за неверие, дух сомнения, за соблазн и умствование: накануне событий он усомнился в истинности описанной в «Четьях-Минях» ситуации с преподобным Исаакием, печерским затворником [6, с. 323], а позже, садясь с гостями за стол, «позабыл даже помолиться Богу» [6, с. 326]. Ситуация пира у сатаны относится к одному из опорных топосов готического романа, однако Загоскин, в целом в смысловом отношении идя вслед за традицией, переносит место действия в дом «потерпевшего».

Сюжетное ядро повести «Две невестки» определяет явление героине привидения – ситуация отнюдь не уникальная в готической прозе. Ее можно обнаружить, например, в «Монахе» М. Г. Льюиса и ряде других произведений. В русской литературе первой половины XIX века сюжет о явлении герою умершего дорогого человека в виде призрака был опробован Антонием Погорельским в повести «Исидор и Анюта» (1828). У Загоскина Жозефине ночью является призрак второй невестки,

Казимиры, и героиня, казалось бы, вполне подготовлена к этому событию: обе женщины всегда ощущали необъяснимое «сродство душ», словно пребывание единой души в их двух телах, и поклялись, что если одна из них умрет раньше другой, то обязательно явится к оставшейся в живых попрощаться. Характеризуя отношения невесток, автор явно отсылает читателя к очень распространенному в «готике» мотиву двойничества (см., например, роман М. Г. Льюиса «Монах», «Эликсиры сатаны» Э. Т. А. Гофмана и др.). В Жозефине, кроме того, сильно развито интуитивное начало, «что-то такое, что несравненно сильнее всякого рассудка» [6, с. 351], оно-то и подсказывает ей, что с Казимирой в Париже случилась беда. Однако появление привидения в темной комнате чрезвычайно пугает героиню: она «не могла выговорить ни слова» [6, с. 353]. Облик явившейся женщины вполне характерен для готического романа: белое платье, брошенное на голову белое покрывало, неподвижный взгляд, едва слышимый голос; с нею связан мотив холода («повеяло какою-то приятной весенней прохладой» [6, с. 353]). Загоскин подчеркивает непричастность возникшей фигуры миру людей, с которым связана Жозефина, ее иную природу: призрак запрещает героине прикасаться («еще не пришло время» [6, с. 353]); знаками его inferнальной природы становятся черный пояс и красное ожерелье. Писатель опирается на традиционную семантику красного и черного цветов, символизирующих, соответственно, кровь, адский пламень – и смерть. Позже выясняется, что реальная Казимира была гильотинирована в Париже, охваченном революцией, которая Загоскиным, не разделяющим ее идеалов, описывается в готической стилистике, как событие, вселяющее ужас («хотя кровь не лилась еще реками, но всё заставляло думать, что предсказания и догадки европейских журналистов, как крики зловещих птиц, не предвещают ничего доброго» [6, с. 350] (выделено мной. – И. А.); «кровавые пиршества»; революционеры – «шайка разбойников и убийц» [6, с. 351]). С привидением связан и мотив тайны: в повести так и не раскрывается, что же явившаяся женщина прошептала на ухо Жозефине.

В цикле активно разрабатывается мотив дьявольского договора, продажи души дьяволу, отличающийся особой частотностью в готическом повествовании («Влюбленный дьявол» Ж. Казота, «Монах» М. Г. Льюиса, «Мельмот Скиталец»

Ч. Мэтьюрина, «Ватек» У. Бекфорда и др.). Если в первом романе Загоскина, «Юрий Милославский», его функцию выполняет присяга заглавного героя (наивно полагающего, что несет благо своей стране) врагу, польскому королевичу Владиславу, то в «Вечере на Хопре» этот знаковый мотив получает прямое значение, причем в нескольких вариациях. Дед разбойника Глинского, по слухам, продал душу сатане в обмен на материальные блага, и тот помогает ему находить клады. Дружбу с нечистым водит и легендарный колдун пан Твардовский. Сам того не ведая, едва не поступает на службу к темным силам отец Кольчугина. Зорин в «Концерте бесов» вступает в контакт с иномирием, отдает душу дьяволу, воплотившемуся в обличье итальянской оперной певицы Лауретты. Страсть к искусству уподобляется демонической одержимости. Как отмечает А. Полякова, «музыка обладает огромной властью над людьми, она может нести радость, но способна и подчинить человеческую волю, управлять эмоциями. Именно в связи со второй функцией мотива музыканты и певцы в готических новеллах часто обладают демонической внешностью, подчеркивающей их власть (пример – чужестранец в новелле С. Берту «Соната дьявола»)» [5, с. 219]. Любовная страсть, парализующая волю героя, оказывается явлением того же порядка: Зорин поддается дьявольскому соблазну и в результате теряет рассудок. Симптоматично, что героиня повести – итальянка. Во-первых, именно в Италии, воспринимавшейся авторами готических романов как экзотическая страна, происходит действие многих из них (попутно заметим, что элементы географической экзотики присутствуют и в повестях «Белое привидение» и «Две невестки»). Во-вторых – иная национальность Лауретты подчеркивает ее чуждость миру Зорина. Свидетельством безумия Зорина, по Загоскину, становится, в том числе, и утрата им чувства патриотизма, гордости за свою родину, неумеренное прославление Италии и уничтожение всего русского. В готическом повествовании сфера инфернального зачастую связывалась именно с иностранцами (упомянутый герой из произведения С. Берту, Монтони из «Удольфских тайн» А. Радклиф и др.). Позже в романе «Искуситель» (1838), написанном не без влияния готической литературы, Загоскин тоже отдаст дань этой традиции, изобразив представителя демонических сил – барона Брокена – иностранцем.

Еще один важнейший мотив, типичный для готического романа, – мотив родовой вины: потомки непременно расплачиваются за злодеяния своих предков. Софья Глинская, разлученная с любимым, зачахла с горя и умерла. Ее отец сломил себе шею, травя волка. Эти обстоятельства истолковываются Загоскиным как кара за злодеяния предка Глинского, душегуба, некогда державшего у себя разбойничью пристань, совершившего немало жестоких поступков.

Как отмечено ранее [1, с. 43], в «Юрии Милославском» этический конфликт – борьба носителей добра и зла – трактуется Загоскиным вполне в духе готической прозы, как противостояние «ангельского» и «дьявольского», Божьего и адского. В повестях «Вечера на Хопре» эта семантика негативного сохраняется, обнажается демоническое и звериное во внешности и поведении отрицательных персонажей. «Зверские и отвратительные» [6, с. 309] лица видит Кольчугин на портретах в польской мызе. Особенно уродлив портрет пана Твардовского: навислые брови, косые глаза... Пращур Глинского («Ночной поезд») «десять лет сряду сидел... на Хопре, как дикий зверь на перепутье» [6, с. 360]. В повести «Нежданные гости» у казака-оборотня «нос крючком, как у филина» [6, с. 324], у приказного – «исковерканная и срамная рожа», «глаза дикой кошки», улыбка – «как собака оскаливает зубы» [6, с. 325], у подьячего «кошачьи глаза» [6, с. 326], у беснующихся и кошунствующих гостей – «отвратительные хари», «беспутный хохот», в их речах слышится «что-то нечистое и лукавое» [6, с. 326]. При этом повесть включает и коннотации социального плана: приказный-бес повествует «про плутни своих товарищей и казусные дела уголовной палаты» [6, с. 326], т. е. судебские чиновники уподобляются нечистой силе, проводникам дьявольских замыслов. Звериное обличье принимают представители inferнального мира в «Концерте бесов»: «Журавлиные шеи с собачьими мордами; туловища быков с воробьиными ногами; петухи с козлиными ногами; козлы с человеческими руками <...> капельмейстер с свиной головою в белонапудренном парике <...> контрабасист с медвежим рылом» [6, с. 342]; сам концерт описывается как беснование, греховное действие («капельмейстер поднял кверху обглоданную бычачью кость, которая служила ему палочкою <...> адские звуки заколебали воздух» [6, с. 343]).

Дочь Глинского, Софья Павловна, «прекрасная лицом, еще прекраснее душою» [6, с. 288], – воплощение ангельского начала. С ее образом связан значимый для «готики» мотив жертвы-пленницы, которая подвергается притеснениям и домогательствам «демонического» персонажа, но предпочитает смерть нарушению клятвы верности любимому. Данный мотив удваивается в цикле: судьбе Софьи функционально синонимична участь Варвары, дочери предка Глинского, – отец выдает ее насильно замуж за разбойника, грозит убить в случае неповиновения. Однако если в классическом готическом романе (например, у А. Радклиф) подобные героини помещались в центр повествования, то у Загоскина они находятся на периферии действия, обстоятельства их жизни отнесены к прошлому, а их судьбы призваны обнажить крайнюю степень безнравственности демонического героя.

Представители демонических сил у Загоскина, как и в дебютном романе, – обязательно богоотступники, утратившие традиционную опору на религиозные заповеди, а потому попирающие нравственные святыни. «Нежданные гости» из одноименной повести богохульствуют, потешаются над людьми духовного звания, поют срамные песни, но отец Кольчугина терпит эти бесчинства в своем доме, т. к. он «словно обмороченный» [6, с. 327]. Писатель использует гиперболы, чтобы передать необычность поведения нечисти, ее сверхспособности. Действия нечистой силы сопровождаются огнем и дымом, что подчеркивает инфернальный план повествования, негативную семантику разрушения. Свойствами классического злодея готического романа наделены пан Твардовский – еретик, богоотступник, колдун, разбойник Глинский, которого одолевают низменные страсти, и его прадед. Последний «делал что хотел: грабил на больших дорогах, вешал и топил в Хопре земских ярыжек, сбирал оброк с своих соседей и держал в ежовых рукавицах сердобского воеводу» [6, с. 360]; побоями и издевательствами довел до смерти жену. Его немногочисленную шайку не может одолеть земское войско: «стрельцы ... как увидели, что от Глинского пули отскакивают и бердыши об него ломаются, так на них нашел такой страх, что и они также ударились бежать без оглядки» [6, с. 361]. Глинский не крестится перед трапезой, не позволяет молодым во время венчания приложиться к иконам. Если свеча в руках его дочери перед алтарем «пылала ясным

и чистым огнем» [6, с. 365], то у разбойника Коршуна, выбранного ей отцом в качестве мужа, – «горела тускло, дымилась, как погребальный светоч, и без всякой причины три раза сряду гаснула» [6, с. 365], обнажая его причастность к сфере inferнального. Демоническая сущность героини «Концерта бесов» маркирована знаковыми деталями: Лауретта никогда не появляется в обществе ранее полуночи, собирается дать концерт на первой неделе Великого поста. Принадлежность к «темному» миру отмечена и одеждой героев: на Лауретте – «черный венециан» [6, с. 337], на Зорине, одержимом пагубной страстью и ставшем добычей дьявольских сил, – «красное домино» [6, с. 334] (ср.: у А. Погорельского в «Двойнике» неоднократно акцентируется, что демонический персонаж облачен в красный плащ [8, с. 45–46]).

Силам зла писатель противопоставляет приверженность духовным ценностям, нравственным основам национальной жизни, православную веру как истинную опору в жизненных испытаниях. Так, Кольчугин защиту от нечистой силы видит в крепкой вере: «Хорошо демону шутить с еретиком, а ведь я православный» [6, с. 310]. Перед сном в польской мызе он сотворяет молитву и потому, по мысли автора, выходит победителем в столкновении с inferнальным. Крестное знамение и молитва спасают участников «вечера» от столкновения с ужасным «ночным поездом».

Ключевая миромоделирующая категория в готическом повествовании – замок, с которым связан специфический хронотоп («Замок Отранто» Г. Уолпола, «Замки Этлин и Данбейн» и «Удольфские тайны» А. Радклиф и др.). Как такового замка в цикле нет: действие разворачивается в саратовской деревушке на Хопре. Однако функционально близким, эквивалентным может восприниматься строение, воплощающее мотив «проклятого места». «Вечер на Хопре» содержит несколько вариантов подобного здания. Это и старый дом Асанова, некогда принадлежавший разбойнику Глинскому, и замок злодея Твардовского, и польская мыза, построенная на развалинах его владений (разрушающийся замок – характерный для готической литературы локус) и потому сохранившая все признаки inferнального пространства (звук шагов «раздавался под сводами обширных комнат, серых и мрачных, как церковные подземные склепы; недоставало только одних гробов, чтоб довершить это сходство» [6, с. 308–309]). Таким образом, разрабатываемые Загоскиным мотивы

совершенно типичны для описания «заколдованного дома» в готической прозе. Кроме того, в «Белом привидении» упоминается «готическая церковь монастыря» [6, с. 315].

Описание местности, по которой проезжает повествователь, также явственно корреспондирует с чертами пейзажа готической прозы: «Поросший частым кустарником овраг, через который шла дорога, действительно походил на какую-то пропасть или ущелье, на дне которого журчал мутный поток» [6, с. 289] (выделено мной. – И. А.). Дорога огибает холм, который, по словам Заруцкого, «может называться курганом: он весь составлен из могил» [6, с. 291]; на холме видны «полусгнившие деревянные кресты», на этом старинном кладбище покоятся люди, некогда убитые разбойниками. Местность, имеющая дурную славу, – идеальный хронотоп для развертывания готического сюжета. Таков и Волчий овраг, называемый также Чертовым Беремищем, где, как гласят слухи, ежегодно «ночью на родительскую субботу... покойники встают из могил и справляют сами по себе поминки» [6, с. 291]. Эти описания выполняют функцию тревожных предзнаменований.

В характеристике устройства дома Асанова также весьма ощутимы готические ассоциации. Здесь выделяются лабиринты, «зигзаги и апроши» [6, с. 293], темные коридоры, железные двери, башня, которая «ни к селу, ни к городу, была прилеплена к левому углу дома» [6, с. 293], т. е. эта архитектурная деталь инородна для русского жилища, зато вполне органична для места действия готического романа. В описании дома высокочастотны лексемы, подчеркивающие его прочность и таинственность («каменные палаты», «в угрюмом величии», «с тяжелым навесом» [6, с. 291], «огромные кирпичные палаты», «с такими толстыми стенами, что от них, как мячик, отскочило бы сорокавосемифунтовое ядро» [6, с. 282]). Дом Асанова сравнивается с Удольфским замком, Грасфильским аббатством [6, с. 284], таким образом, на первый взгляд, автором сразу же задается готический вектор для восприятия этого локуса. Однако это представление о старинном доме не претендует на объективность, так как принадлежит не повествователю, а сестре городничего – сорокалетней девице с «юной душою и сердцем отменно романтическим» [6, с. 283], страстной поклоннице

романов А. Радклиф и мадам Жанлис. Она с упоением передает слухи (что тоже весьма частотно в готической прозе): «Говорят, что лет сто тому назад прежний помещик держал в нем разбойничью пристань, что глубокие погреба под этим домом завалены человеческими костями, что по ночам происходят в нем необычайные явления: слышен громкий стон...» [6, с. 284]. Таинственные звуки в готическом повествовании служат воплощением иррациональной стихии. Восторженная характеристика «барышней» «странного» дома и упоминание множества связанных с ним страшных историй – пародийно-полюемическая реплика писателя в адрес готических штампов и клише. Не случайно Загоскин иронически снижает пафос этих описаний, приводя совершенно реалистичную версию происхождения странных явлений: «капитан-исправник уверяет, что будто бы это воет ветер по узким коридорам и переходам, которых понаделано в доме великое множество» [6, с. 284].

Сам хозяин дома, помещик, отставной секунд-майор, – личность загадочная: живет в старом доме, овеянном дурной славой, богат, но прозябает в деревенской глуши, сторонится соседей. «...Кто не хочет жить с людьми, у того совесть нечиста» [6, с. 283], – объясняет городничий затворничество Асанова. Поначалу он кажется демоническим героем, и знаками его «демонизма» выступают пренебрежение к церковным службам и отсутствие образов в доме (по уверениям «добрых людей» [6, с. 283]). Однако писатель сознательно отходит от штампа: выясняются мотивы «странного» поведения Асанова – несчастная любовь, смерть возлюбленной, обет верности ей. Потому он и приобретает дом, где она некогда жила, а на ее могиле строит церковь. Таким образом, слухи о богоотступничестве героя оказываются ложными. Загоскин, обманывая читательские ожидания, ведет своеобразную игру с читателем, которая неоднократно дает знать о себе в произведении.

Ирония Загоскина распространяется и на идею «сладкого страха», «удовольствия от ужаса», культивируемую авторами готического романа (подробнее см.: [4, с. 107]). Повествователь – поклонник всего чудесного – характеризует себя следующим образом: «...я всегда был смертельный охотник до страшных историй и не только верю, но даже не сомневаюсь в существовании колдунов, привидений и мертвецов, которые покидают свои могилы, так же как и огненных змеев, которые

летают к деревенским вдовушкам и ... являются к ним в виде покойников, о коих они тоскуют» [6, с. 284]. В его сознании понятия «страх», «ужас», «ужасное» неразрывно спаяны с понятиями «удовольствие», «наслаждение», «восхитительное»: «Не могу описать, какое неизъяснимое наслаждение чувствую я всякий раз, когда слушаю повесть, от которой волосы на голове моей становятся дыбом, сердце замирает и мороз подирает по коже» [6, с. 285]; «Ах, как забилося мое сердце от страха и удовольствия!» [6, с. 286] и т. д. Сухой логике и здравому смыслу ученых, «холодных разыскателей истины» [6, с. 285], он противопоставляет свои «детские, но игривые и теплые мечты» [6, с. 285] и веру в сверхъестественное. Однако все его попытки вступить в контакт с представителями иномира заканчиваются курьезами: во время гадания герой не видит ничего, кроме простого темного пятна на самом зеркале; поход ночью в лес в Иванов день заканчивается нешуточным страхом и бегством; посещение в полночь кладбища приносит встречу с «привидением-мертвецом», который на деле оказывается деревенским старостой, одолеваемым горячкой. Фантастическому, таким образом, дается вполне реальное объяснение, что, однако, не убивает в герое веры в чудесное.

Поскольку субъектная структура цикла связана с тем, что повествование ведется несколькими участниками «вечеров» и «страшные» сюжеты сопровождаются рассуждениями рассказчиков, происходит смена точек зрения на саму возможность ирреальных событий. В двух начальных повестях таинственное окрашено ощутимой авторской иронией. Хотя в «Пане Твардовском» и применяется известный «готике» прием постепенного нагнетания атмосферы страха и эмоционального напряжения, все же сюжет повести – скорее иронический парافраз «Повести об Алеше Поповиче» В. Левшина: все «ужасное», что случилось с героем, можно воспринимать как лукавую мистификацию польского пана с целью отвести русских офицеров от постоя на его мызе. Вместе с тем Загоскин однозначно не отрицает и возможности фантастического истолкования произошедшего. О происшествии, составившем сюжет повести «Белое привидение», рассказывает Заруцкий, самый молодой и потому самый скептически настроенный участник беседы: в этой истории всё «инфернальное» и пугающее в действительности оказывается мистификацией

находчивых молодых влюбленных, стремящихся освободить от жильцов флигель – место их свиданий. Хозяева же усадьбы наивно верят в существование ночного посетителя, объясняя его явление обстоятельствами, характерными для готического сюжета: это или «нечистый дух», или неотпетая «христианская душа, которая страдает в чистилище и нуждается в наших молитвах» [6, с. 319].

В последующих повестях вектор восприятия иррациональных событий смещается в сторону более серьезного к ним отношения, предполагающего двойственность трактовки происходящего. Сюжет финальной повести, «Ночной поезд», выполняет функцию посрамления скептика. Здесь фантастическое проникает непосредственно в привычную действительность, и его уже нельзя объяснить абберацией слуха и зрения, измененным сознанием или разгоряченным воображением сразу всех присутствующих, включая слуг. Когда же Асанов и его гости приходят в себя, «адский поезд», везущий выходцев с того света, исчезает, как исчезают и оставленные им следы разрушения. Но едва обескураженный читатель готов поверить в то, что произошедшее лишь привиделось героям, Загоскин резко меняет полюс восприятия событий – сообщает о смерти невесты Заруцкого как раз в полночь, во время прибытия поезда мертвецов. Эта неоднозначность мотивировок, колебание между рациональным и сверхъестественным истолкованием загадочных явлений выводит цикл за пределы моделей, разрабатываемых авторами готических романов: в них фантастика либо получала рациональное объяснение (как у А. Радклиф), либо воспринималась полноправной составляющей их художественного мира (в романах Г. Уолпола, М. Г. Льюиса и др.) (подробнее об этом см.: [5, с. 23]).

Цикл Загоскина создавался в то время, когда в России еще был жив интерес к теософско-окультистским исканиям. Однако фантастическое предстает у него не в философско-мистическом ореоле, как у ряда его современников (В. Ф. Одоевского, А. Погорельского и др.), а преимущественно в бытовом, житейском. Сверхъестественное для повествователя – это прежде всего отголоски народных представлений об устройстве мира, это верования дедов и прадедов, в ценности которых (верований) он ничуть не сомневается. То, что для его собеседников –

бредни, сказки и суеверия, для повествователя – подлинная народная поэзия, другая сторона многоликой жизни, недоступная здравому смыслу, но подвластная эмоциональной и интуитивной сфере. Вера в существование невероятного объясняется не только недостаточностью научных знаний о мире («Мы не видим далее своего носа» [6, с. 291]). Так, Кольчугин резюмирует: «чему верили отцы наши, деды, тому и мы верим» [6, с. 298], т. е. вера в чудесное – проявление связи поколений русских людей.

Готический компонент сопрягается в цикле с фольклорным (привнесение мотивов, свойственных жанрам былички, народной легенды; использование пословиц, сказочных формул («как сказано, так и сделано» [6, с. 287], «в огне не горят и в воде не тонут» [6, с. 288], «стоял передо мной, как лист перед травой» [6, с. 305] и т. п.) и с бытовым (военный быт в повести «Пан Твардовский», лаконичный очерк столичного дворянского быта в «Концерте бесов», изображение бытового уклада помещного дворянства в рамочной части).

ВЫВОДЫ

«Вечер на Хопре» – живой отклик М. Н. Загоскина на всеобщую увлеченность готическим романом, причем отклик весьма неоднозначный. Писатель использует темы, мотивы, образы и сюжетные ситуации, «подсказанные» литературной «готикой», однако переосмысляет и трансформирует их. Система персонажей генетически восходит к готической традиции: присутствуют злодеи-имморалисты, связанные с inferнальным миром, не различающие добро и зло, жертвы демонических сил, пленницы злодея, герои-двойники. Но более весомо то, что цикл Загоскина сохраняет ведущие жанровые черты готического романа: местом действия становятся здания, интерьеры и пространства, характерные для локации «романа тайн»; рамочная часть цикла и большинство его повестей предлагают разные вариации этического конфликта; определяющую роль играет наличие фантастического элемента, персонифицированных inferнальных сил. Вместе с тем, в «Вечере на Хопре», созданном пятью годами позже романа «Юрий Милославский», также опирающегося на художественные находки литературной готики, в

восприятию писателем готической традиции обнаруживается некая двойственность: наследование комплекса магистральных идейно-художественных черт – и пародийное истолкование шаблонов «романа тайн», его ироническое снижение. Появляется ироническая модальность, отсутствовавшая в более раннем творчестве писателя. Повествование колеблется между естественной и сверхъестественной мотивировкой событий, причем ее окончательное объяснение отсутствует. Отношение Загоскина к традиции готической литературы можно определить как одновременное приближение и удаление, принятие и отталкивание. Как представляется, следует говорить об использовании Загоскиным базовых свойств готического романа в новом семантическом поле, об их адаптации к русскому национальному культурному пространству.

Готическая традиция оказывается близка Загоскину как комплекс идей сверхъестественного, рока, зависимости человека от высших сил. Однако ироническое переосмысление готических мотивов связано у Загоскина с отсутствием в его мироощущении трагических романтических представлений о мировом зле как спутнике человеческого существования, хаосе, фатальном стечении обстоятельств. Все это писатель противопоставляет православную веру как истинную нравственную опору в мире, исполненном испытаний для человеческого духа.

Список литературы

1. Александрова, И. В. Диалог с готической традицией в прозе М. В. Загоскина. Статья 1. Роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» [Текст] / И. В. Александрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. – С. 36–50.
2. Беляев, Ю. Отец русского исторического романа [Текст] / Ю. Беляев // Загоскин М. Н. Аскольдова могила. Романы, повести. – М. : Современник, 1989. – С. 3–23.
3. Болюх, Е. И. Жанровое своеобразие художественной прозы Н. А. Дуровой. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Е. И. Болюх. – Тверь,

2001. – 16 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/zhanrovое-svoeobrazie-khudozhestvennoi-prozy-nadezhdy-andreevny-durovoi> (дата обращения: 21.01.2019).
4. Вацуро, В. Э. Готический роман в России [Текст] / В. Э. Вацуро. – М. : НЛО, 2002. – 544 с.
 5. Готическая традиция в русской литературе [Текст] / отв. ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : РГГУ, 2008. – 349 с.
 6. Загоскин, М. Н. Вечер на Хопре [Текст] / М. Н. Загоскин // Загоскин М. Н. Сочинения : в 2 т. – Т. 2 : Комедии. Проза. Стихотворения. Письма. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 282–370.
 7. Заломкина, Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Г. В. Заломкина. – Самара, 2003. – 19 с.
 8. Погорельский, А. Избранное [Текст] / А. Погорельский. – М. : Правда, 1988. – 398 с.
 9. Проскурин, О. А. «Малая проза» Михаила Загоскина [Текст] / О. А. Проскурин // Загоскин М. Н. Избранное. – М. : Правда, 1988. – С. 5–14.
 10. Троицкий, В. Ю. Романтизм в русской литературе 30-х годов XIX века. Проза [Текст] / В. Ю. Троицкий // История романтизма в русской литературе. 1825 – 1840. – М. : Наука, 1979. – С. 108–173.
 11. Уздеева, Т. М. Типология эпических жанров в творчестве М. Н. Загоскина: автореф. дис...канд. филол. наук [Текст] / Т. М. Уздеева. – М. : МПГУ им. В. И. Ленина, 1992. – 14 с.
 12. Шрага, Е. А. Прозаическая циклизация и ее роль в русском литературном процессе 1820 – 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Е. А. Шрага. – СПб., 2009. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/prozaicheskaya-tsiklizatsiya-i-ee-rol-v-russkom-literaturnom-protssesse-1820-1930-kh-gg> (дата обращения: 21.01.2019).

References

1. Aleksandrova I. V. Dialog s Goticheskoi Traditsiei v Proze M. V. Zagoskina. Stat'ya 1. Roman «Yurii Miloslavskii, ili Russkie v 1612 Godu» [The Dialogue with the Gothic Tradition in M. N. Zagoskin's Prose. Article 1. The Novel Yuri Miloslavsky, or the Russians in 1612]. Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki, 2018, Vol. 4 (70), no 3. Pp. 36–50.
2. Belyaev Yu. Otets Russkogo Istoricheskogo Romana [The Father of the Russian Historical Novel]. Zagoskin M. N. Askol'dova Mogila. Romany, Povesti. Moscow: Sovremennik Publ., 1989. Pp. 3–23.
3. Bolyukh, E. I. Zhanrovoe Svoebrazie Khudozhestvennoi Prozy N. A. Durovoi. Avtoref. Diss. ... Kand. Filol. Nauk [The Genre Originality of N. A. Durova's Artistic Prose]. Tver', 2001. Available at: <http://www.dissercat.com/content/zhanrovoe-svoebrazie-khudozhestvennoi-prozy-nadezhdy-andreevny-durovoi> (accessed 21 January 2019).
4. Vatsuro V. Ye. Goticheskii Roman v Rossii [The Gothic Novel in Russia]. Moscow: NLO Publ., 2002. 544 p.
5. Goticheskaya Traditsiya v Russkoi Literature [The Gothic tradition in Russian literature]. Moscow: RGGU Publ., 2008. 349 p.
6. Zagoskin M. N. Vecher na Khopre [An Evening on the Hopior]. Zagoskin M. N. Sochineniya: v 2 t. Vol. 2: Komedii. Proza. Stikhotvoreniya. Pis'ma. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1988. Pp. 282–370.
7. Zalomkina G. V. Poetika Prostranstva i Vremeni v Goticheskom Syuzhete: Avtoref. Diss. ... Kand. Filol. Nauk [Poetics of Space and Time in the Gothic Story]. Samara, 2003. 19 p.
8. Pogorel'skii A. Izbrannoe [Elected]. Moscow: Pravda Publ., 1988. – 398 p.
9. Proskurin O. A. «Malaya Proza» Mikhaila Zagoskina [The "Small Prose" by Mikhail Zagoskin]. Zagoskin M. N. Izbrannoe. Moscow: Pravda Publ., 1988. Pp. 5–14.
10. Troitskii V. Yu. Romantizm v Russkoi Literature 30-kh Godov XIX Veka. Proza [Romanticism in Russian Literature of the 30-ies of the 19th Century. Prose]. Istoriya Romantizma v Russkoi Literature. 1825–1840. Moscow: Nauka Publ., 1979. Pp. 108–173.

11. Uzdeeva T. M. Tipologiya Epicheskikh Zhanrov v Tvorchestve M. N. Zagoskina: Avtoref. Dis. ...Kand. Filol. Nauk [Typology of Epic Genres in the Works by M. N. Zagoskin]. Moscow, 1992. 14 p.
12. Shraga E. A. Prozaicheskaya Tsiklizatsiya i ee Rol' v Russkom Literaturnom Protsesse 1820 – 1930-kh gg.: Avtoref. Diss. ... Kand. Filol. Nauk [Prosaic Cyclization and its Role in the Russian Literary Process of the 1820s – 1930s]. Saint-Petersburg, 2009. Available at: <http://www.dissercat.com/content/prozaicheskaya-tsiklizatsiya-i-ee-rol-v-russkom-literaturnom-protsesse-1820-1930-kh-gg> (accessed 21 January 2019).

**THE DIALOGUE WITH THE GOTHIC TRADITION IN M. N. ZAGOSKIN'S
PROSE. ARTICLE 2. AN EVENING ON THE HOPIOR CYCLE**

Aleksandrova I. V.

The article presents the examination of the Gothic prose tradition reception by M. N. Zagoskin in his narrative cycle *An Evening on the Hopior* (1834). The writer uses themes, motifs and plots peculiar to the Gothic literature but he transforms them. The key motif in M. N. Zagoskin's cycle is that of the deal with the devil being frequent in the Gothic prose. The characters also originate in the Gothic tradition. One can find immoralists related to Inferno world, victims of demonic powers, a villain's captive and double-gangers here. The author embodies different variations of ethical conflict connected with the antagonism between Good and Evil, with the motifs of crime, the retribution for the family guilt, for the sins of the ancestors. In spatiotemporal continuum of *An Evening on the Hopior* buildings and interiors specific for the "mystery romance" predominate. The sensitivity spectrum of the irrational includes both natural and supernatural events motivation, and what is more, the motivation is not clarified. At the same time, author's attitude towards the gothic tradition is ambiguous because, on one hand, Zagoskin inherits the basic properties of the "mystery romance" and, on the other hand, he travesties and ironically discounts them. Ironic modality which cannot be found in author's early works reveals itself in this cycle. Zagoskin adapts the basic properties of the "mystery romance" to the Russian cultural space connecting them to folk elements (bylichka, popular legend and others). The author contrasts the world evil with the Orthodox Christian faith being a moral pillar in the world which essays the human spirit.

Key words: gothic plot, tradition, cycle, artistic space, ethical conflict, irony.

УДК 821.161.1

ОППОЗИЦИЯ «МЕЧТА – РЕАЛЬНОСТЬ» В КРЫМСКОМ ТЕКСТЕ

БРЮСОВА В. Я.

Иванова Н. П.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru

Статья посвящена исследованию средств реализации бинарной оппозиции «мечта – реальность» в Крымском тексте В. Я. Брюсова. Наличие указанной антиномии свидетельствует о влиянии романтического мировосприятия на становление ментального пространства автора. В ходе исследования рассматриваются стихотворения, написанные в периоды пребывания В. Я. Брюсова в Крыму и свидетельствующие об ожидаемом и осознанном воздействии этого региона на ментальную эволюцию поэта. Первые крымские произведения указывают на наличие в его мировоззрении элементов характерной для романтиков философии двоимирия, не позволяющих воспринимать окружающий мир во всей его полноте. Затем происходит сознательный отказ от них, и в творчестве В. Я. Брюсова отчетливо и последовательно реализуется не только пространственная, но и аксиологическая вертикаль, эксплицирующая устремленность к высшим ценностям. Результатом такой ментальной эволюции является появление мировоззренческой системы, характеризующейся цельностью и гармоничностью, представлением о неразрывном единстве человека и окружающего мира, а также преодолением оппозиции «мечта – реальность». Однако в позднем творчестве происходит частичная переоценка образа Крыма в сознании автора и актуализация указанной антиномии.

Ключевые слова: Крымский текст, ментальное пространство автора, бинарная оппозиция, мечта, реальность.

ВВЕДЕНИЕ

Предложенный исследователями поэтики и структурной организации художественного текста (Ю. М. Лотманом, Ю. В. Манном) во второй половине XX века метод анализа бинарных оппозиций является одним из главных средств изучения реализации феномена авторского сознания в художественном тексте. Именно он дает возможность исследовать особенности ментального пространства автора, понимаемого нами как аксиологическая система автора, выраженная посредством пространственных характеристик. Об актуальности такого подхода для современного литературоведения свидетельствуют, к примеру, такие научные работы, как «Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова» Ю. А. Сухомлиновой (2005), «Бинарные оппозиции как способ концептуализации художественной картины мира А. А. Кима» А. Р. Хайрутдиновой (2012), «Бинарные оппозиции как основополагающие элементы мифологической и фольклорной картин

мира» Н. В. Соловьевой (2014) и др. Это закономерно, так как, по утверждению Ю. М. Лотмана, «...в основе внутренней организации элементов текста, как правило, лежит принцип бинарной семантической оппозиции» [7, с. 252]. Однако произведения В. Я. Брюсова в указанном аспекте изучены не были, хотя они становились объектом внимания современных исследователей, о чем свидетельствуют работы, в том числе, посвященные крымской теме в творчестве поэта: «Итертекстуальность поэзии В. Брюсова» А. Х. Сатретдиновой (2004), «Теоретико-литературные взгляды В. Я. Брюсова» (2007) В. В. Калмыковой, «Эстетические принципы В.Я. Брюсова» (2012) Е. С. Тайлаковой, «Крымские пейзажи в творчестве Валерия Брюсова» З. А. Дубинец и К. В. Демотко (2016). В названных работах исследователи указывают на романтические традиции в брюсовском творчестве и, в частности, на характерную для мировосприятия приверженцев этой художественной системы философию двоемирия, выражающуюся в противопоставлении мира мечты и мира реальности. Для преодоления этого противоречия, как известно, романтики и отправлялись в экзотические края – например, на Кавказ и в Крым. Следовательно, закономерной представляется необходимость исследования средств реализации бинарной оппозиции «мечта – реальность» в Крымском тексте В. Я. Брюсова, что и является целью предлагаемой статьи. Под Крымским текстом (термин А. П. Люсого [8]) мы вслед за В. В. Курьяновой понимаем «семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире», закрепленную в литературном произведении [5, с. 5].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Романтические традиции в творчестве В. Я. Брюсова обусловлены значительным влиянием личности и творчества М. Ю. Лермонтова на мировосприятие юного поэта. Этот факт зафиксирован в «Лермонтовской энциклопедии» и автобиографии поэта: «Мой восторг перед Лермонтовым... был неумерен... Его мятежная поэзия всегда была любимицей юности» [2, с. 75]. Ранняя брюсовская поэма «Король» (1891) была написана как подражание «Демону», а «мелких стихов, в которых отразился

Лермонтов, и не счесть» [2, с. 75]. Юного поэта привлекали такие мотивы раннего лермонтовского творчества, как одиночество, разочарование в окружающем мире, невозможность найти понимание и встретить «родную душу». Следствием этого и явилось формирование оппозиции «мечта – реальность» в его ментальном пространстве, о чем свидетельствуют и наблюдения литературоведов: «Творчество Лермонтова... помогло Брюсову оформить антиномию действительности и мечты» [9, с. 29-30].

Именно эти факторы, как представляется, определили на начальных этапах брюсовскую поэтическую рецепцию Крыма. Всего поэт побывал в Крыму пять раз: впервые в 14-летним подростком и в последний раз – незадолго до смерти. Видимо, сначала он ожидал от посещения этого края настолько сильных впечатлений, чтоб они смогли если не сгладить, то смягчить остроту оппозиции «мечта – реальность», поэтому впоследствии (в 1908 году) так подробно опишет разочарование молодого романтика – А. С. Пушкина – при первом знакомстве с Крымом. Вспомним и первые стихотворные впечатления М. Ю. Лермонтова от созерцания моря: «И наконец я видел море, / Но кто поэта обманул?.. / Я в роковом его просторе / Великих дум не почерпнул; / Нет! как оно я не был волен, / Болезнью жизни, скукой болен...» («Примите дивное посланье...») [6, Т. 1, с. 444]. Конечно, речь идет не о Черном море, однако перед нами воплощенное несоответствие мира мечты, связанного со сменой привычной обстановки и созерцанием морского пейзажа, миру реальности, в которой человек лишен возможности достичь желаемого идеала. Интересно, кстати, что однокурсником В. Я. Брюсова по Московскому университету был В. Ф. Саводник – автор известного исследования «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева» (1911).

Сходные с пушкинскими и лермонтовскими чувства и мысли возникли и у двадцатитрехлетнего В. Я. Брюсова после приезда в Крым в 1896 году, а стихотворение «Четкие линии гор» – тому подтверждение; «Четкие линии гор; / Бледно-неверное море... / Гаснет восторженный взор, / Тонет в безбрежном просторе. / Создал я в тайных мечтах / Мир идеальной природы, - / Что перед ним этот прах: / Степи, и скалы, и воды!» [1, Т. 1, с. 111]. Это не только своего рода

мировоззренческая калька ментальных пространств ранних А. С. Пушкина (В. Я. Брюсов отмечает, что даже в элегии «"Погасло дневное светило"... еще нет ни малейшего следа восторга перед Крымом») и М. Ю. Лермонтова («Но кто поэта обманул?...»). Это устойчивая характеристика брюсовского ментального пространства, обусловленная не только влиянием романтических традиций, но и присущими символистам апокалиптическими ожиданиями, особенно ярко реализовавшимися в литературных произведениях рубежа XIX-XX вв. Об этом свидетельствует еще одно крымское стихотворение В. Я. Брюсова того же года: «Есть что-то позорное в мощи природы, / Немая вражда к лучам красоты: / Над миром скал проносятся годы, / Но вечен только мир мечты. / Пускай же грозит океан неизменный, / Пусть гордо спят ледяные хребты: / Настанет день конца для вселенной, / И вечен только мир мечты» [1, Т. 1, с. 112]. П. Дегтярев и Р. Вуль так характеризуют мировоззрение поэта в указанный период: «Брюсов в это время выступал со стихами, резко отрицавшими действительность. Окружающий мир, природа, люди, общественная жизнь – все казалось поэту враждебным и достойным презрения. Только мир мечты вечен, только он удел поэта – проповедовал Брюсов» [3, с. 135]. Исследователи видят в этом стихотворении отголоски эстетической теории поэта о бессилии природы перед мечтой [3, с. 136].

Однако со временем, в отличие от М. Ю. Лермонтова, В. Я. Брюсов нашел в себе силы преодолеть антиномию «мечта – реальность», принять окружающий мир и, подобно А. С. Пушкину, воспринять Крым как средство такого преодоления, ведь именно эта роль отводилась полуострову в романтических ожиданиях, так как буквально накануне поездки туда – 3 апреля 1898 года – поэт написал в дневнике: «Жду Крыма» [2, с. 34].

Интересно, что это происходит вполне осознанно: преодоление указанной ментальной антиномии представляется как направленная внутренняя работа, необходимая для достижения внутренней гармонии. Женившись в сентябре 1897 года и приехав в Крым с женой в конце апреля 1898 года, поэт поселился сначала в Ялте, где 15 апреля сделана следующая дневниковая запись: «Буду учиться любить природу, и небо, и зеленое море, и берег с неподвижными кипарисами. Я пришел не

проклинать, а любить. Неужели мне не станут близкими белые чайки, влажные камни, безобразные дельфины в волнах!» [2, с. 35]. Таким образом в брюсовском мировосприятии начинается серьезный перелом.

Изменения происходят весьма стремительно. Уже через 3 дня – 19 апреля – В. Я. Брюсов написал: «Сказочная страна! Таврида! Верись преданиям, верись картинам, верись, что все это действительность, что есть прелесть в природе» [2, с. 35]. Следовательно, антиномия «мечта – реальность» преодолена, т.к. реальное оказалось максимально приближенным к мечтаемому, во всяком случае, в авторском ментальном пространстве, к сознательному изменению которого автор прилагает достаточно много усилий, так как ровно через неделю – 22 апреля, когда молодая чета уже находилась в Алупке, В. Я. Брюсов пишет в автобиографии: «Делаю все, что подобает туристу и любителю диких красот: слушаю море, карабкаюсь на скалы, осматриваю разные развалины. Не я буду виноват, если и теперь не сумею “полюбить» природу. Написал “Картинки Крыма”, четыре стихотворения, приготовленные со всей возможной благопристойностью» [1, Т. 1, с. 593].

И еще через неделю – 30 апреля 1898 года – написано следующее стихотворение, запечатлевшее особенности художественной рецепции Крыма в брюсовской лирике: «Где подступает к морю сад, / Я знаю грот уединенный: / Там шепчет дремлющий каскад, / Там пруд недвижим полусонный. / Там дышат лавры и миндаль / При набежавшем тихом ветре, / А сзади, закрывая даль, / Уходит в небо пик Ай-Петри» [1, Т. 1, с. 163]. С одной стороны, мифологема сада – отсылка к Эдему, к раю, в данном случае, видимо, обретенному или, скорее, обретаемому. В стихотворении отчетливо выстраивается не столько пространственная, сколько аксиологическая вертикаль, реализующая устремленность в высший мир и к высшим ценностям, вектор которой указывает пик Ай-Петри. Это весьма красноречивое свидетельство того, что происходит внутренне перерождение. Во всяком случае, декларируется стремление к нему. С другой стороны, вновь отчетливо эксплицируется граница между миром мечты и реальности: желаемое «там», что повторено трижды, за пиком Ай-Петри.

Однако изменения в ментальном пространстве автора очевидны, этот процесс закономерен и необратим, он сродни прозрению. Его кульминация наступила ровно через 2 недели – 13 мая 1898 года, когда В. Я. Брюсов написал следующее стихотворение: «Словно птица большая / Неизведанных стран, / Поднялся, улетаю, / Беспощадный туман... / Вновь зеленые склоны / Нам открылись; и лес / Отвечал, возрожденный, / На приветы небес» [1, Т. 1, с. 164]. Перед нами вновь отчетливо эксплицированная устремленность ввысь, явно обозначенная связь с высшим миром и открытая декларация внутреннего возрождения. Об этом свидетельствует и запись в дневнике от 8 мая, в которой поэт оценивает свое восприятие мира и, соответственно, Крыма в упомянутом 1996 году: «„Блажен, кто смолоду был молод“». Мне много говорит этот почти опошленный пушкинский стих. Я не был молод смолоду, я испытывал все мученья раздвоения. С ранней юности я не смел отдаваться чувствам. Я многим говорил о любви, но долго не смел любить. Два года тому назад, проезжая по Крыму, я не решался без дум наслаждаться природой. Я был рабом предвзятых мнений и поставленных себе целей. О, много нужно было борьбы, чтобы понять ничтожество всех учений и целей, всех „почему“ и „зачем“ и мнимой науки, и мнимой поэзии! Много нужно было борьбы, чтобы понять, что выше всего душа своя. И вот, побеждая все то, что целые годы держало меня в тисках, я достигаю и простоты и искренности, я отдаюсь чувству, я молод...» [2, с. 37].

Знаменательно, что в минуты духовного подъема В. Я. Брюсов обращается к пушкинским строкам, и это, видимо, особенность его ментального пространства, так как 19 мая 1898 года поэт написал в дневнике: «...сегодня поднимались на Ай-Петри, смотрели бесконечную даль моря, берег с его соснами, кипарисами, фиговыми деревьями – орлов, парящих “со мной наравне”» [2, с. 38]. Прямое цитирование стихотворения А. С. Пушкина «Кавказ», в котором также выстраивается пространственно-аксиологическая вертикаль и эксплицируется преодоление бинарной оппозиции «верх – низ» [4], еще раз подтверждает тот факт, что В. Я. Брюсов оценивает Крым сквозь призму пушкинского мировосприятия.

В середине июня 1898 года Брюсовы на уехали из Алупки в Феодосию, которая своей портовой суетой напомнила им обыденность городов средней полосы России и

произвела гнетущее впечатление. Они поспешно покинули Крым, сожалея о том, что так недолго были на Южном берегу.

А через год супруги вновь приехали в Алупку. Результаты внутренней работы, о которой поэт писал годом раньше, оказались незыблемыми, что доказывают следующие строки, написанные 21 июля 1899 года: «Обошла тропа утес, / Выше всходят буки. / Позади лесные звуки, / Крики птиц, и диких коз. / Впереди редет лес, / Камни у вершины, / Ветра свист, полет орлиный, / Даль земли и даль небес» [1, Т. 1, с. 166]. Вновь отчетливая устремленность ввысь, выстраивание пространственно-ценностной вертикали, соединение земного и небесного. В стихотворении воссоздана объёмная, можно даже сказать, многомерная картина: человек находится в центре мироздания, прорисовано пространство над и под ним, впереди и сзади, его окружают звуки природы, флора и фауна, при этом мир поразительно динамичен и гармоничен. Картина не антропоцентрична и не природоцентрична: человек и природа органично соединены в единое целое, соответствуя высшему замыслу. Тогда же, в июле 1898 года, В. Я. Брюсов написал: «Мерно вьет дорога / Одинокий путь. / Я в руках у бога, / Сладко дышит грудь. / Гордо дремлют буки, / Чаша без границ. / Все согласны звуки / С голосами птиц. / Манит тихим зовом / Зашумевший ключ. / Ветки свисли кровом / От пролетных туч. / Близкий, бесконечный, / Вольный лес вокруг, / И случайный встречный / Как желанный друг» [1, Т. 1, с. 168]. Так выглядит картина абсолютно гармоничного мироздания: стерты все границы между человеком и природой, человеком и человеком и, что самое важное, между человеком и Богом, сотворившим бесконечный мир (на это указано дважды), всегда готовый защитить человека от ненастья и невзгод. О чем еще можно мечтать? Таким образом, Крым подарил В. Я. Брюсову удивительно цельную картину мироздания, заставил отказаться от демонического отрицания окружающего мира и уверенно пойти по пути к его Творцу, преодолев ментальную оппозицию «мечта – реальность».

В последний раз В. Я. Брюсов посетил полуостров в 1924 году. Стихотворение «Крым», написанное 7 сентября 1924 года (меньше, чем за месяц до кончины), поражает мелодичностью звучания сонорных и гласных, сочетания ассонанса и аллитерации, и свидетельствует о том, что восприятие этого края, с одной стороны,

осталось неизменным: «Лестью солнца в лоск обласкан, / Берег вплел в меандр
меандр, / – Франт во фраке! скалы – лацкан; / Ал в петлице олеандр...» [1, Т. 4, с. 436].
Но, с другой стороны, новый век вносит коррективы и в жизнь, и в рецепцию
полуденного края. Поэт видит, как человек, осваивая окружающий мир, разрушает
его самобытность («В лавр и в мирт блеск ресторана / Вдавит плавкие следы»), и
встревожен опасностью разрушения, сложившейся цельной и гармоничной системы
мировосприятия: «Эх! что тут вам, nereиды! / Мотор бьет: место взято... / Мертв сон
пушкинской Тавриды... / И ревут, идут авто!» [1, Т. 4, с. 436]. Отсылкой к
пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану» В. Я. Брюсов вновь возвращается к
раннеромантической мифологизации этого края, и вновь возникает антиномия
идеального и реального мира, однако на этот раз оппозиция «мечта – реальность»
оказывается непреодоленной: «Где Мария? Где Зарема? / Кто нас песней обманул?»
/ Берег-франт к дверям гарема / Свой червонец протянул» [1, Т. 4, с. 436].

ВЫВОДЫ

Итак, реализация бинарной оппозиции «мечта – реальность» в Крымском тексте
В. Я. Брюсова свидетельствует о влиянии романтических традиций на творчество
поэта. Преодоление указанной антиномии является условием достижения
внутренней гармонии и осознанной целью его ментальной эволюции. Источником и
движущей силой такого рода эволюции является пребывание в Крыму, созерцание
пейзажей Южного берега, а результатом – цельная и гармоничная мировоззренческая
система, основанная на понимании единства человека и окружающего мира как
реализации высшего замысла. Анализ средств экспликации этой системы в
творчестве В. Я. Брюсова является перспективой дальнейших исследований.

Список литературы

1. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений. В 7-ми томах [Текст] / В. Я. Брюсов. – М.:
Художественная литература, 1873.
2. Брюсов, В. Я. Дневники 1891-1910 [Текст] / В. Я. Брюсов. – М.: Изд-во М. и
С. Сабашниковых, 1927. – 204 с.

3. Дегтярев, П., Вуль, Р. У литературной карты Крыма [Текст] / П. Дегтярев, Р. Вуль. – Симферополь, 1965. – 400 с.
4. Иванова, Н. П. Оппозиция «верх – низ» в лирических произведениях А. С. Пушкина о Кавказе [Текст] / Н. П. Иванова // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXI международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 9-15.
5. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого: Дисс. ...канд. филол. наук: 10.01.02 Русская литература [Текст] / В. В. Курьянова. – Симферополь, 2013 – 241 с.
6. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: В 4-х томах [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М.: Художественная литература, 1976.
7. Лотман, Ю. М. Об искусстве [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1998. – 704 с.
8. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый. – СПб., 2003. – 314 с.
9. Максимов, Д. Е. Брюсов. Поэзия и позиция [Текст] / Д. Е. Максимов. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1969. – 240 с.
10. Манн, Ю. В. Динамика русского романтизма [Текст] / Ю. В. Манн. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 384 с.

References

1. Bryusov V. Y. Sbranie Sochinenii. V 7-mi Tomakh [Collected Works. In 7 Volumes]. М.: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1873.
2. Bryusov V. Y. Dnevnik 1891-1910 [Diaries 1891-1910]. М.: Publishing House of M. and S. Sabashnikovs, 1927. 204 p.
3. Degtyarev P., Vul R. U Literaturnoi Karty Kryma [At the Literary Map of the Crimea]. Simferopol, 1965. 400 p.
4. Ivanova N. P. Oppozitsiya «Verkh – Niz» v Liricheskikh Proizvedeniyakh A. S. Pushkina o Kavkaze [Opposition “Up-down” in A. S. Pushkin's Lyric Works about

-
- the Caucasus]. Pushkin's readings - 2016. Art strategies of classical and new literature: genre, author, text: materials of the XXI International Scientific Conference. S.-Pb.: Leningrad State University Press, 2016. P. 9-15.
5. Kuryanova V. V. Krymskii Tekst v Tvorchestve L. N. Tolstogo: Diss. ...Kand. Filol. Nauk [Krymsky Text in the Works by L. N. Tolstoy]. Simferopol, 2013. 241 p.
 6. Lyusy A. P. Krymskii Tekst v Russkoi Literature [Crimean Text in Russian Literature]. S.-Pb., 2003. 314 p.
 7. Lermontov M. Y. Sobranie Sochinenii: V 4 Tomakh [Collected Works: In 4 Volumes]. M.: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1976.
 8. Lotman Yu. M. Ob Iskusstve [About Art]. S.-Pb.: Art Publ., 1998. 704 p.
 9. Maksimov D.Ye. Bryusov. Poehziya i Pozitsiya [Bryusov. Poetry and Position]. L.: Sovetskii Pisatel Publ., 1969. 240 p.
 10. Mann Yu. V. Dinamika Russkogo Romantizma [The Dynamics of Russian Romanticism]. M.: Aspect Press, 1995. 384 p.

OPPOSITION “DREAM - REALITY” IN CRIMEAN TEXT OF V.Y. BRUSOV

Ivanova N. P.

The article is devoted to the study of the means of realization of the binary opposition “dream - reality” in V. Y. Bryusov's Crimean text. The presence of this antinomy indicates the influence of the romantic world view on the formation of the author's mental space. The study examines poems written during the periods of V. Y. Bryusov's stay in Crimea and testifying about the expected and conscious influence of this region on the poet's mental evolution. The first Crimean works indicate the presence of elements characteristic for the romanticism philosophy of dual conception of reality. These elements do not allow to perceive the world around in its entirety. Then there is a conscious rejection of them, and in the work of V. Y. Bryusov not only the spatial, but also the value vertical, realizing the striving for the highest values, is clearly and consistently explicated. The result of such a mental evolution is the emergence of a worldview system which is characterized by wholeness and harmony, the idea of the inseparable unity of man and the world around him, as well as overcoming the opposition “dream - reality”. However, in later works, there is a partial reappraisal of the image of the Crimea in the mind of the author and the actualization of this antinomy.

Keywords: Crimean text, author's mental space, binary opposition, dream, reality.

КРЫМСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОТ ПУШКИНА ДО ПРИЛЕПИНА

Мащенко А. П.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия

Статья рассказывает об эволюции образа Крыма в русской литературе, акцентируя внимание на том восприятии полуострова, которое сложилось в современной отечественной словесности в начале XXI столетия.

Таврида играет особую роль в русской истории и культуре. Именно здесь, в Херсонесе, находится купель русского православия, духовный исток русской нации и централизованного российского государства. Вместе с православной религией Россия заимствует из Византии и систему государственных ценностей, которая позже будет афористично сформулирована старцем Филофеем: Москва – третий Рим, а четвертому не бывать.

Присоединение Крыма к России в 1783 году становится не только важнейшим геополитическим и военно-стратегическим, но и духовным событием в нашей истории. Начинается активное политическое, административное, экономическое и... литературное освоение региона. При этом одновременно Крымский полуостров – это еще и своеобразный земной рай, куда стремятся с холодного материка цари, политики, писатели, поэты, художники. С последним представлением связано более прагматичное понимание Крыма как всероссийского курорта. Ну и конечно, Крым – это важнейший военно-стратегический форпост России на юге. Все эти «прочтения» Крыма находят свое отражение и осмысление в творчестве русских писателей и поэтов разных эпох – А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, А.И. Куприна, М.А. Волошина, М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама, И.С. Шмелева, А.И. Солженицына, И.А. Бродского, В.П. Аксенова, В.В. Ерофеева, А.А. Проханова, В.О. Пелевина, Е.Н. Прилепина и многих других.

Во многом именно русская литература сделала Крым частью Русского мира. Столетиями на полуострове, создавался мощный русский бэкграунд из стихов, рассказов, повестей, романов и эпопей, который стал одним из важнейших условий воссоединения полуострова с Россией в 2014 году.

Ключевые слова: Крым, Россия, литература, Пушкин, Гоголь, Чехов, Толстой, Волошин, Солженицын, Бродский, Аксенов, Пелевин, Прилепин.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшую роль в создании условий для воссоединения Крыма с Россией весной 2014 года сыграли русские... писатели прошлого. Пушкин, Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Туроверов, Булгаков, Маяковский, Солженицын, Аксенов, Бродский... Перечислять фамилии классиков отечественной литературы, так или иначе связанных с Крымом, можно еще очень долго.

Некоторые из них сражались за российский Крым в буквальном смысле. Лев Толстой – в Восточную (Крымскую войну), Николай Тuroверов – в Гражданскую, Константин Симонов – в Великую Отечественную. Но, конечно, их главным оружием было слово.

Русское слово.

Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо, просил когда-то Маяковский. Именно эти люди – Пушкин, Толстой, Гумилев, Туроверов, Симонов, Маяковский... – сделали Крым русской землей, превратили его в часть Русского мира.

Когда, как и кем формировался образ Крыма в русской литературе, мы и рассмотрим в этой статье.

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Таврида играет особую роль в истории России. Именно здесь, в Херсонесе, находится купель русского православия, духовный исток русской нации и централизованного российского государства.

Представления о древнем полуострове как святой земле Русского мира формируются разнообразной религиозной, житийной литературой, а также «Корсунской легендой», которая является частью «Повести временных лет» и рассказывает о Крещении в Херсонесе князя Владимира в 6496 (988 от Рождества Христова) году.

«Крым (с центром в Херсонесе) – это край, отмеченный высокими жертвами во имя Божие, а следовательно, особым Божиим смотрением и благословением, – констатирует С. Курьянов. – Традиция такого взгляда пришла в русскую литературу из византийской и, благодаря крещению на крымской земле князя Владимира, была усвоена и закреплена» [Курьянов 2014]. При этом вместе с православной религией Россия заимствует из Византии и систему государственных ценностей, которая позже будет афористично сформулирована старцем Филофеем: Москва – третий Рим, а четвертому не бывать. Крым становится местом встречи Руси и Византии, местом, где молодой Русский мир принимает «эстафету» у дряхлеющего византийского. Киев и вслед за ним Москва воспринимаются как духовные наследники Константинополя.

Именно поэтому присоединение Крыма к России в 1783 году становится не только важнейшим геополитическим и военно-стратегическим, но и духовным событием в нашей истории. Начинается активное политическое, административное, экономическое и... литературное освоение региона. Вместе с солдатами, чиновниками, путешественниками, учеными заново открывать для России забытый за несколько столетий край отправляются писатели и поэты - Жуковский, Батюшков, Грибоедов и, конечно, Пушкин. При этом они находят в Крыму не только русскую Святую землю, но и земной рай, куда на протяжении многих последующих десятилетий будут стремиться с холодного российского материка цари, вельможи, политики, писатели, поэты, художники.

Александр Пушкин описывает в письмах синее крымское небо, море, воздух, яркую южную природу, поражающую воображение северянина. «Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-Даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...» [Пушкин 1977, 149].

И далее: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского *lazzarone*. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря – и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество» [Пушкин 1977, 149].

«Земли полуденной волшебные края» великий русский поэт будет помнить всю жизнь. Сюда он отправит, пожалуй, своего самого знаменитого литературного героя – Евгения Онегина:

«Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При блеске утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;

Вы мне предстали в блеске брачном:

На небе синем и прозрачном

Сияли груды ваших гор;

Долин, деревьев, сёл узор

Разостлан был передо мною...» [Пушкин 1978, 173].

Во многом именно под влиянием пушкинского гения в Крым направляются другие писатели и поэты. Пушкин создает литературную славу Крыма или, правильнее, Пушкин создает славу Крыма среди литераторов, делает полуостров модным в артистической элите России.

При этом классик «примиряет» русский литературный (и не только литературный) мир с враждебной ему на протяжении нескольких минувших столетий «басурманской реальностью» татарского Крыма.

Как отмечает С.Курьянов, на протяжении XIV-XVIII веков «в русской литературе формируется миф о Крыме как о чужой, враждебной земле – так сказать, миф о Крыме как восточной басурманской земле. Оттуда, из Крыма, совершаются набеги на Русскую землю» [Курьянов 2015].

Пушкин в «Бахчисарайском фонтане» не забывает об этом:

«Покинув север наконец,

Пиры надолго забывая,

Я посетил Бахчисарая

В забвенье дремлющий дворец.

Среди безмолвных переходов

Бродил я там, где бич народов,

Татарин буйный пировал

И после ужасов набега

В роскошной лени утопал» [Пушкин 1977, 143-144].

Но в то же время классик «преодолеывает» этот конфликт, включает еще недавно враждебный крымский полуостров в русскую литературную вселенную:

«Как милы темные красы

Ночей роскошного Востока!

Как сладко льются их часы
Для обожателей Пророка!
Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны
Все полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастных!» [Пушкин 1977, 138].

Пройдут десятилетия, и, по большому счету, именно пушкинской поэме Бахчисарай окажется обязанным самим сохранением своего имени, своего названия после выселения татар из Крыма в 1944 году. Все остальные крымско-татарские названия населенных пунктов на полуострове были изменены, а Бахчисарай, освященный и защищенный поэтическим гением Пушкина, остался нетронутым.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КУРОРТ И ФОРПОСТ НА ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ

Как уже говорилось, Пушкин «заманил» в Крым многих мастеров русского слова. При этом они искали на полуострове не только «святые дары князя Владимира», не только необыкновенную природу, но и исцеление от недугов. С представлением о Крыме как «земном рае» оказывается связанным более прагматичное понимание полуострова как всероссийского курорта, где можно избавиться от плотских земных недугов.

В июне 1835 года в Крым, в Саки, приезжает на лечение Николай Гоголь. О лечебных свойствах сакских грязей автор «Тараса Бульбы» узнал из сочинений другого российского литератора Павла Сумарокова: «Путешествие по Крыму и Бессарабии» и «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду». Причем, судя по всему, сакские грязи Гоголю помогли, иначе едва ли он задумывал бы снова ехать в Крым лечиться уже в конце жизни. Увы, в силу разных причин, прежде всего – безденежья, эта поездка так и не состоялась.

Другой большой русский писатель и, «по совместительству», врач, который прославил крымские курорты, - Антон Чехов переехал в Ялту в самом конце XIX

века. У него диагностировали туберкулез, и писатель поселился в Крыму, надеясь если не на полное излечение, то, по крайней мере, на облегчение болезни. Чеховская «Белая дача» стала одним из крупнейших литературных и культурных центров не только Крыма, но и всей России. К писателю приезжают его коллеги по ремеслу Бунин, Горький, Куприн, Короленко, Шалапин, Рахманинов, другие крупнейшие деятели культуры.

Неистовый Владимир Маяковский уже в советские годы посвятил крымским курортам следующие стихотворные строки:

«И глупо звать его «Красная Ницца»,
и скучно звать «Всесоюзная здравница».

Нашему Крыму с чем сравниться?

Не с чем нашему Крыму сравниваться!» [Маяковский 1987, 475].

Еще одна важнейшая роль Крыма - это не только рай на Земле, не только всероссийская здравница, курорт, на который стремятся люди со всей страны, но и важнейший военно-стратегический форпост России на юге, завоеванный в ходе русско-турецких войн XVIII века и удержанный потом в Крымскую войну 1853-1856 годов и в Великую Отечественную. «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» [Толстой 1973, 87], - писал в «Севастопольских рассказах» участник первой героической обороны города Лев Толстой. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» [Толстой 1973, 100], - эти слова классика стали сбывшимся пророчеством. Современный Севастополь с его Историческим бульваром, Панорамой обороны города, Малаховым курганом, Памятником затопленным кораблям, Владимирским собором, в котором похоронены адмиралы Корнилов, Нахимов и Истомин, - в сущности, не что иное, как музей-заповедник Крымской войны под открытым небом. Именно Крымская война сделала Севастополь городом русской славы. И в годы Великой Отечественной его защитники продолжили традиции, заложенные предшественниками в середине XIX века.

Кстати, Лев Толстой соединил в своей жизни обе эти «функции» Крыма – и военно-стратегического форпоста России, и курорта. Великий писатель не только защищал полуостров от европейских и турецких захватчиков во время Крымской войны, но и отдыхал здесь в старости, в 1901 году, во дворце графини Паниной в Гаспре.

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ СТАРОЙ РОССИИ

В начале XX века Крым вновь воспринимается как земной рай – во многом этому способствует литературная «колония», основанная в Коктебеле Максимилианом Волошиным. Хотя бы раз в жизни у Макса гостят практически все классики русского серебряного века – Мандельштам, Белый, Горький, Брюсов, Булгаков, Цветаева, Гумилёв, Зощенко, Чуковский и многие другие. Именно Волошин фактически превратил ранее никому не известный поселок в Восточном Крыму в литературную (шире – артистическую) столицу Крыма и один из литературных центров России. Географическим доказательством тому – профиль поэта, изваянный господом Богом на одной из скал древнего Карадага:

*«Его полынть хмельна моей тоской,
Мой стих поёт в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой» [Волошин 1990, 49].*

В Гражданскую войну Крым становится последним оплотом старой уходящей России. Наиболее остро это, пожалуй, отражается в одной из самых пронзительных книг русской литературы XX века – «Солнце мертвых» Ивана Шмелева, потерявшего в Крыму любимого сына, и в поэзии Николая Тuroверова:

*«Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,*

Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда» [Туроверов 2010, 15].

В отличие от историков, писатели и поэты знают сослагательное наклонение. Уже во второй половине XX века мечту о «белом Крыме» отразил в своем романе «Остров Крым» Василий Аксенов. Историческое допущение, лежащее в основе сюжета этого произведения, заключается в том, что в 1920 году белым удалось отстоять Крым и построить на полуострове независимое демократическое (капиталистическое) государство.

В ПОГОНЕ ЗА СЧАСТЬЕМ

В реальной же жизни и Василий Аксенов, и его коллеги по ремеслу – Битов, Ерофеев, Вознесенский, Евтушенко и многие другие – в мирные «застойные» шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века фактически продолжают в Крыму традицию, заложенную Максимилианом Волошиным и его друзьями в начале столетия. Крым (и прежде всего – Коктебель) становится для них убежищем, творческой мастерской, в которой рождаются многие заметные произведения русской литературы той поры.

Аксеновская тусовка в Коктебеле представляла собой своеобразную свободную карадагскую республику, художественно отразившуюся и преломившуюся в эссе «Карадаг-68» и романе «Таинственная страсть». «Василий Аксенов – из тех писателей, которых невозможно представить «вне политики», - замечали мы в работе «Рай на Земле (Крымский текст в художественной прозе Василия Аксенова)». -

Слишком велика его нелюбовь к советской действительности. Крым для Аксенова и его друзей – это полуостров (или остров) свободы. Антипод Советского Союза как материка несвободы. По Аксенову, Крым самим фактом своего существования подрывает основы советского строя. И, может быть, по-своему неслучайно в 1991 году один из «взрывов», разрушивших Советский Союз, прогремел как раз в Крыму – именно здесь, напомним, находился в дни ГКЧП под домашним арестом первый и последний президент этой страны Михаил Горбачев» [Мащенко 2017, 148].

Герои рассказов, повестей и романов вслед за самим В. Аксеновым стремятся в Крым на поиски... счастья. Или даже не совсем так. Они стремятся в Крым, точно зная, что именно там их ждет счастье. Южный полуостров – это рай, куда стремятся из холодной, промерзшей до костей Москвы герои романа «Таинственная страсть»: «В те ночи непротопленные подъезды казались им крымскими пещерами, а шум снегоочистительных машин с их крабообразными клешнями напоминал накат волны» [Аксенов 2011, с.219]. И: «Сама мысль о путешествии в Крым пришла им после бесконечного ужина в сомнительной компании. Плюхнули в «Москвич» и помчали» [Аксенов 2011, с.241].

Идею бегства в свободный Крым можно обнаружить и в повести «Свяжск»: «Мы сейчас с тобой сбежим, кричало мне мальчишеское лицо моего старого жирного Валевица. Плюхнемся в мои «Жигули» и за сутки докатим до Крыма, а там растворимся среди местного населения и гостей всесоюзной здравницы. Здоровье каждого – это здоровье всех, так сказал Леонид Брежнев. Бежим, товарищ!» [Аксенов 1981].

«Москвич», «Жигули», «Волга» - какая разница! Главное – в Крым! Не «в Москву! В Москву!» – как у чеховских героинь, а «в Крым! В Крым!»

Иосиф Бродский формулирует в «Письмах римскому другу» значение Крыма в тоталитарной советской империи:

«Пусть и вправду, Постум, курица - не птица,

Но с куриными мозгамихватишь горя.

Если выпало в империи родиться,

Лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далёко, и от выюги,

Лебезить не нужно, трусить, торопиться.

Говорят, что все наместники - воруи,

Но воруга мне милей, чем кровопийца» [Бродский 1992, 270].

Сбежать в Крым, к морю, чтобы читать, спорить о прочитанном, писать и наслаждаться жизнью - мечта советских (и антисоветских литераторов) «эпохи застоя».

«Январь в Крыму. На черноморский берег

зима приходит как бы для забавы:

не в состоянии удержаться снег

на лезвиях и остриях агавы.

Пустуют рестораны. Дымят

ихтиозавры грязные на рейде.

И прелых лавров слышен аромат.

«Налить вам этой мерзости?» «Налейте».

Итак – улыбка, сумерки, графин.

Вдали буфетчик, стискивая руки,

дает круги, как молодой дельфин

вокруг хамсой заполненной фелюки.

Квадрат окна.

В горшках – желтофиоль.

Снежинки, проносящиеся мимо.

Остановись, мгновенье! Ты не столь

прекрасно, сколько ты неповторимо» [Бродский 1992, 45].

ПЕРИОД РАСПАДА

Однако мгновенья эти не остановить. «Свистят они как пули у виска». И вот-вот грядет крупнейшая геополитическая катастрофа XX века - распад Советского Союза, поначалу воспринимающийся как освобождение от опостылевшего коммунистического режима.

Дни августовского путча ГКЧП в 1991 году первый и последний президент СССР проводит в «заточении» на государственной даче в Форосе, а буквально в нескольких десятках километров от него, в поселке Курортном под Карадагом находится в это время будущий классик современной русской литературы Виктор Пелевин. Эпоха распада большой страны отражается в его романе «Жизнь насекомых», действие которого как раз и происходит в Крыму историческим летом 1991 года – насколько, конечно, можно датировать действие такого рода романа.

«Случайно ли местом действия в «Жизни насекомых» становится именно Восточный Крым или, еще точнее, окрестности Карадага, с одной стороны которого расположен Коктебель, а с другой - Курортное и Биостанция? Думается, едва ли, - учитывая, как эти места притягивали (и продолжают притягивать) русских литераторов на протяжении последнего столетия и даже больше. Именно здесь Максимилиан Волошин создал «один из культурнейших центров не только России, но и Европы» (выражение Андрея Белого), едва ли не самую знаменитую русскую литературную тусовку, в которой обретались Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева; позже, в бытность в Коктебеле Дома творчества писателей, здесь работали Аксенов, Ахмадулина, Битов, Вознесенский, Евтушенко и многие другие классики советской и антисоветской литературы. Так что, вольно или невольно, Виктор Пелевин в этом смысле продолжает старую русскую литературную традицию» [Мащенко 2018, 185].

«Несмотря на все эзотерические и буддистские мотивы, Пелевин – писатель, чье творчество неотделимо от злобы дня, и изображенный в «Жизни насекомых» полуостров – это именно Крым последнего советского лета со всеми приметам той эпохи упадка конца восьмидесятых – начала девяностых. [Мащенко 2018, 185].

«Я был там летом 1991 года, летом путча, и я написал роман в следующую зиму, - рассказывает сам писатель. - Видите ли, политика влияет на вас, даже если вы не хотите. Вы можете быть полностью исключены из сферы политики и общественной жизни, но каждый раз, когда происходит путч или обстреливают парламент, или избирают Жириновского, что-то изменяется. Вы можете сидеть, запершись в

квартире с выключенным телевизором, но каким-то образом вы чувствуете это. Это как если бы химический состав воздуха изменился» [Лейрд 1999,187].

На глазах у Пелевина бывшая глухая римская провинция у моря, а затем всесоюзная здравница начинает превращаться в регион независимой постсоветской Украины. Репродуктор в поселке «несколько минут шипел вхолостую, а потом мечтательно заговорил по-украински» [Пелевин 2003]. Как выяснится 23 года спустя, сбыться этим «мечтам» на полуострове было так и не суждено.

НЕПОСИЛЬНАЯ НОША ДЛЯ УКРАИНЫ

Понимание того, что Крым не может быть частью Украины, пожалуй, наиболее ярко выразилось в публицистическом наследии абсолютного иного и по творческой манере, и по мировоззрению русского писателя - Александра Солженицына. В девяностые годы прошлого века он был одним из немногих русских писателей, публицистов и общественных деятелей, кто выступил с заявлением о несправедливости украинского статуса полуострова, который после распада СССР вдруг стал частью независимого украинского государства, провозгласившего Россию своим главным внешнеполитическим врагом. «Сколько русские с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма – и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено было нашей же выборной властью – однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя» [Солженицын 2006, 81], – читаем в опубликованной в 1998 году книге «Россия в обвале».

Солженицын умер 3 августа 2008 года, почти шесть лет не дожив до возвращения Крыма в состав России. Тем не менее, писателю удалось пророчески предвосхитить неминуемость распада Украины в ее неорганичных, неестественных постсоветских границах: «Отяжелительная ошибка её – именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь–Херсон–Одесса) и Крым. (Принятие

хрущёвского подарка – по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, – государственное воровство). Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка – непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединённости западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 процента населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: нахватанное – ребром выпрет» [Солженицын 2006, 79].

В 2014 году это предсказание русского классика сбылось почти с абсолютной точностью. Солженицын писал о Крыме, опираясь не только на свои исторические познания и размышления, но и на собственный опыт знакомства с регионом. Классик несколько раз бывал на полуострове – в посёлке Черноморское, где сохранился дом друзей писателя, Николая Ивановича и Елены Александровны Зубовых, в котором Солженицын прятал свои рукописи; в Симферополе, на Южном берегу Крыма.

Еще в самом начале девяностых во львовском клубе «Лялька» – излюбленном месте сборищ тамошней богемы – всего за три гривны можно попробовать на вкус украинскую мечту – сало в шоколаде. Понятное дело, это знаковое национальное блюдо было почти несъедобно. В соответствии с народной поговоркой, его можно надкусить, но едва ли – съесть. Так же невозможно было для Украины «переварить» Тавриду. Мечта об украинском Крыме, все еще трепетно лелеемая частью бандеровских национал-патриотов, навсегда останется мечтой.

Украина получила в 1991 году независимость в результате исторической случайности. Ее советские границы были произвольно прочерчены Сталиным и Хрущевым, фактически подарившим Украине Крым в 1954 году. Таврида досталась Украине в результате как казалось тогда украинским патриотам счастливого, а на самом деле несчастного стечения исторических обстоятельств. Ибо без Крыма, как справедливо заметил Александр Солженицын, украинское государство было бы куда стабильнее и жизнеспособнее.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Провидчески угадал судьбу Крыма Василий Аксенов в уже упоминавшемся нами здесь романе «Остров Крым» - может быть, вообще в главном крымском романе, связавшем XX и XXI столетия. После воссоединения полуострова с Россией, кажется, только ленивый не обратил внимания на то, что один из лидеров «Крымской весны», нынешний глава Республики Сергей Аксенов носит ту же фамилию, что и автор романа «Остров Крым» Василий Аксенов. Между тем, это только первое из десятков совпадений, параллелей, предсказаний и, если угодно, пророчеств, которые может обнаружить в книге внимательный читатель.

«Судите сами. Главным политическим праздником Крыма много лет был День Автономной Республики Крым, который отмечается 20 января, - отмечали мы в работе «Рай на Земле (Крымский текст в художественной прозе Василия Аксенова)». - Именно в этот день в 1991 году состоялся общекрымский референдум по вопросу о воссоздании в Крыму автономной республики. За восстановление Крымской автономии тогда проголосовали 1.343.855 человек, или 93,26% от принявших участие в голосовании.

Напомним, Василий Аксенов написал свой роман в 1977-1979 годах. Очевидно, что он не мог знать о том, что произойдет в Крыму в 1991 году. Однако главный государственный праздник Острова Крым также приходится на... 20 января. Согласно аксеновскому политико-литературному мифу, в этот день островитяне отмечали День Лейтенанта Бейли-Лэнда.

По сюжету романа, 20 января 1920 года лейтенант Бейли-Лэнд, открыв огонь по наступающим через Сиваш большевикам из главного калибра линейного крейсера «Ливерпуль», спас Добровольческую армию от разгрома. Этот «литературный подвиг» подарил аксеновскому Крыму независимость от СССР, а вместе с ней и невиданное процветание.

Таким образом, спустя десятилетия выдуманный Аксеновым главный праздник свободного Острова Крым совпал с датой проведения референдума о восстановлении крымской автономии, то есть, о своеобразном политическом освобождении региона

от власти центра. Безусловно, это всего лишь совпадение, но совпадение, во-первых, в высшей степени символическое, а во-вторых – далеко не единственное. Один из героев «Острова Крым» носит фамилию... Мешков. Не оттуда ли, не со страниц ли законченной в 1979 году аксеновской книги материализовался в 1994 году первый и пока последний президент Крыма Юрий Мешков?» [Мащенко 2017, 251].

Антиутопия Василия Аксенова дает возможность глубже понять политические события, которые происходят на полуострове в последние десятилетия, его роль в геополитическом противостоянии крупнейших мировых держав. Писатель еще тогда, в спокойные советские годы, тонко почувствовал конфликтный потенциал Крыма. «Андрюша, ты знаешь, на какой пороховой бочке мы живем, в какую клоаку превратился наш Остров... – говорил в романе товарищ министра информации Фредди Бутурлин. – Тридцать девять одних только зарегистрированных политических партий. Масса экстремистских групп» [Аксенов 1992, 87].

Натовская разведка внимательно наблюдала за Крымом как «возможным очагом дестабилизации» не только в аксеновском романе, но и в реальной жизни. И этот процесс продолжается и сегодня, когда Крым, его государственный статус, стал одним из главных камней преткновения в международных отношениях.

«Я надеюсь, что мой роман не только увлечет крымчан своим довольно бурным сюжетом, но также поможет им в осмыслении истории своего края, как будто специально созданного Творцом для воплощения многонациональной гармонии» [Аксенов 1992, 3], - писал Василий Аксенов в августе 1991 года.

«Остров Крым» увлек не только читателей, литературоведов и литературных критиков, но и... политиков и политтехнологов, которые регулярно эксплуатируют его в своих прикладных проектах. Так, например, в 2006 году молодежное движение «Прорыв» провело скандальный перформанс «Остров Крым», в ходе которого его активисты символически перекопали перешеек, отделяющий Крым от материковой части Украины. А три года спустя, в 2009 году, известный украинский политик Инна Богословская создала на полуострове для участия в выборах общественное движение «Остров Крым».

Крым «вернулся в родную гавань» уже больше пяти лет назад, весной 2014 года, однако интеграция региона в политическое, экономическое, юридическое пространство России продолжается до сих пор. И это также предвидел Василий Аксенов в своем романе: «– О-хо-хо, мороки-то с этим воссоединением, – вдруг заговорил «Окающий». – Куда нам всех этих островитян девать? Сорок партий, да и наций, почитай, столько же... кроме коренных-то, татар-то, и наших русаков полно, и греков, и арабов, иудеи тоже, итальянцы... охoho... даже, говорят, англичане там есть...» [Аксенов 1992, 184].

У тезки писателя – главы Республики Крым Сергея Аксенова, у остальных островитян и жителей российского материка впереди много совместной работы, направленной на то, чтобы воплотить в реальность еще одно художественное предсказание классика.

В результате выполнения Федеральной целевой программы развития региона Крым должен стать настоящим «Островом Окей» со стильной Феодосией, небоскребами международных компаний Севастополя, сногшибательными виллами Евпатории и Гурзуфа, минаретами и банями Бахчисарая, американизированными (в хорошем смысле этого слова) Джанкоем и Керчью, вечно пританцовывающей, бессонной, стоязычной Ялтой и, конечно, поражающим воображение своей ультрасовременной архитектурой Симферополем.

Главный герой аксеновского романа Андрей Лучников мечтал о том, что Крым даст новый импульс России - станет «электронным зажиганием для русского мотора на мировой античной трассе» [Аксенов 1992, 24]. И эта мечта в известном смысле уже сбылась. Возвращение Крыма вернуло России ее законное место на карте мира – место великой мировой державы.

Воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года вызвало новый всплеск интереса к полуострову. Крым вновь осмысливается как святая земля, колыбель русского православия, и уже хотя бы поэтому он должен принадлежать России.

«Для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам и иудаизм. И именно так мы будем к этому относиться

отныне и навсегда, – сказал Президент России Владимир Путин 4 декабря 2014 года в Послании Федеральному Собранию. - Для нашей страны, для нашего народа это событие имеет особое значение, потому что в Крыму живут наши люди и сама территория стратегически важна, и потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как его называли русские летописцы – Корсунь, принял крещение князь Владимир, а затем крестил всю Русь» [Путин 2014].

Эти слова можно считать историческим доказательством справедливости политического возвращения полуострова в состав России. При этом в культурном (и литературном) смысле Крым никогда Русский мир не покидал. А само Послание президента Путина Федеральному Собранию в 2014 году, равно как и его «Крымская речь», произнесенная в Георгиевском зале Кремля 18 марта того же 2014 года, – вне всяких сомнений, не только политические, но и публицистические памятники новейшей истории Крыма и России.

В то же время одновременно следует отметить и тот факт, что воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года разделило российскую литературную общественность на два противоборствующих лагеря. Один восторженно принял этот исторический факт (Проханов, Прилепин, Шаргунов), другой (Акунин, Сорокин, Быков), наоборот, отрицает его законность. Процесс характерный, привычный для русской литературы - вспомним хотя бы ожесточенные дискуссии между славянофилами и западниками в золотом XIX веке нашей словесности. В известном смысле они продолжают и сегодня. Славянофилы XXI столетия – Проханов, Прилепин, Шаргунов. Западники – Акунин, Сорокин, Быков.

При этом в пылу политической и идеологической борьбы писателям уже некогда облекать свои мысли в форму художественных произведений, и они обращаются к инструментарию публицистики. «Возвращение Крыма России было, как чудо, как восход солнца, - привычно патетически формулирует Проханов. - Это была пора ликования. Народ, прозябавший в сумерках, возвысился духом, воскрес. Народ-подранок, у которого с девяносто первого года всё только отбирали, мучили его,

казнили, корили, вновь обрёл русский цветущий Крым, он обрёл своё будущее, он вновь стал народом-мечтателем. Ещё не было моста, соединяющего континентальную Россию с полуостровом, а крымский мост между народом и властью, преодолев пропасть, был воздвигнут в одночасье, как в сказке. Началась новая русская эра. Государство Российское повенчалось с Крымом, пало на колени перед алтарём в Херсонесе, оросило своё обгорелое измождённое лицо черноморской живой водой» [Проханов 2018]. Прилепин уверен в том, что «нигде так остро и светло не чувствуешь себя русским, как в Крыму!» [Прилепин 2016]. А для Быкова все это всего лишь «кипящий патриотический квас» [Быков 2017].

Кто из них прав?

Ответ на этот вопрос крымчане дали 16 марта 2014 года, абсолютным большинством голосов проголосовав за воссоединение с Россией. И стоял за нами, по определению цитировавшегося выше Захара Прилепина, «спецназ русской литературы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на протяжении столетий в Крыму создавался и продолжает создаваться мощный русский бэкграунд из стихов, рассказов, повестей, романов и эпопей. Полуостров осмысливается классиками отечественной литературы как святая земля, как рай на земле, как курорт и, наконец, как стратегический форпост России на юге.

Пушкин и его наследники создают на полуострове своеобразный культурный щит, сохраняющий Крым в составе Русского мира несмотря ни на какие политические катаклизмы. Это щит будет крепче любого военного щита. Его не пробить никакими санкциями. Крым был, есть и будет частью великой России. И никто и никогда не сможет этого изменить – ни Обама с Трампом, ни Меркель с Мэй, не говоря уже о Порошенко с Аваковым.

Всё, что можно посоветовать вышеназванным господам – немного... почитать. Пушкина, например. Причем не только «Бахчисарайский фонтан», но и «Клеветникам России». Как гласит старая прописная истина: учиться никогда не

поздно. В том числе и политикам. Ибо иногда от незнания школьной программы по литературе проистекают грандиозные исторические катаклизмы.

Список литературы

1. Аксенов 1981 – Аксенов, В. П. Свяжск [Электронный ресурс] / В. П. Аксенов. – URL: http://bookz.ru/authors/aksenov-vasilii/sviajsk_323/1-sviajsk_323.html (дата обращения: 14.09.2018).
2. Аксенов 1992 – Аксенов, В. П. Остров Крым [Текст] / В. П. Аксенов. – Симферополь: Редотдел Крымского отделения по печати, 1992.
3. Аксенов 2002 – Аксенов В. П. В поисках грустного бэби [Текст] / В. П. Аксенов. – М.: Изографус, Изд-во Эксмо, 2002.
4. Аксенов 2011 – Аксенов, В. П. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках) [Текст] В. П. Аксенов. Авторская версия. – Книга 1. – М.: Семь дней, 2011.
5. Быков 2017 – Быков, Д.Л. «Тут был один полуостров Божий, но Бога там больше нет» / Д. Л. Быков // «Новая газета». - № 28. – 20.03.2017.
6. Бродский 1992 – Бродский И. А. Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. Т.1 [Текст] / И. А. Бродский. – Минск: Эридан, 1992.
7. Волошин 1990 – Волошин, М. А. Коктебельские берега. – Симферополь: Таврия, 1990.
8. Курьянов 2014 – Курьянов, С. О. На пути к созданию Крымского текста русской литературы. Миф первый. О святости крымской земли / С. О. Курьянов // Филология и литературоведение. – 2014. № 7 [Электронный ресурс]. – URL: <http://philology.snauka.ru/2014/07/884> (дата обращения: 14.09.2018).
9. Курьянов 2015 – Курьянов, С. О. Миф о Крыме как о восточной мусульманской стране в повестях Азовского цикла (XVII век) [Текст] / С. О. Курьянов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Том 1 (67). №4. – 2015. – С.53-61.
10. Лейрд 1999 – Лейрд С. Голоса русской литературы: Интервью с современными писателями / С. Лейрд. – Нью-Йорк, 1999.

11. Маяковский 1987 – Маяковский, В. В. Сочинения в 2 томах. Т.1 [Текст] / В. В. Маяковский. – М.: Правда, 1987.
12. Пелевин 2003 – Пелевин, В. О. Жизнь насекомых [Электронный ресурс]. – М.: Вагриус, 2003. – Электронная книга.
13. Прилепин 2016. – Захар Прилепин: «Нигде так остро и светло не чувствуешь себя русским, как в Крыму!» // «Крымский журнал», 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://journalcrimea.ru/zahar-prilepin-nigde-tak-ostro-i-svetlo-ne-chuvstvuesh-sebya-russkim-kak-v-krymu/> (дата обращения: 14.09.2018).
14. Проханов 2018 – Проханов, А. А. Крымское солнечное затмение [Электронный ресурс] / А. А. Проханов. – URL: http://zavtra.ru/blogs/krimskoe_solnechnoe_zatmenie (дата обращения: 14.09.2018).
15. Путин 2014 – Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 14.09.2018).
16. Пушкин 1977 – Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т.4 [Текст] / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977.
17. Пушкин 1978 – Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т.5 [Текст]/ А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1978.
18. Солженицын 2006 – Солженицын, А.И. Россия в обвале [Текст] / А. И. Солженицын. – М.: Русский путь, 2006.
19. Толстой 1973 – Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 12 томах. Т.2 [Текст] / Л. Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1973.
20. Туроверов 2010 – Туроверов, Н. Н. «Возвращается ветер на круги своя...» [Текст]/ Н. Н. Туроверов. – М.: Художественная литература, 2010.

References

1. Aksyonov V. P. Sviyazhsk [Sviyazhsk]. Available at: http://bookz.ru/authors/aksenov-vasilii/sviajsk_323/1-sviajsk_323.html. (accessed 14.09.2018).
2. Aksyonov V. P. Ostrov Krym [The Island of Crimea]. Simferopol, 1992.

3. Aksonov V. P. V Poiskakh Grustnogo Bebi [In Search of Melancholy Baby]. Moscow: Izografus, Eksmo Publ., 2002.
4. Aksonov V. P. Tainstvennaya Strast [Mysterious Passion]. Moscow: Sem Dnei Publ., 2011.
5. Bykov D. L. «Tut Byl Odin Poluostrov Bozhii, no Boga tam Bolshe net» [“There was one Peninsula of God, but there is no God there Anymore”]. Novaya Gazeta. № 28. 20.03.2017.
6. Brodsky I. A. Stikhotvoreniya, Esse, Piesy [Poems, Essays, Plays]. In 2 Volumes. Vol. 1. Minsk: Eridan Publ., 1992.
7. Voloshin M. A. Koktebelskiye Breregа [The Koktebel Coast]. – Simferopol: Tavria, 1990.
8. Kuryanov S. O. Na Puti k Sozdaniyu Krymskogo Teksta Russkoi Literatury [Towards the Creation of the Crimean Text of Russian Literature. The First Myth. About the Sanctity of the Crimean Land]. Philology and Literary Criticism. 2014. № 7. Available at: <http://philology.snauka.ru/2014/07/884> (accessed 14.09.2018).
9. Kuryanov S. O. Mif o Kryme kak o Vostochnoi Musulmanskoi Strane v Povestyakh Azovskogo Tsikla (17th Vek) [The Myth of the Crimea as the Eastern Muslim Country in Stories of Azov Cycle (17th Century)]. Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Vol. 1 (67). №4. 2015. P. 53-61.
10. Laird S. Voices of Russian Literature: Interviews with Ten Contemporary Writers. New York: Oxford University Press, 1999.
11. Mayakovsky V. V. Sochineniya v Dvukh Tomakh [Works in 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1987.
12. Pelevin V. O. Zhizn Nasekomykh [The Life of Insects]. Moscow: Vagrius Publ., 2003.
13. Prilepin Z. «Nigde tak Ostro i Svetlo ne Chuvstvuesh Sebya Russkim, kak v Krymu!» [“Nowhere so Sharply and Lightly you do not Feel Russian, as in the Crimea!”]. Krymskii Zhurnal, 2016. Available at: <http://journalcrimea.ru/zahar-prilepin-nigde-tak-ostro-i-svetlo-ne-chuvstvuesh-sebya-russkim-kak-v-krymu/> (accessed 14.09.2018).

14. Prokhanov A. A. Krymskoye Solnechnoye Zatmeniyе [Crimean Solar Eclipse]. Available at: http://zavtra.ru/blogs/krymskoe_solnechnoe_zatmenie (accessed 14.09.2018).
15. Putin V. V. Poslaniye Prezidenta Federalnomu Sobraniyu [The President's Address to the Federal Assembly]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (accessed 14.09.2018).
16. Pushkin A. S. Polnoye Sobranie Sochinenii v 10 Tomakh [The Complete Works in 10 Volumes]. Vol. 4. Leningrad: Nauka Publ., 1977.
17. Pushkin A. S. Polnoye Sobranie Sochinenii v 10 Tomakh [The Complete Works in 10 Volumes]. Vol. 5. Leningrad: Nauka Publ., 1978.
18. Solzhenitsyn A. I. Possiya v Obvale [Russia under Avalanche]. Moscow: Russkii Put Publ., 2006.
19. Tolstoy L. N. Sobranie Sochinenii v 12 Tomakh [Collected Works in 12 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1973.
20. Turoverov N. N. «Vozvrashchaetsya Veter na Krugi Svoya...» [“The Wind Returns to Normal...”] Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 2010.

THE CRIMEAN DIMENSION OF RUSSIAN LITERATURE: FROM PUSHKIN TO PRILEPIN

Mashenko A. P.

The article tells about the evolution of the image of Crimea in Russian literature, emphasizing the perception of the peninsula, which was formed in modern Russian literature at the beginning of the XXI century. Tavrida plays a special role in Russian history and culture. It is here, in Chersonese, the font of Russian Orthodoxy, the spiritual source of the Russian nation and the centralized Russian state. Together with the Orthodox religion, Russia also borrows from Byzantium a system of state values, which would later be aphoristically formulated by the monk Philotheus: Moscow is the third Rome, and the fourth will not be. The accession of Crimea to Russia in 1783 is not only important geopolitical and military-strategic, but also spiritual event in our history. Active political, administrative, economic and... literary development of the region begins. At the same time, the Crimean peninsula is also a kind of earthly paradise, where tsars, politicians, writers, poets, artists seek from the cold continent. The latter view is associated with a more pragmatic understanding of the Crimea as an all-Russian resort. And of course, the Crimea is Russia's most important military-strategic outpost in the south. All these «readings» of the Crimea are reflected and comprehended in the work of Russian writers and poets of different epochs – A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, N.V. Gogol, A.P. Chekhov, A.I. Kuprin, M.A. Voloshin, O.E. Mandelshtam, I.S. Shmelev, A.I. Solzhenitsyn, I.A. Brodsky, V.P. Aksyonov, V.V. Erofeev, A.A. Prokhanov, V.O. Pelevin, E.N. Prilepin and many others. In many respects it was Russian literature that made Crimea part of the Russian world. For centuries on the

КРЫМСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ...

peninsula, a powerful Russian background was created from poems, stories, novels and epics, which became one of the most important conditions for the reunification of the peninsula with Russia in 2014.

Keywords: Crimea, Russia, literature, Россия, литература, Pushkin, Gogol, Chekhov, Tolstoy, Voloshin, Solzhenitsyn, Brodsky, Aksyonov, Pelevin, Prilepin.

УДК 821.161

**МАРИНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕКСТАХ
И СВЕРХТЕКСТАХ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Новикова М. А.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: lilivelilaeva@yandex.ru**

В работе исследуются морские мотивы в европейских текстах разного типа: от священных сверткестов (античные мифы, Библия) до литературных и литературно-публицистических текстов Нового времени (травелог, эссе, юмореска, элегический пейзаж, баллада и др.). Используются разные стратегии их анализа. Выделены их универсальные и специфические (этно-, хроно-) аспекты. Намечены перспективы их дальнейшего изучения. Определено, что географическое положение Великобритании предопределяет доминантность маринистических мотивов в британских текстах. Анализ английских и шотландских антологий свидетельствует об обратном: морские мотивы безусловно есть, но доминантными их назвать нельзя. Установлено, что объяснить это можно спецификой морских плаваний: в основном они были каботажными. А большие моря ассоциировались с символикой неизвестного, неизведанного, нечеловеческого, чужого, Хаоса. Установлено, что наиболее часто к маринистической символике обращаются поэты XIX в. (например, С. Кольридж «Сказание старого морехода», Дж. Гордон Байрон «Паломничество Чайльда Гарольда», Чарльз А. Суинбёрн «Всемогущество времени»). Анализ поэтических текстов подтвердил многозначность и многофункциональность маринистических мотивов. Определено, что морские реалии могут трансформироваться в символы, мифологемы и мифемы.

Ключевые слова: маринистические мотивы, тексты и сверткесты, литература, публицистика, жанры, концепты, методы анализа, универсальные и этно-/хроноспецифические аспекты.

Прелиминарии. Морские (маринистические) мотивы как существенный элемент картины мира публицистических, литературных, фольклорных и даже священных текстов и сверткестов знакомы европейской культуре от седой архаики вплоть до Нового и новейшего времени. В этом смысле маринистика актуальна для филологии в той же мере, в какой мировой океан и все иные водные источники были и будут актуальны для человеческой жизнедеятельности. (См. развитие этой идеи на материале «морского» творчества от византийских богословов-риторов II-IV веков [2] до поэтов XX века, например, Сен-Жон Перса [12].).

Естественно, при таком диапазоне авторов возникает вопрос: насколько велика новизна предлагаемой темы? История вопроса показывает, что новизна эта велика

именно благодаря многовековому бытованию маринистических мотивов в мировой и европейской словесности. Оно породило дискуссии и очертило лакуны. Среди наименее исчерпанных проблем литературной маринистики назовём методы её исследования, соотношение в ней универсального и специфического, жанровую парадигму её текстов. Некоторые из этих проблем (конечно, в первом приближении) поставлены в нашей статье.

Маринистические мотивы в британском фольклоре. Первый источник любой национальной картины мира – национальный фольклор. Для Великобритании он представлен двумя традициями: кельтской (шотландской, уэльской (валлийской)) и германской (английской). Какое место занимает в этих традициях море и его аллоформы?

Великобритания – островное государство. Его берега омываются несколькими морями и Атлантическим океаном. Одна только Шотландия насчитывает 163 больших и малых острова.

Море для британцев – не даль, а близь. Даже по железной дороге от любой британской станции до морского побережья можно добраться менее, чем за сутки. Всё это должно было бы привести к тому, что маринистические мотивы сделаются в британском фольклоре доминантными.

Однако обзор антологий английской и шотландской поэзии (прежде всего антологий наиболее авторитетных, предназначенных для дидактических целей – для университетов и колледжей [24, 26, 29]) показывает другое. Морские мотивы, если судить по этим изданиям, в британском фольклоре безусловно присутствуют. Но столь же безусловно не доминируют – ни статистически (общее число маринистических текстов; их частотность по жанрам (баллада, песня, прорицание, заклинание)), ни функционально (далеко не везде эти мотивы являются сюжетообразующими, т.е. ядерными).

Как правило, море (океан) возникают в британских фольклорных текстах в британском виде композиционной и сюжетной рамки. Посылка (вариант: отъезд) за море образует *зачин* текста и *завязку* текстового сюжета. Возвращение из-за моря

домой (негативные варианты: невозвращение; известие о гибели героя/героев; пропажа их без вести) составляет *финал* текста и *развязку* сюжета.

Доказательством именно такой – не доминантной – роли моря-океана в фольклоре служат *названия* фольклорных текстов. Если эти тексты сюжетны (песня, баллада, прорицания), названия им даются чаще всего по имени *главного персонажа* (вариант: главного места действия). Как раз этот персонаж (или это место действия) редко бывают непосредственно связаны с морем (океаном). Названия типа «Сэр Патрик Спенс» (знаменитый корабельщик, капитан корабля [26, р. 62-63]), или «Жених-призрак» (герой уплывает живым, а приплывает назад к невесте призраком, на призрачном корабле [26, с. 56-59]) – являются скорее исключением. Самый известный из западноевропейских маринистических сюжетов Нового времени, «Летучий голландец», возник достаточно поздно: в эпоху великих географических открытий (как и сюжеты о встрече корабля с морскими чудовищами, о проклятых кораблях или роковых корабельных грузах, и т.п.).

Прагматическое объяснение указанной *маргинальности* маринистических образов и мотивов в фольклоре морской державы можно объяснить спецификой морских плаваний у древних народов. Плаванья очень долго были каботажными. Суда (лодки, затем корабли) двигались неподалёку от берега, по заметным ориентирам на суше (мысам, устьям рек и т.д.). Для отдыха и пополнения запасов использовались заливы и бухты. Поэтому «большие», открытые моря воспринимались как символы пространства неведомого, нечеловеческого, в пределе – как царство Хаоса. С Хаосом же или невозможно договориться вообще, или договориться можно, но очень дорогой ценой, вплоть до человеческих жертв. Такими жертвами могли стать персонажи или максимально отрицательные (преступники, нарушители клятвы, убийцы, люди, продавшие себя злым силам), или максимально положительные (невинные девушки, отважные герои, святые подвижники). Лишь эти вторые в состоянии пересечь границу иномирия, не бесполезно погибнув, а примирив с ним упорядоченный, этичный мир.

Не более архаической стадии жёстко полярная картина в мифах народов мира отсутствует. Антимир воспринимался лишь как другое пространство. В некоторых

сюжетах оно гораздо худшее, в некоторых гораздо более благоприятное, чем пространство «своё». Если герой-человек в этом ином пространстве «заморья» остаётся, ему традиционно помогают вещи, слуги, героини из иномирия. В крайнем случае, если иномирие отпускает его назад, в человеческий мир, то с ценными/волшебными дарами. Так происходит, например, с героем в шотландской балладе «Правдивый Томас», опирающейся на биографию реального эрла (графа) Эрсилдунского Томаса Лермонта [26, р. 223-226].

Аллоформами «моря-океана» в британской фольклорной картине мира выступают (по убывающей частотности) 1) реки, ручьи; 2) родники, колодцы; 3) озёра; 4) болота (только в негативном плане). Разумеется, все эти водные топосы были отмеченными, символическими в культурном обиходе данной земли и её обитателей.

Эта тенденция отчётливо прослеживается в последующей книжной поэзии. Особенно регулярно используют фольклорную маринистическую символику британские поэты-романтики XIX века (а также поэты пред- и постромантического периодов). Ни британский XVII век, ни британский XVIII век, поэзия Просвещения, Классицизма или Сентиментализма, – не создали ничего равного по маринистической выразительности поэмам С. Кольриджа «Сказание старого морехода» (*The Tale of Old Mariner*, 1797-99), Дж. Гордона Байрона «Паломничество Чайльда Гарольда» (*Child Harold's Pilgrimage*, 1812) и тем более не разрабатывали целую «морскую метафизику», как это делал Чарльз А. Суинбёрн в поэме «Всемогущество времени» (*The Triumph of Time*, 1866). Впервые после Средневековья и Ренессанса (морские мотивы в пьесах В. Шекспира) море обретает у романтиков Великобритании свою самостоятельную символику, философию и даже мистику. Во многом этому способствуют маринистические мотивы шотландского и английского фольклора.

К настоящему времени существуют уже словари морской терминологии в разных профессиональных областях (кораблестроение, рыболовство, военное дело, картография и т.д. [14]). Не созданы ещё специальные словари морской образности,

символики, мифологии. Соответствующие данные включены в общие энциклопедии и глоссарии.

Обратимся к наиболее универсальным маринистическим концептам и их языковой репрезентации. При анализе морского лексикона нами были выявлены 15 базисных концептов. Они представляют три смысловые группы: 1) водные поверхности; 2) водные источники; 3) водные границы и/или зоны контакта. На языке символики эти три группы могут быть представлены как символы: 1) своего/чужого мира (иномирия); 2) центра/периферии; 3) границы/контакта [7, с. 318].

У концепта *море* [22, с. 654] самое древнее значение, вероятно, – болото, водный участок. В древнепрусском языке пароним моря – «залив», в древневерхненемецком – «лужа», в древнерусском – «озеро (большое)». Присутствуют паронимы «моря» также в украинском и белорусском, болгарском и словацком, иранском и санскрите, в древнефризском, моравском и многих иных индоевропейских языках.

Океан [22, с. 128] произошел из греческого «океаноса». Тот мог означать и «море», и «океан». Отсюда, быть может, пошло устойчивое фольклорное словосочетание «море-океан». По-древнерусски слово «океан» впервые фиксируется на письме в «Изборнике» Святослава (1073) как перевод из Экзарха Иоанна. У греков это слово знакомо уже Гомеру и Гесиоду.

Для дальнейшего анализа морской/водяной семантики возьмём энциклопедии [5, с. 406-407, 435-436; 13, с. 485-486; 21, с. 249-250; 32, pp. 126, 127, 186, 235, 361, 860, 1015, 1135, 1258, 1313, 1348, 1442, 1658]. Из методов исследования используем методы мифокритики, анализ структурно-семантический («полевой»), реального комментирования, реконструктивный.

Отметим сразу же знаменательный факт. Слово и концепт «море» являются базисными, т.е. присутствуют в лексиконе всех индоевропейских народов [22, 32]. Этого нельзя сказать о словах и концептах «озеро» или «океан». И ещё одна интересная деталь. Паронимически – «море» во многих (хотя не во всех) названных языках связано со словом и концептом «смерть» (ср. «мор», «mortal» и т.п.).

Структурно – все концепты имеют свои 1) *ядерные*, 2) *периферийные* и 3) *маргинальные* значения. К значениям ядерным относим все значения, более или

менее универсальные как исторически, так и этнически [24]. К значениям периферийным, наоборот, отнесены все значения, исторически и/или этнически специфичные. Маргинальными можно считать все значения индивидуально-авторские и/или единично-текстовые.

Концепт *океан* трактовался древними как океан «мировой»: некие планетарные воды вообще, «Божьи воды» (формула Ф. Тютчева), первоматерия и первостихия всего сущего без начала и конца [18, с. 142-143]. Океан – еще Хаос, чем и противостоит Морю – уже Космосу [21, с. 249]. Он включает в себя 1) значения «сырого материала» Бытия; 2) начала Творения, Космоса; 3) потопа, «конца света»; 4) Океан выступает как хранитель этих стихийных, хаотичных сил, даже в мире норм, «лада», порядка; 5) оттого он вечный антоним (а в некоторых мифосюжетах – прямой враг) Земли и Человека. 6) С другой стороны, Океан – всеобщий прародитель.

Хотя по-гречески Океан – «беспредельный», в мифах он становится границей. Как всякая граница, он не только разделяет, но и объединяет. Оттого нередко Океан делается супругом богинь или нимф, воплощающих Землю, «дочерей Земли». Этот «династический» брак между враждующими царствами умиротворяет их вражду и приносит «миру мир».

В античной мифологии выделяются несколько десятков действующих лиц, группирующихся вокруг «моря-океана» [15, с. 351-354]. Они повторяют свойства его характера: буйного, изменчивого, опасного, но и завораживающего. Английский поэт Джон Китс, наследник классической традиции, так характеризует «стихию влаги»: «<...> зашумит царь-море, / Восстать велит ручьёв и рек дружине, / Взъерится, – но, лазурь не переспоря, / Как ни мрачнеет, остаётся сине». (См. Приложение № 3. Перевод иллюстративных примеров здесь и далее выполнен М.А. Новиковой).

Античные греки и римляне, жители Средиземноморья, создали (в современных исторических терминах) «гидроцивилизацию». Однако не только далёкий океан, но и ближнее море, Pontus Euxinus [18, с. 1089], было осмыслено ими гораздо слабее, чем суша: родные острова и полуострова. До 660-х годов до н.э.: начала колонизации «варварского» побережья гераклеями, милетскими и другими эллинскими переселенцами, – будущее Чёрное море именовалось «Морем Негостеприимным».

Имелись в виду зимние бури, туманы и штормы. Затем наладилось т.н. каботажное плавание вдоль берегов. После этого море начали именовать «Гостеприимным». Однако и позже древние греки плохо знали, даже его общую форму и действительную величину. Форму Понта Эвксиноса сравнивали с луком; Малую Азию – с его тетивой, а Таврический полуостров – с вершиной дуги. Западная часть моря была якобы длиннее по вертикали, с Юга на Север, нежели по горизонтали, с Запада на Восток. Море это считали почти «закрытым». Азовское море, Меотиду, представляли не морем, а озером. Потому Чёрное море носило у Геродота название, которое давали не водным протокам, а истокам: «мать морей».

Подобная картографическая неразработанность резко контрастирует с тщательной «прорисовкой» суши у тех же греков. Не для Понта-моря, а для Понта-одноименной области Малой Азии отмечены точные границы: соседние земли, пограничные реки, горы, морские побережья. Указаны главные вершины и хребты; мысы, реки и крупные ручьи; племена и царства, которым этот Понт когда-либо подчинялся (Персия, Каппадокия, Рим). Маркированы важнейшие города и знаменитые храмы [18, с. 1088-89; по трудам греческих ученых, от Гесиода до Страбона].

Аналогичная тщательная маркировка приморской зоны сохранится в европейской традиции до наших дней. Так, при описании 13 островов современной Шотландии в книге известного путешественника, ученого и публициста Х. Хасвелл-Смитта отмечены те же достопримечательности: мысы, проливы, бухты; интересные ландшафты; после них – памятники старины и культуры. Сегодня вербальное «картографирование» моря и суши уже равновелики и равноценны [25, pp. 2-5, 481-485].

Резюмируя наш комментарий маринистических реалий у древних людей и у наших современников, выделим реалии с наибольшим мифопоэтическим потенциалом. Таковы, как правило, места наиболее *анормативные*. Анормативность действует на коллективное сознание даже сильнее, чем прагматическая польза (или вред) данного объекта. Скажем, существуют два шотландских острова: один – довольно обширный (Анст), другой – крошечный (прибрежный утёс Альса). Ни тот,

ни другой не сыграли никакой особой роли ни для истории Шотландии, ни для её экономики. Но внешняя необычность островов сделала их обоих «действующими лицами», причем «лицами» титульными, попавшими в названия двух текстов у двоих известных писателей: уже упоминавшегося поэта Джона Китса (сонет «Утёс Альса») и прозаика Роберта Льюиса Стивенсона (роман «Остров сокровищ»).

Для не-морской Палестины (библейских стран Иудеи и Израиля) «море» как концепт означало по сути любую большую воду: озера, реки, внутриматериковые водоёмы [5, с. 485; Исх. XXI, 1, Иер. I.1.36]. Пророк Исайя называл «морем» даже дельту Нила. Кроме того, «море» служило маркером одной из сторон света – Запада. Отдельно же в Библии различались и упоминались лишь немногие моря: 1) *Средиземное* (Числ. XXXIV,6; Зах. XIV, 8 и др.); 2) *Адриатическое* (Деян. XXVII, 27 и др.); 3) *Красное* (Чёрное) – залив Индийского океана (Числ. XI, 31, Исх. X, 19 и др.); 4) *Мёртвое* – впадина на месте городов Содомы, Гоморры и др. (Быт. XIV, 3; Нав. XII и др.); 5) *Тивериадское* (Галилейское) – в сущности, озеро (Иоан. VI, 13 Числ. XXXIV, 11 и др.); 5) *Египетское* море – уже упомянутая нильская дельта.

Как символ море концептуализировалось ещё более слабо и мало вариативно. От текстов Двуречья библейское море унаследовало семантику иномирия, чаще всего враждебного: обители чудовищ, арены Потопа. Однако параллельно через мировую символику воды (вдвойне актуальную для пустынь Ближнего Востока) море стало в Библии одним из символов жизненной энергии, рождения или возрождения.

Византийские христианские писатели, перенимая эту символику в своих проповедях и песнопениях, заострили в морской символике этический элемент. Море стало бездной греха, пучиной зла, опасностью уклонения от правого пути [9, с. 239; 12, с. 364-366]. Таковым оно останется от апостольских Посланий (I-II вв.) до молитвенных канонов Отцов Церкви (IV-IX вв. н.э.).

Маринистические образы и сюжеты проповедников Византии могли почти совпадать с аналогичными образами и сюжетами в старорусских текстах: проповедях и «виршах нравоучительных» XVI-XVII вв. На это обращал внимание ещё Ф.И. Буслаев [7, с. 122-124]. Тем не менее перед нами не прямая цитата, а особая христианская этика смирения и вытекающая из неё эстетика формульности и

повторяемости. Море создаёт Бог; первичные, «матричные» тексты о море создают святые учителя и пророки. Их преемники не создают, а лишь выбирают к месту и варьируют формулы Библии и Церкви [1, с. 9-10].

Скажем, византийская вариативность у «вечных» библейских мотивов моря состоит в том, что, помимо унаследованной метафизической символики моря как «злочлчений житейских», византийцы отбирают и укрупняют, усиливают символику моря – политических страстей, а корабля – государства. Есть у них и индивидуальные вариации. Море Василия Кесарийского – «это буря, ветры», жизнь, «полная боли и опасностей <...>». Море же Иоанна Златоуста – это более гармонизированное «соединение бури и тишины, зла и его преодоления» [12, с. 364-366].

Морские мотивы, т.о., объединяют разные аспекты своего содержания: коллективные и индивидуальные, универсальные и специфические. Синтез и контраст этих начал хорошо иллюстрирует англосаксонская поэма середины Средневековья (X-XI вв.) «Мореплаватель» (см. Приложение № 2).

Универсальны в ней мотивы моря как могущественной стихии, как жестоких испытаний человека, как места его гибели. Иными словами, на символической карте тогдашнего человека (вероятнее всего, викинга и – вплоть до финала – язычника) море символизирует пространство 1) безусловно чужое (иномирие); 2) пограничное (во многих смыслах, и прежде всего как граница между жизнью и смертью); 3) негативное (это источник скорбей и опасностей); 4) не вступающее с Человеком в одушевлённый контакт – ни прямо (оно, Море, не представлено как отдельный персонаж), ни косвенно (за него не выступают его персонификации: божества, нимфы, духи, «морские цари» и т.п.).

Здесь Море входит в картину мира языческую, но не собственно архаическую. Оно живёт в порубежную эпоху – языческого заката и христианского «утра». В этом и заключается его хроноспецифичность.

Отражается такая специфика и на взаимоотношениях этого Моря с «Я»-персонажем: героем данного текста, Мореплавателем. Море – его противник, сюжетный и эмоциональный. Отчего же тогда Человек-Мореплаватель так тоскует

(по-видимому, на склоне лет) по своему вечному оппоненту? Изобилие состязательной, боевой лексики и образности подсказывает: «вечное соревнование» с Морем как раз и образует тоже вечный, притом главный сюжет и смысл жизни этого Героя-Человека. В отличие от героев Романтизма, Мореплаватель, герой Архаики, не «ищет бури» (по формуле М.Ю. Лермонтова). Скорее наоборот, это буря ищет его. Но вне такого вечного поединка, оборвать который может только смерть Человека, жизнь его лишена азарта, цели и смысла. Нельзя не видеть в этом переплетение эпически-универсального (героика личной встречи человека и стихии) и лирически-специфичного. Стихия уже лишена здесь первобытных антропоморфных черт. Зато Человек уже не переживает в настоящем, а лишь вспоминает былое состязание с Морем ностальгически-надрывно. Эта горечь утраченной героики породила в западноевропейской медиэвистике формулу «средневековая меланхолия».

От вопроса о семантике морских/водяных знаков мы переходим уже к вопросу об их сюжетной и жанровой роли. Иначе говоря, можно поставить вопрос: зачем нужно тексту определенного жанра такое, а не иное Море? Такая, а не иная Вода вообще? И кому они нужны?

Скажем, в шотландской балладе «Хозяйка Ключ-Колодца» [31, pp. 209-210, 223-226] повествуется о «богатой женщине», матери троих богатырей. Их она посылает «за море» и вскоре получает весть об их смерти. В ответ Хозяйка выкликает ветры на землю, штормы на море – вызывает от отчаяния Хаос. Чтобы он прекратился, Хозяйка требует у природы и судьбы возратить ей всех её сынов. (См. Приложение № 1).

Спрашивается: можно ли прочесть здешние «водяные» мотивы – не сугубо по-семейному? Думается, можно. Мать – Хозяйка не просто бытовой усадьбы, но всего водяного мира. Центр этого мира – Ключ-Колодец: волшебная Вода, текущая из «нижнего» иномирия. То же иномирие по горизонтали находится «за морем», куда Мать послала сыновей на инициацию. С миром живых иномирие связывает река. Берёзы, из которых сделан убор сыновей, метят вход в загробье. (Отсюда в быту древних славян возник обычай сажать берёзку на могиле). Выкликая бурю, «открывая двери» Хаосу, Мать, т.о., насильно приводит в свой Дом мертвецов.

Однако остаться с нею навсегда они не смогут. После «ночи мёртвых» (11 ноября, канун дня Св. Мартина, Martinmess), времени, когда покойники получают право выходить в мир живых, они возвратятся в могилу и в рай. На прощанье, обходя родную усадьбу, они тоже произносят заклятие: завещают девушкам-служанкам Матери хранить родовой очаг, «матушкин огонь».

Символика Воды сталкивается с символикой Огня; Колодец – с Очагом; Дом (и его семейная сердцевина – Постель, которую Мать стелет Сыновьям) – с Могилой, куда Сыновья уходят на заре навек.

В мире нормы, порядка, Космоса жизнь соседствует со смертью. Бунтуя против такого порядка, Мать ставит под угрозу весь мир живых. Так поступать нельзя. В этом и состоит жанровый «урок» баллады и особая жанровая функция здешнего Моря, здешнего Ручья (над которым растут берёзы), здешнего Колодца. В мире баллады все эти символы играют роль «испытания водой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1) Целью нашей работы была, напомним, проверка гипотезы о многозначности и многофункциональности морских (или шире, водных) мотивов в фольклорных, литературных и/или публицистических текстах. Из этих свойств следует и многосюжетность/многожанровость текстовой реализации этих мотивов.

2) Гипотеза не только подтвердилась, но и открыла для исследователя новые интерпретационные возможности. Обнаружить их помог комплекс применённых аналитических стратегий: анализ этимологический, концептуальный, символический, мифопоэтический.

3) Чем ближе любой текст к фольклору и мифу, тем выразительней проступают сквозь его позднейшие, десакрализованные жанровые матрицы праосновы магических жанров. Они опираются, в свою очередь, на столь же магические функции. Содержание текста (включая его «морской»/ «водяной» аспект) при этом тем менее прагматично и тем более символично, чем более оно космологично.

4) Соответственно, морские/водяные реалии способны в таких условиях превращаться в символы, а символы – в мифологемы (для персонажей) и мифемы (для сюжетов).

Приложение 1. Баллада «Хозяйка Ключ-Колодца». «Как у Хозяйки Ключ-Колодца / три сына, три богатыря. / Она в дорогу их послала / за чужедальние моря / Едва недели две проходят / Как злая весть приходит к ней, / Худая весточка приходит: / убиты трое сыновей <...>» / «Пускай же ветры не уймутся, / Не успокоятся моря, / Пока домой душой и телом / Не воротятся сыновья <...>» / «Прощай, родная наша мать, / Амбар и хлев наш, и загон. / Прощайте, девушки-служанки, / Храните матушкин огонь!» .

Приложение 2. Джон Китс, «Утёс Альса», «Приморский исполин, услышь меня! / Откликнись пенным рокотом, громада! / Давно ли ты кроешь плечи в водопады, / Чело от солнца тучей заслоня? <...>» «Подводный сон подоблачным сменя, / Давно ль ты кроешь плечи в водопады? / Давно ль из лавы поднялся когда-то / И потянулся, мощный, к солнцу дня? <...>/ Две спящих вечности в тебе живёт: / Подножие китов – и вышина / Орлиная. Ты в корчах встал со дна. / Теперь – ничто тебя не сотрясёт».

Приложение 3. Джон Китс, «Лазурь». «<...> Лазурь! Дух влаги! Зашумит царь-море, / Восстать велит ручьёв и рек дружине, / Взъярится! – но лазурь не переспоря, Как ни мрачнеет, остаётся сине <...>».

Список литературы

1. Адрианова-Перетц, В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси [Текст] / В. П. Адрианова-Перетц. – М.-Л. : Наука, 1947. – 188 с.
2. Азадовский, М. К. Источники сказок Пушкина [Текст] / М. К. Азадовский // Временник Пушкинск. комиссии. – Вып. 1. – М.-Л., 1936.
3. Английская и шотландская народная баллада : Сборник. [Текст] / Сост. Л. М. Аринштейн. – М. : Радуга, 1988. – 512 с.
4. Андерс, А. Дистанция времени и перевод / Некоторые мысли и наблюдения [Текст] / А. Андерс // Мастерство перевода. – Вып. 5. – М. : Сов. писатель, 1965. – С. 122-124.

5. Библейская энциклопедия [Текст]. В 2-х кн. Кн. 1. А-М. – М. : Изд-во СПМСИ и др., 1990. – 494 с. [Далее сокр. БЭ]
6. Бонди, С. Сказки Пушкина [Текст] / С. Бонди // А.С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти тт. Т.3. М., 1960.
7. Буслаев, Ф. И. Сочинения [Текст] / Ф. И. Буслаев. – Т.2. – СПб., 1910. – 459 с.
8. Волков, Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки) [Текст] / Р. М. Волков // Ученые записки ЧТУ. – 1960. – Т. XLIV. Вып. 13. – 239 с.
9. Каждан, А. П. Византийская культура (X-XII вв.) [Текст] / А. П. Каждан. – М. : Наука, 1968. – 233 с.
10. Корабль [Текст] // БЭ, Кн. I. – С. 406-407.
11. Летучий голландец [Вагнер]. История создания. Сюжет [Текст] // 100 опер. Л.: Музыка, 1964. – 634 с.
12. Миллер, Т.А. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста. (Опыт сопоставительного анализа) [Текст] / Т. А. Миллер // Античность и современность. – М. : Наука, 1972. – С. 364-366.
13. Море [Текст] // БЭ, Кн. I. – С. 485-86.
14. Новикова, М. А. «Владычица морская» А.С. Пушкина: векторы интертекстуальности [Текст] / М. А. Новикова // Світова література на перехресті культур та цивілізацій, 2012. – С. 188-195.
15. Новикова, М.А. Проблемы индивидуального стиля в теории художественного перевода [Текст] : дис. ... докт. филол. наук 10.02.20 / М. А. Новикова. – Ленинград, 1980.
16. Новикова, М. А. Пушкинский космос. Языческая и христианская традиция в творчестве Пушкина [Текст] / М. А. Новикова. – М : Наследие, 1995. – 354 с.
17. Новикова, М.А., Шама, И.Н. Символика в художественном тексте: Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и их английских переводов) [Текст] / М.А. Новикова, И.Н. Шама. – Изд. 2-е, испр. – Запорожье : ООО «Акцент», 2013. – 172 с.

18. Реальный словарь классических древностей Любкеру [Текст] / Под ред. <...> Ф. Гельбеке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского, В. Карского, М. Каторги, П. Никитина. – М., 1885. – 1552 стлб.
19. Словарь иностранных слов [Текст] / Под ред. И.В. Лёхина и проф. Ф.Н. Петрова / Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Госиздат иностр. и нац. словарей, 1949.
20. Сумцов, Н. Ф. А.С. Пушкин. Исследования о поэзии А.С. Пушкина [Текст] / Н. Ф. Сумцов // Сб. в память А.С. Пушкина. – Харьков, 1890.
21. Топоров, В. Н. Океан мировой [Текст] / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Т.2. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 249-50.
22. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964-1973. – Т. 1-4. – Т.1. – 562 с.; Т.2. – 671 с.; Т. 3. – 827 с.; Т.4. – 855 с.
23. Хлебникова, И. Б. Введение в германскую филологию и историю английского языка [Текст] / И. Б. Хлебникова. – М.: Высшая школа, 1996. – 156 с.
24. Цвет, Л. Я. Основы истории германских языков [Текст] / Л. Я. Цвет. – Тюмень: «Скорпион», 1998. – 128 с.
25. Haswell-Smith, Hamish The Scottish Isles. A comprehensive guide to every Scottish Island [Text] / H. Haswell-Smith. – Edinburgh; New York; Melbourne : Canon Gate, 2004. – 518 p.
26. Luca, de V.A. The Nineteenth Century [Text] / V. A. Luca // Poetry in English. An Anthology. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – P. 447-756.
27. Puhvel J. The Baltic Pantheon [Text] / J/ Puhvel // Baltic Literature and Linguistic. – Columbus, 1973.
28. Poetry in English. An Anthology [Text]. – N.-Y., Oxford : OUR, 1987. – 1196 pp.
29. Rowland, Beryl. The Middle Ages [Text] / B. Rowland // Poetry in English. An Anthology. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – P. 2-16.
30. Stone, Brian. Poems of Nativity [Text] / B. Stone // Medieval English Verse. –Penguin Books Ltd., 1977.
31. The Penguin book of Scottish Verse [Text] / Introduced and edited by Tom Scott. – Penguin Books Ltd., Middlesex, 1976. – 519 p.

32. Webster's New World Dictionary [Text]. – 11th ed. Cleveland and New York : the World Publishing Company, 1965. – 1724 pp.

References

1. Adrianova-Perets V. P. *Ocherki Poeticheskogo Stilya Drevnei Rusi* [Outlines of Poetical Style Of the Old Rus']. M.-L. : Nauka Publ., 1947. 188 p.
2. Azadovskii M. K. *Istochniki Skazok Pushkina* [Sources of Pushkin's Fairy-Tales]. *Vremennik Pushkinskoi. komissii*. No 1. M.-L. Publ., 1936.
3. *Angliiskaya i Shotlandskaya Narodnaya Ballada: Sbornik*. [English and Scottish Folk Ballade]. M.: Raduga Publ., 1988. 512 p.
4. Anders A. *Distantiya Vremeni i Perevod. Nekotorye Mysli i Nablyudeniya* [Distance of Time and Translation. Some Thoughts and Observations]. *Masterstvo Perevoda*. No 5. M.: Sovetskii Pisatel' Publ., 1965. Pp. 122-124.
5. *Bibleiskaya Entsiklopediya* [Bible's Encyclopedia]. In 2 vol. Vol. 1. M.: Izdatelstvo SPMSI Publ., 1990. 494 p.
6. Bondi S. *Skazki Pushkina* [Pushkin's Fairy-Tales]. Pushkin. Collected Works. T.3. M., 1960.
7. Buslaev F. I. *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. S-Pb., 1910. 459 p.
8. Volkov R. M. *Narodnye Istoki Tvorchestva A. S. Pushkina (Ballady i Skazki)* [Folk Sources of Pushkin's Works (Ballades and Fairy-Tales)]. *Uchenye zapiski ChTU*. 1960. Vol. XLIV. No 13. 239 p.
9. Kazhdan A. P. *Vizantiiskaya Kul'tura (10th – 12th Vekov)* [Byzantine's Culture (10th – 12th centuries)]. M.: Nauka Publ., 1968. 233 p.
10. *Korabl'* [Ships]. BE, Kn. I. Pp. 406-407.
11. *Letuchii Gollandets [Vagner]. Istoriya Sozdaniya. Syuzhet* [Flying Dutchman [Vagner]. History of Creation. Plot]. *100 oper*. L.: Muzyka Publ., 1964. 634 p.
12. Miller T.A. *Obrazy Morya v Pis'makh Kappadokiitsev i Ioanna Zlatousta. (Opyt Sopostavitel'nogo Analiza)* [Image of the Sea in the Cappadocians' Letters and Ivan Chrysostom's Letters. (The Experience of Contrastive Analysis)]. *Antichnost' i sovremennost'*. M.: Nauka Publ., 1972. Pp. 364-366.

13. *More* [Sea] // ВЕ, Book 1. Pp. 485-86.
14. Novikova M. A. «*Vladychitsa Morskaya*» A. S. Pushkina: *Vektory Intertekstual'nosti* [A. S. Pushkin's *The Mistress of the Sea*: Vectors of Intertextuality]. *Svitova Literatura na Perekhresti Kul'tur ta Tsivilizatsii*, 2012. PpS. 188-195.
15. Novikova M. A. *Problemy Individual'nogo Stilya v Teorii Khudozhestvennogo Perevoda* [Problems of Individual Style in the Theory of Literary Translation. Thesis]. Leningrad, 1980.
16. Novikova M. A. *Pushkinskii Kosmos. Yazycheskaya i Khristianskaya Traditsiya v Tvorchestve Pushkina* [Pushkin's Space. Pagan and Christian Traditions in the Creative Works of Pushkin]. – M.: Nasledie Publ., 1995. 354 p.
17. Novikova M. A., Shama, I. N. *Simvolika v Khudozhestvennom Tekste: Simvolika Prostranstva (na Materiale «Veчерov na Khutore bliz Dikan'ki» N. V. Gogolya i ikh Angliiskikh Perevodov)* [Symbolism in Literary Text: Symbolism of Space (on the Material of *Veчерa na Khutore bliz' Dikan'ky*)]. Zaporozh'e : Aktsent Publ., 2013. 172 p.
18. *Real'nyi Slovar' Klassicheskikh Drevnostei Lyubkeru* [Lubker's Real Dictionary of Classical Antiquities]. M., 1885. 1552 stlb.
19. *Slovar' Inostrannykh Sloz* [Dictionary of Foreign Words]. M.: Gosizdat Inostrannykh i natsionalnykh Slozarei, 1949.
20. Sumtsov N. F. *A. S. Pushkin. Issledovaniya o Poezii A. S. Pushkina* [Pushkin. Investigations of A. S. Pushkin's Poetry]. Khar'kov, 1890.
21. Toporov V. N. *Okean Mirovoi* [World Ocean]. *Mify Narodov Mira*. Vol. 2. M.: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1991. Pp. 249-50.
22. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language]. – M.: Progress Publ., 1964-1973. – T. 1-4. – T.1. – 562 s.; T.2. – 671 s.; T. 3. – 827 s.; T.4. – 855 p.
23. Khlebnikova I. B. *Vvedenie v Germanskuyu Filologiyu i Istoriyu Angliiskogo Yazyka* [Intorduction to the German Philology and History of English Language]. M.: Vysshaya Shkola Publ., 1996. 156 p.

24. Tsvet L. Ya. *Osnovy Istorii Germanskikh Yazykov* [The Basics of History of German Languages]. Tyumen': Skorpion Publ., 1998. 128 p.
25. Haswell-Smith, Hamish *The Scottish Isles. A comprehensive guide to every Scottish Island* [Text] / H. Haswell-Smith. – Edinburgh; New York; Melbourne: Canon Gate, 2004. – 518 p.
26. Luca, de V.A. *The Nineteenth Century* [Text] / V. A. Luca // *Poetry in English. An Anthology*. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – P. 447-756.
27. Puhvel J. *The Baltic Pantheon* [Text] / J/ Puhvel // *Baltic Literature and Linguistic*. – Columbus, 1973.
28. *Poetry in English. An Anthology* [Text]. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – 1196 pp.
29. Rowland, Beryl. *The Middle Ages* [Text] / B. Rowland // *Poetry in English. An Anthology*. – N.-Y., Oxford: OUR, 1987. – P. 2-16.
30. Stone, Brian. *Poems of Nativity* [Text] / B. Stone // *Medieval English Verse*. –Penguin Books Ltd., 1977.
31. *The Penguin book of Scottish Verse* [Text] / Introduced and edited by Tom Scott. – Penguin Books Ltd., Middlesex, 1976. – 519 p.
2. *Webster's New World Dictionary* [Text]. – 11th ed. Cleveland and New York: the World Publishing Company, 1965. – 1724 pp.

MARINE MOTIVES IN EUROPEAN TEXTS AND HYPERTEXTS (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Novikova M. A.

The paper deals with the marine motives in the texts/megatexts of different types, from sacramental (antique works, myths, the Bible) to literary/publicistic works of the New Age (travelogue, essay, humoristic sketch, elegy, ballad etc.). Diverse analytical strategies are exposed. Both integral and ethno/chronospecific elements have been demonstrated. Future investigation perspectives are outlined. It is revealed that geographical position of the UK determines dominant place of marine motives in British texts. The analysis of poetical works proves the contrary of the statement: marine motives are found, but they are not dominant. This fact can be explained by the specification of sailings: they were coastwise. And big seas associated with the symbolism of unknown, unexplored, not human being, strange, Chaos. The most popular marine motives were among poets of the 19th century (*The Tale of Old Mariner* by S. Coleridge, *Child Harold's Pilgrimage* by G. G. Byron, *The Triumph of Time* by A. Ch. A. Swinburne.). The analysis of poetical works confirmed multiple meaning and versatility of marine motives. It is revealed that marine actuals can transform to symbols, mythologems and mythems.

Keywords: Marine motives, texts and megatexts, literature, publicism, concepts, text genres, analytical strategies, universal and ethno/chronospecific elements.

УДК 82.09

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СФЕРА ПЕЙЗАЖНОГО ДИСКУРСА

В ЛИРИКЕ И. АННЕНСКОГО

Остапенко И. В.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: i_ostapenko@mail.ru**

В статье исследована пространственная сфера пейзажного дискурса как экспликации картины мира автора в лирике И. Анненского и выявлены функциональные особенности природных пространственных номинаций. Природные образы у И. Анненского традиционно выполняют роль пространственных маркеров или входят в состав художественных образов на уровне микропоэтики. Но чаще всего в лирике И. Анненского пространственная номинация выходит за пределы топосного маркера и переходит на субъектный план текста. Природная пространственная номинация выступает в роли «другого», необходимого авторскому сознанию для выстраивания субъектной сферы текста с целью уравнивания, гармонизации перволичного субъекта. Авторское сознание исходит из изначальной гармонии природного мира, его же лирический субъект формируется через драматический модус. Для завершения такого лирического субъекта автору необходима природа в ее гармоничном состоянии, которое понимается, но зачастую не принимается им в результате экзистенциального выбора. **Ключевые слова:** лирика, лирический субъект, пейзажный дискурс, картина мира автора, пространственная сфера картины мира автора, природные пространственные номинации, авторское сознание, драматический модус, художественное завершение.

Пространственно-временная сфера картины мира автора в лирике очерчивает топосные и хроносные координаты лирического субъекта, которые фиксируют не только его месторасположение и динамику передвижения в горизонтальной и вертикальной проекции, но и эксплицируют онтологические и аксиологические приоритеты авторского сознания, презентованные в тексте через автора-творца [8]. Кроме того, пространственные и временные номинации входят в состав художественных языков, формирующих образную сферу картины мира автора. Акцентуация семантического потенциала пространственных и временных номинаций позволяет им выполнять также и сюжетообразующую функцию.

В данной работе сосредоточим внимание на выявлении функций природных пространственных номинаций в художественном мире И. Анненского. Маркеры природных реалий в лирике формируют пейзажный дискурс, который демонстрирует взаимобратную событийную связь лирического субъекта и естественно-природного

пласта художественного мира. Пейзажный дискурс, таким образом, эксплицирует в лирике картину мира автора [9].

Природные образы, традиционно именуемые пейзажем, являются конститутивным признаком мировой классической поэзии, в том числе, и русской, природное пространство экстраполируется в различных своих трансформациях на виртуальное пространство лирики. Поэзия И. Анненского с этой точки зрения вполне вписывается в парадигму русской лирики. Обратим внимание хотя бы на названия его произведений, где номинации природных реалий формируют заголовочный комплекс: «Облака», «Хризантема», «Снег», «Сиреневая мгла», «Дождик», «Аметисты», «Одуванчики», «Закатный звон в поле»; «В марте», «Май», «Вербная Неделя» и др.

Специфика же поэзии И. Анненского состоит в том, что автор оказался причастным двум существенно различающимся культурным пластам – завершающемуся классическому периоду эпохи модальности конца XIX века и художественной системе неклассического периода, формирование которой приходится на начало XX века. В классической русской поэзии XIX века природные образы традиционно вводятся в текст через прием параллелизма, разработанный поэтикой романтизма. Поэтика неклассического периода находит свое осмысление в трудах А.Н. Веселовского, который трактует параллелизм как первый художественный язык, сформировавшийся еще в архаическую синкретическую эпоху. Архаический параллелизм стал источником понятийного языка тропов в эйдетическую эпоху, а в эпоху модальности на его основе формируется мифопоэтический художественный язык.

Традиционная русская поэзия строилась по модели архаического параллелизма, и в этом смысле наиболее презентативной является лирика Ф. Тютчева, с которой у И. Анненского имеется много сходства, но не менее и различий [13]. Стихотворения Ф. Тютчева, как правило, имеют двухчастную композицию, где первая представляет картины природной жизни, вторая же по принципу тождества изображает жизнь человека. Следуя романтической традиции, поэт в природной жизни подчеркивает ее

гармоничность, в человеческой же, напротив, дисгармонию, противоречивость, хаотичность.

И. Анненскому такое противопоставление практически не присуще, поскольку он сосредоточен не на поиске гармонии, а на констатации бытийной проблемности человека. Поэт фокусирует свое внимание на эксцессных состояниях человек, но у него и природа не наделена изначальной пропорцией и гармонией; ни в человеке, ни в природе равновесия и покоя автор не обнаруживает. И в этом смысле также можно говорить о психологическом параллелизме, но уже не в романтической, а в модернистской интерпретации.

Бытие человека И. Анненский рассматривает как противоречивое, антиномичное, «я-в-мире» реализовано у него через драматический модус. Такой же выглядит и природа. В соответствии с представлением о мире в эпоху модальности как о «жизни других», природа выступает в роли «другого», необходимого первоначальному лирическому субъекту для диалога, коммуникации с миром. И тут оказывается, что природа, независимо от человека, также отягощена бытийными проблемами. Обратим внимание на способ введения пространственных природных номинаций в художественное пространство текста:

В марте
Позабудь соловья на душистых цветах,
Только утро любви не забудь!
Да ожившей земли в неживших листьях
Ярко-черную грудь!

Меж лохмотьев рубашки своей снеговой
Только раз и желала она, -
Только раз напоил ее март огневой,
Да пьянее вина!

Только раз оторвать от разбухшей земли
Не могли мы завистливых глаз,
Только раз мы холодные руки сплели
И, дрожа, поскорее из сада ушли...
Только раз... в этот раз... [2, с.88].

Пространственные номинации «соловей», «цветы», «земля», «листья», «сад» выполняют как роль пространственных маркеров, так и субъектную функцию. «Соловей» среди «душистых цветов» «сада» – представляется романтическим клише, топосом романтической поэтики, доставшимся ей из традиции пасторальной, а также сентименталистской поэзии, где встречи «влюбленных» происходили под пенье соловья в цветущем саду, поэтому его субъектная функция редуцируется. Лирический субъект в данном тексте представлен в величнейшей форме, образующей множественное «мы» с лирическим «ты», имплицитно присутствующим в тексте через обращение в форме глагола во 2-ом лице. Природные номинации «сад», «соловей», «цветы» формируют пространственное поле лирического субъекта, маркируют пространственные координаты лирического «мы», а через топосные характеристики (как готового поэтического образа) очерчивается лирическая ситуация – встреча влюбленных.

Обратим внимание, что встреча влюбленных в саду происходит в «марте» (временной природный маркер), что указывает на начало нового природного цикла – «весны», которая через символическую семантику возрождения жизни также коррелирует с любовью. Еще один пространственный образ – «земля» – дан в более сложном художественном воплощении. Природный образ многопланово антропоморфизуется, что достигается автором через прием олицетворения, подключается телесный код. Пространственная номинация здесь выходит за пределы отведенной ей функции маркирования места лирического субъекта во внешнем мире и приобретает субъектную семантику. Она становится тем «другим», жизнь которого протекает «параллельно» жизни лирического субъекта. В ней лирический субъект обнаруживает то, что пытается не акцентировать, или даже скрыть, в своей собственной. Он видит «ожившую землю», которая наполняется женской семантикой – «яро-черная грудь», «лохмотья рубашки». «Снег» и «листья» (листья) – также пространственные природные номинации, являются здесь пространственными маркерами «другого» – «земли», формируют ее внешний облик, становятся атрибутами ее костюма – «снеговая рубашка», «неожившие листья».

С. Пирошенко, исследую экзистенциальную проблематику лирики И. Анненского, видит в этом образе «страдающую» «природу», тяготящуюся «собственным бесцельным существованием» [10, с. 79]. Полагаем, что такая трактовка не соответствует художественному смыслу образа. Лирический субъект в паре со своей имплицитной «ты» стали свидетелями естественного природного союза – оплодотворения женского земного лона. «Март» как первый весенний месяц (природное календарное время, период «оживания» природы после зимы) благодаря своему грамматическому мужскому роду, а также через пространственный образ – номинацию стихии «огня» («март огневой») выполняет также субъектную функцию и эксплицирует мужское начало в процессе зарождения новой жизни. «Вино» здесь актуализирует свою мифологическую сакральную семантику напитка, способствующего переходу в иное состояние. В жизни природы акцентируется не состояние покоя, а стихийность, дающая начало новой жизни. И. Анненский актуализирует дионисийское начало, присущее как раз природной естественной жизни.

В процессе формирования образа принимают участие колористические эпитеты. «Черная» «грудь» земли еще прикрита «неожившими листьями», но она уже «яркая» – «пьянее вина» «напоил» ее «март огневой» – и, подчеркнем, «только раз». В природной жизни соединение двух животворящих начал не предполагает повторений в пределах одного цикла. Их единственная встреча становится началом новой жизни. «Мартовского огня» было достаточно для того, чтобы «земля» «разбухла». Лирические «я» и «ты», хоть и эксплицированы единым «мы», но их «руки» «холодны», «сад» – традиционное место встречи влюбленных, их не согрел – «дрожа, поскорее из сада ушли». Лирическому субъекту, рефлексиирующему над собственными чувствами, тесно в заданных культурологических координатах «любви». Заимствованные из романтической поэтики природные номинации в функции пространственных маркеров не удовлетворяют когниции лирического субъекта. Лирический сюжет требует введение «других», через которых лирический субъект выскажет свою боль –

«Позабудь соловья на душистых цветах,

Только утро любви не забудь!» [4, с.88].

«Земля» и «март» в субъектной функции становятся «другими», для которых возможен естественный природный союз мужского и женского начала. Прием параллелизма позволяет экстраполировать ситуацию природного мира на мир человека. Через анафору и прием градации автор «единственность» действия растягивает во времени, продлевает, перенося опыт природного мира на отношения лирических «я» и «ты». Тривжды (сакральная символика) повторяющееся «только раз» относительно «земли» и «марта», в финале текста усиленное многоточием, подкрепляют мифологическую семантику любви как продолжения жизни. Последняя фраза – «в этот раз» – переводит мифическую ситуацию в мифопоэтическую. «Другие» – выраженные через природные номинации – «земля» и «март» стали масками для имплицитных «я» и «ты», спрятанных под покровом «мы».

Для полного осмысления стратегии авторского сознания по формированию художественного образа данного текста необходимо обратить внимание и на временные природные маркеры. Как уже отмечалось, любовное чувство реализовано здесь через драматический модус, поскольку состояние счастья кратковременно, одномоментно и неповторимо – «только раз... в этот раз...». Природные временные координаты лирического события в тексте – «утро» и «март». Обе номинации наполнены семантикой начала – годового и суточного цикла, – связаны с традиционными мотивами надежды, молодости, любви. В тексте четко прослеживается параллелизм природного и человеческого миров. «Ожившая земля» весной готова к продлению жизни. Отметим, что на уровне художественного мира «земля» и «март» выступают в субъектной роли, притом, что в заглавии текста «март» дан как временной маркер лирического события. То есть, как и в случае пространственных номинаций, наблюдается эволюция функционального плана текста. «Утро любви» лирических «я» и «ты» изображено через события природного мира, где авторское сознание позволяет экспликацию интимных подробностей любовной встречи. Здесь и страстность чувств – «огневой март», напоивший «землю» «пьянее вина», и «ярко-черная грудь» земли, раскрывшаяся меж «лохмотьев

рубашки» «снеговой», и эпитет «разбухшая», отяжелевшая, принявшая в себя «огонь» любви, уже готовая к рождению новой жизни. Лирическим субъектам человеческого плана такая свобода в любви – недоступна, но крайне желанна, поэтому счастье, полнота любовной реализации, возможная в природном мире, вызывает чувство зависти лирических субъектов – «оторвать от разбухшей земли / Не могли мы завистливых глаз». Мир природы живет по своим законам гармонии, цикличности, все процессы в нем естественны и последовательны, и человек страстно желает таких отношений, но в «саду» – уже не вполне природном пространстве – даже «утро» и «весна» не обеспечивают полноценного счастья. Некая ограниченность, исходящая из мира не природы, а культуры, в широком смысле, накладывает на лирического субъекта определенные запреты, порождающие чувство страха от их нарушения.

Возможно, чтобы оправдать неполноту реализации лирического субъекта, авторское сознание вносит в мифологические представления о мире природы некие коррективы, изображает ход природной циклической жизни как разовое, одномоментное событие. Понятно, что такая трактовка характерна лишь для одного из аспектов авторского сознания в тексте – лирическому субъекту. Понимая, что природавольна в своих проявлениях, любые процессы в ней содержат интенцию жизни, автор уводит своего лирического субъекта с его возлюбленной из «сада». Их чувства не способны исполниться природного «огня» любви – они «сплели» «холодные руки», уходят из «сада» «дрожа». С одной стороны, это аллюзия на реальную погоду в марте, что делает лирический сюжет соотносимым с эмпирическим опытом автора, с другой – лирический субъект находится в очень сильном напряжении, сдерживая свои чувства, не позволяя им полностью реализоваться. Возможен и такой вариант трактовки – чувство любви человеческой не достигает «огненного» состояния природы. Однако, следует помнить, что интенции авторского сознания нацелены на завершение лирического субъекта человеческого плана. Полагаем, здесь можно увидеть еще одну возможность интерпретации. Авторское сознание формирует лирическое событие, где лирический герой не получает полноценной реализации, для чего ремифологизирует брачный

союз «земли» и «духа», представленный здесь «огневым мартом», трактуя его как одноразовый, неповторимый момент – «Только раз и желала она, – / Только раз напоил ее март огневой, / Да пьянее вина!» [4, с.58]. Разовость и неповторимость становятся лейтмотивом текста, который экстраполируется на действия лирического субъекта. И когда в мире лирических «я» и «ты» совершаются действия, они тоже имеют однократный характер – «только раз». Но последняя фраза – «в этот раз...», обрамленная многоточиями, позволяет предположить, что и в человеческом мире реализация любви состоялась. И хоть она и не может иметь продолжения, но именно благодаря ей жизнь наполняется смыслом, живет в памяти и делает существование «я-в-мире» полноценным. Так закон цикличности природной жизни через временные периоды «утра» и «марта» позволяет раскрыть глубинные, скрытые от внешнего мира состояния лирического субъекта, дают ему возможность самореализации.

Учитывая биографические факты эмпирического поэта, становится понятна и лирическая ситуация – отмежевания от романтических представлений о любви, стихийность чувства и невозможность его осуществления в реальной жизненной ситуации. Таким образом, природные номинации здесь выполняют и субъектную функцию, и функцию пространственных маркеров лирического субъекта, а жизнь природы напрямую соотносима с человеческим планом бытия.

Характерно, что И. Анненский, анализируя природный мир в лирике М. Лермонтова, обращает внимание на несущественный для романтического поэта «природный мотив», но ставший весьма существенным для самого автора: «Лермонтовская природа самостоятельна; <...> Природа у него живет своей особой жизнью...» [1, с.248]. При этом он акцентирует и романтическое видение природы М. Лермонтовым – ей характерны «свобода и забвение». Для самого же И. Анненского природа соположна человеку в том смысле, что и над ней, и над социумом как местопребыванием человека властвуют не только жизнеутверждающие силы, но и ощущение конечности материального бытия, что реализовано у поэта в мотивах тления и смерти, тоски и неизбежности. Эти мотивы обнаруживаются во множестве текстов, приведем в пример «Тоску отшумевшей грозы»:

Сердце ль не томилося
Желанием грозы,
Сквозь вспышки бело-алые?
А теперь влюбилося
В бездонность бирюзы,
В ее глаза усталые.

Все, что есть лазурного,
Излилося в лучах
На зыби златошвейные,
Все, что там безбурного
И с ласкою в очах, -
В сады зеленовейные.

В стекла бирюзовые
Одна глядит гроза
Из чуждой ей обители...
Больше не суровые,
Печальные глаза,
Любили ль вы, простите ли? [2, с.71].

Очевидно, что кроме традиционного параллелизма природного мира и человеческого бытия натурфилософия И. Анненского строится на субъектности природы, ее автономности по отношению к человеку. Притом в одном тексте природные номинации с пространственной семантикой могут выступать как в субъектной роли – прямая номинация «гроза», или парафрастический образ неба – «бездонность бирюзы», так и в роли пространственных координат лирического субъекта – «зыби златошвейные», «сады зеленовейные». Обратим внимание на то, что здесь лирический субъект представлен метонимически – «сердце», и «другой» – «бирюза» – также ниже дан через метонимию – «ее глаза усталые». Более того, имплицитное небо далее по тексту утрачивает субъектность и становится пространственным маркером.

Таким образом, в лирике И. Анненского наблюдается новое для русской поэзии явление, когда природа не просто антропоморфизируется через прием олицетворения, что было присуще философской лирике, поэтам «чистого искусства», не только представлена через прием параллелизма, как это было характерно для

романтиков, но наделяется самостоятельной ролью. Природа в натурфилософии И. Анненского получает статус автономного субъекта, выраженного в тексте субъектной формой «другого» через пространственные природные номинации. Подтверждение этой мысли обнаруживаем и в иных текстах.

Так в стихотворении «Декорация» [3, с. 39], «луна» обретает субъектные признаки – она «желта и больна», притом, природный образ дан то ли в онирическом пространстве, то ли действительно является «театральной» декорацией, как и «бумажные клены», то ли формирует так называемый «пейзаж души» – перволичного субъекта или «другого» – «Это маска твоя или ты?». Но нас интересует сам природный образ, выраженный пространственной номинацией, который через олицетворение, придание природной реалии человеческих качеств, субъективируется.

Подобную ситуацию наблюдаем во «Втором мучительном сонете» [3, с. 136], снежная буря через парафрастические образы, построенные на олицетворении, субъективируется – «Вихри мутного ненастья / Тайну белую хранят...». Лирический субъект вступает с ней в прямую коммуникацию через обращение – «ты», «седая мгла». «Другой», представленный природной номинацией, в свою очередь обретает свои собственные пространственные параметры, которые формируют также пейзажные образы – «снега скрип», «сирени». Притом, в лирическом пространстве сводятся реалии, несводимые в реальной природе. Кроме того, природная номинация формирует тропеический язык – «колокольчики запястий».

В стихотворении «Листы» [3, с. 21] авторское сознание формирует «другого» для реализации коммуникативной природы перволичного субъекта, используя природные образы, формируя их через привлечение мифопоэтического языка. Закат дан через парафразу, построенную на синкретическом параллелизме – «На белом фоне все тусклей // Златится горняя лампада» [3, с. 21], и в парадигме картины мира презентует пространственные координаты лирического субъекта. Но далее пространственная реальность приобретает субъектные черты – «листопад» представляется «дрожащим» в топосе «доцветающих аллей», а «листы», как субъектная форма «другого», совсем очеловечиваются – «кружатся нежные», притом

через параллелизм выражают бытийную проблему «тоскующего» лирического перволичного субъекта – «И не хотят коснуться праха...» [3, с. 21].

Интересная ситуация вырисовывается в стихотворении «Май» [3, с. 22], где пространственные реалии вводятся изначально как топосные координаты, в которые помещен лирический перволичный субъект, представленный внеличной формой и коллективным «мы», и «я-другой» – «ты», – «небо», «запад», «мир». Но каждый из этих пространственных маркеров наполняется человеческими характеристиками – «нежно небо зацвело», «Над миром, что, златим огнем, / Сейчас умрет, не понимая» [3, с. 22]. В свою очередь, пространственные реалии в тексте в субъектной функции даны не в прямой номинации, а через перифразу – «безвозвратно синева, / Его златившая, поблекла...» [3, с. 22].

По такой же модели формируется пространственная сфера картины мира автора в стихотворении «Хризантема» [3, с. 25]. «Облака», «туман», солнце, данное через перифразу «Пламя пурпурного диска / Без лучей и без теней» [3, с. 25], закат, также введенный парафрастически, построенный на развернутом параллелизме, трансформированном в тропический язык, – «Тихо траурные кони / Подвигают яркий гнет, / Что-то чуткое в короне / То померкнет, то блеснет...» [3, с. 25], «ракиты», «песок», «хризантема» – все они презентуют пространственные координаты лирического «я». Но вдруг последняя номинация «хризантема» олицетворяется, наделяется чувственным планом – «нежная», а далее обретающая человеческий облик – «два ее свитые / Лепестка на сходнях дроз – Это кольца золотые / Ею сброшенных серег» [3, с. 25]. «Хризантема» представляется «другим», в судьбе которого перволичный лирический субъект прозревает свою собственную. Умирание природы экстраполируется на судьбу человека, включенного в общий круговорот бытия.

Созвучна этой лирической ситуации и картина «умирания» природы в стихотворении «Сентябрь» [3, с. 26]. Пространственные образы одновременно очерчивают координаты лирического «я» – «сады», «солнце», «плоды», опавшие листья (парафраза «желтый шелк ковров»), «парки», «пруды», «лотос» – не просто олицетворяются, уподобляются человеку, а представлены в своем самостоятельном,

самоценном и самоцельном существовании. Лирический субъект, с одной стороны, понимает ход природной естественной жизни с ее рождением, умиранием и возрождением, но, с другой, – субъективно воспринимает «умирание» с чувством тоски, горечи, боли, «страдания». Объективные законы физической жизни в субъективном восприятии лирического субъекта отражены трагично, он не в состоянии принять такую гармонию бытия. Во всех проявлениях естественной жизни он видит признаки «тления», «умирания», «конечности» бытия, и даже способность в метафизической рефлексии его не спасает.

Природные объекты в лирическом мире наделяются человеческими качествами, выполняют функцию «другого», судьбу которого экстраполирует на свою лирический субъект. Попутно отметим, что лирический сюжет организует временная номинация «осень», именно это время года в природе ведет к окончанию жизненного цикла. «Раззолоченные» «сады» предстают у И. Анненского «чахлыми», «соблазн пурпура» скрывает «медленные недуги»; «солнце», источающее «поздний пыл», уже «невластно» зародить «душистые плоды»; «черные парки» и «бездонные пруды», где эпитеты подчеркивают их эсхатологический смысл, обречены на «страданье», притом «спелое», что, собственно, эксплицирует адекватное восприятие авторским сознанием цикличности бытия. Но лирический субъект не готов к принятию метафизики жизни. «Лотос» как мировой мифологический символ единства всех проявлений жизни, единения всех стихий и экспликации животворящей энергии вводится авторским сознанием для гармонизации внутреннего мира лирического субъекта, которому трудно принять конечность человеческого бытия. Как видим, природные образы в этом тексте трансформируются из пространственных параметров в субъектные формы, организующие сферу «другого», который необходим авторскому сознанию для уравнивания экзистенции перволичного лирического субъекта.

Примером приятия природного бытия может быть образ «ветра» из одноименного стихотворения [3, с. 27]. Пространственная номинация в силу своей стихийной природы уравнивается с человеческим планом, хотя его бытование и представлено природным миром. Здесь природная номинация в субъектной функции

дана в пространственных же параметрах природного мира и очеловечивается за счет эмоциональной соприродности с перволичным субъектом – «Люблю его, когда, сердит», «Когда грозит он кораблю». Но более того, и номинации пространственных маркеров тоже олицетворяются – «нежное лето». Весь природный мир дан в его самостоятельном бытии, а лирический перволичный субъект гармонично входит в его бытие.

Иную ситуацию наблюдаем во второй части стихотворения «Июль» [3, с. 24], где пространственные номинации введены лишь в образную сферу, в состав сравнения, сформированного на основе природного и человеческого параллелизма –

«И спящих грабаров с землею склотила,
Как ливень черные, осенние стога» [3, с. 24].

С. Пирошенко, исследовавшая лирику И. Анненского на предмет выявления в ней экзистенциальной проблематики, видит в поэтике автора «сцепленность человека с природой» в мотивах «муки, тоски, страдания, бесцельности существования, бредовости и бессмысленности всякого устремления вовне, трансцендирования за пределы эмпирического мира» [10, с. 81]. Соглашаясь с пониманием экзистенциальности как драматического мироощущения в целом, что стало философской основой упомянутого литературоведческого труда, не согласимся с узкой трактовкой миропонимания И. Анненского. Лирический субъект И. Анненского презентует лишь один из аспектов авторского сознания, он имеет различные характеристики, эксплицированные художественным текстом. И трагический модус не всегда является ведущим в формировании целостного лирического субъекта текста. Природа в этом смысле, образ которой зачастую выполняет субъектную роль «другого» в текстах автора, как раз является тем «другим» «я», в бытии которого и обнаруживается целесообразность космического мироустройства, трансцендентность перволичного лирического субъекта, включенного в циклическое бытие.

Утверждение исследовательницы о таком понимании И. Анненским природы, где «я» и «мир» находятся в «тяжелых» отношениях и демонстрируют их «драматически переживаемый разрыв», являются, на наш взгляд, несколько

натянутыми. Соглашаясь с позицией автора исследования, анализировавшего стихотворение «Май» [2, с.59], о «необычности» образа стихотворения, где между человеком и природным миром установлена «граница» в виде оконного «стекла» и принимая замеченный ею «взгляд» не «человека» на «природу», а «того мира» «из полутьмы», который смотрит через «тусклое стекло» на человека, предложим свою интерпретацию. Мир природы живет своей собственной, самостоятельной жизнью – он «златим огнем», наполнен «синевой». А вот восприятие лирического субъекта делает его трагичным – «мир» «сейчас умрет, не понимая». Но авторское сознание не случайно формирует субъектную сферу из субъектных форм перволичного субъекта и «другого» – природы. В природе – «вечные превращения», и это знание открыто авторскому сознанию, которое и вводит «непонимающий мир» в лирическое пространство текста для гармонизации лирического «я». Между ними «стекло», граница, оно «тусклое», но это проблема не мира, а лирического субъекта, который через него видит этот мир искаженным, что никак не влияет на самоценность самого мира. Драматизм здесь обнаруживается в несовпадении внутренних границ «я» и «мира», которые не шире и не уже друг друга, а находятся в разных ценностных измерениях. Лирический субъект находится в эмпирических рамках, природа же живет трансцендентными законами. Такое наше понимание экзистенции И. Анненского подкрепим мнением Л.Я. Гинзбург: «Анненский больше всего Анненский там, где его страдающий человек страдает в прекрасном мире, овладеть которым он не в силах...» [6, с. 317].

И совсем необоснованным видится в связи с этим вывод С. Пирошенко об «осознании» И. Анненским «неизбежной конечности человеческого существования, его невозвратимого увядания и падения» [10, с. 83], сделанный в результате анализа стихотворения «Листы». Действительно, в первом четверостишии изображено пространство природы на завершающем этапе ее жизненного цикла: «На белом небе все тусклей / Златится горная лампада / И в доцветании аллея / Дрожат зигзаги листопада...» [2, с. 58], но далее «листья» наделяются человеческими качествами, проявляют свою модальность – они «не хотят коснуться праха». Природный мир живет по естественным правилам, он не устанавливает закон, он сам является

законом миропорядка. Авторское сознание и не приводит «листья» «к праху», зная эти законы. То есть, природа в авторском сознании не подвергается «смерти», что совершенно логично. А лирический субъект пытается постичь эти космические законы. Именно потому лирическое «я» и «тоскующее», что при понимании «бесконечности» человеческой сущности авторским сознанием – «нет конца и нет начала Тебе», его лирический субъект ставится в ситуацию экзистенциального выбора – принять свою «природность» или противопоставить себя природе, оторванность от которого рождает чувство «страха».

Знаковым в смысле взаимодействия человека и природы в лирике И. Анненского является стихотворение «Гармония». Натурфилософское направление в русской поэзии традиционно утверждало идею гармонии природного мира, а прием параллелизма позволял сопоставлять ее с бытием человека. По мнению С. Пирошенко, у И. Анненского обнаруживается в данном тексте иная интерпретация традиционного лирического сюжета. Рассмотрим этот текст сквозь призму картины мира автора. Обратимся к пространственным номинациям природного мира – «туман», «волны», «брызги», «серебро», «пена», «берег», «небо», «зной», «огонь». Но ведущую сюжетообразующую роль здесь играют временные номинации «утро» и «осень». Показательно, что суточный и календарный циклы представлены своими разными хронологическими периодами – «утро» как начало цикла и «осень» как завершение. Помещение природного пространства в такие разноуровневые временные параметры обуславливает, на наш взгляд, драматический модус лирического субъекта. Разные жизненные интенции, накладываясь друг на друга, не позволяют реализоваться ни одной из них. В природе гармонично сосуществуют все аспекты ее проявления, поскольку последовательно сменяют друг друга, потому «утренний» «туман» не противоречит «знойному» «небу», а «белеющая» на «берегу» «беспокойная» «пена» образовывается из «брызг» «серебра». Природа не умирает потому, что живет цикличной жизнью, притом один цикл органично сплетается с последующим, что и обеспечивает ее бесконечность. Лирический субъект эту природную гармонию признает, даже пытается ею проникнуться, но он принадлежит иному миру – социуму, состоящему из «таких же я», без «счета и названия». Человек

не может одновременно находиться в «тумане» и быть палимым «знанием». Полагаем, что именно невозможность полного слияния с равновесием природного мира и вызывает у лирического субъекта «тоску существования». Из всех выводов предыдущего исследователя согласимся лишь с тем, что гармония природы «разрушается в восприятии лирического субъекта», хотя собственно «разрушения» текст и не демонстрирует, а вот драматизмом наполняет существование лирического субъекта именно его собственная неспособность этой гармонией исполниться.

Таким образом, исследование пространственного среза картины мира автора в лирике И. Анненского позволяет описать функциональный уровень природных пространственных номинаций. Природные образы могут выполнять роль пространственных маркеров или входить в состав художественных образов на уровне микропоэтики. Но чаще всего у И. Анненского пространственная номинация выходит за пределы топосного маркера и переходит на субъектный план текста. Природная пространственная номинация выступает в роли «другого», необходимого авторскому сознанию для выстраивания субъектной сферы текста с целью уравнивания, гармонизации перволичного субъекта. Авторское сознание исходит из изначальной гармонии природного мира, его же лирический субъект формируется через драматический модус. Для завершения такого лирического субъекта автору необходима природа в ее гармоничном состоянии, которое понимается, но зачастую не принимается им в результате экзистенциального выбора.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Книги отражений. – М.: Наука, 1979. – 680 с.
2. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 640 с.
3. Анненский И. Ф. Стихотворения. Трагедии. – М. : «РИПОЛ КЛАССИК», 1998. – 480 с.
4. Бройтман С. Н. Историческая поэтика : Учеб. пособие / С. Н. Бройтман ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 418, [2] с.

5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский ; [Вступ. ст. И. К. Горского, с. 11-31 ; Коммент. В. В. Мочаловой]. – М. : Высш. шк., 1989. – 404,[2] с. : портр. – (КЛН. Классика лит. науки).
6. Гинзбург Л. Я. Вещный мир // Гинзбург Л. Я. О лирике. – М.: Сов. писатель, 1974. – С.311-358.
7. Кихней Л. Г., Ткачева Н. Н. Иннокентий Анненский. Вещество существования и образ переживания. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 123 с.
8. Мирошниченко Н. М. Эволюция авторского сознания в ранней лирике М. Волошина : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Н. М. Мирошниченко. – Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского.– Симферополь, 2014. – 233 с.
9. Остапенко И .В. Пейзажный дискурс как картина мира в русской лирике 1960–1980-х годов. : Дисс. ... докт. филол. н. : 10.01.02. / Остапенко Ирина Владимировна ; Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь, 2013. – 530 с.
10. Пирошенко С.Ю. Поэтика Иннокентия Анненского как выражение экзистенциального мировосприятия: Дисс. ... канд. филол. н. : 10.01.02. / Пирошенко Светлана Юрьевна ; Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь, 2005. – 202 с.
11. Тарасова И. А. Структура семантического поля в поэтическом идиостиле: (На материале поэзии И. Анненского). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1994. – 17 с.
12. Тюпа В. И. Постсимволизм: Теоретические очерки русской поэзии XX века. – Самара: Самарский муниципальный университет Наяновой, НВФ «Сенсоры. Модули. Системы», 1998. – 155 с.
13. Черный К. М. И. Анненский и Ф. Тютчев // Вестник Моск. ун-та. Серия IX. Филология. – 1973. – № 2. – С.10-22.

References

1. Annenskii I. F. *Knigi Otragenii* [Books of Reflections]. M.: Nauka Publ., 1979. 680 p.
2. Annenskii I. F. *Stikhotvoreniya i Tragedii* [Poems and Tragedies]. L.: Sovetskii Pisatel Publ., 1990. 640 p.
3. Annenskii I. F. *Stikhotvoreniya. Tragedii* [Poems. Tragedies]. M.: RIPOL KLASSIK Publ., 1998. 480 p.
4. Broymant S. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. M.: Rossiiskii Gosudarstvennyi Gumanitarnyi Institut Publ., 2001. 418 p.
5. Veselovskii A. N. *Istoricheskaya Poetika* [Historical Poetics]. M.: Vyssh. Shkola Publ., 1989. 404 p.
6. Ginzburg L.Ya. *Veshchnuy Mir* [The Real World]. *O Lirike*. M.: Sovetski Pisatel Publ., 1974. Pp. 311-358.
7. Kikhney L. G., Tkacheva N. N. *Innokentiy Annenskiy. Veshchestvo Sushchestvovaniya i Obraz Perezhivaniya* [Innokenty Annensky. The Substance of Existence and the Image of Experience]. M.: Dialog-MGU Publ., 1999. 123 p.
8. Mirosnichenko N. M. *Evolutsiya Avtorskogo Soznaniya v Ranney Lirike M. Voloshina: Diss. ... Kand. Filol. Nauk* [Evolution of the Author's Consciousness in the Early Lyrics of M. Voloshin]. Simferopol', 2014. 233 p.
9. Ostapenko I. V. *Peyzazhnyy Diskurs kak Kartina Mira v Russkoi Lirike 1960–1980-kh Godov: Diss. ... Dokt. Filol. Nauk* [Landscape Discourse as a Picture of the World in Russian Lyrics of the 1960s-1980s]. Simferopol, 2013. 530 p.
10. Piroshenko S. Yu. *Poetika Innokentiya Annenskogo kak Vyrazhenie Ekzistentsialnogo Mirovospriyatiya: Diss. ... Kand. Filol. Nauk* [The Poetry of Innokenty Annensky as an Expression of Existential Perception of the World]. Simferopol, 2005. 202 p.
11. Tarasova I. A. *Struktura Semanticheskogo Polya v Poeticheskom Idiostile (Na Material Poezii I. Annenskogo): Avto-ref. Diss. ... Kand. Filol. Nauk* [The Structure of Semantic Field in Poetic Idiostile (On the Material I. Annenskii's Poetry)]. Saratov, 1994. 17 p.
12. Tyupa V. I. *Postsimvolizm: Teoreticheskie Ocherki Russkoy Poezii XX Veka* [Post-Symbolism: Theoretical Essays of Russian Poetry of the 20th Century]. Samara, 1998. 155 p.

13. Chernyi K. M. *I. Annenskii i F. Tyutchev* [I. Annenskii and F. Tyutchev]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya IX. Filologiya*. 1973. № 2. Pp.10-22.

THE SPATIAL SCOPE OF THE LANDSCAPE DISCOURSE IN THE LYRIC OF

I. ANNENSKY.

Ostapenko I. V.

The article studies the spatial scope of the landscape discourse as explication of author's picture of the world in the lyric of I. Annensky and the identified functional features of natural spatial categories. Natural images of I. Annensky traditionally serve as spatial markers or are part of the artistic images at the level of micropoetics. But most often in the lyrics by I. Annenskiy spatial nomination crosses the borders of topos marker and moves to the subject text plan. Natural spatial nomination plays the role of the "other" required the author's consciousness for building the subjectivity of the text with the goal of balancing, harmonizing the subject's original individuality. The author's consciousness comes from the original harmony of the natural world, its lyrical subject is formed through the dramatic mode. To complete such a lyrical subject, the author needs nature in its harmonious state, which is understood, but often not accepted by him as a result of existential choice.

Keywords: lyrics, lyric subject, landscape discourse, world view of the author, spatial scope of author's world view, natural spatial category, the author's consciousness, dramatic mode, artistic completion.

УДК 82'0

**ОБРАЗ ПАРИЖА В КРЫМСКОМ ТЕКСТЕ Г. ГАЗДАНОВА (НА
МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ВЕЧЕР У КЛЭР»)**

Судакова К. С.

**ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»,
г. Архангельск, Россия
e-mail: bogotskaya.karinka@yandex.ru**

Благодаря современным литературоведам Гайто Газданов в русской литературе – фигура уже не новая, но, к сожалению, ещё не изученная всесторонне и не известная широким кругам читателей. Данная статья стремится осветить ещё одну проблему стиля и мировоззрения писателя, а также предложить авторское её решение.

В работе рассматривается специфика образа Парижа в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» на основе крымских фрагментов текста произведения. Автором статьи выдвинута гипотеза, согласно которой в определенном фрагменте текста романа происходит наложение парижского локусного текста на крымский локусный текст, в связи с чем предпринимается попытка обосновать их взаимосвязь, для чего изучаются и описываются детали и мотивы каждого, формирующие единый для обоих текстов художественный образ города. Особое внимание среди них уделяется центральному художественному образу Клэр.

В работе поднимаются вопросы, затрагивающие особенности творчества Г. Газданова в конкретном произведении, однако, данный материал может быть интересен не только газдановедам, но и исследователям крымского текста.

Ключевые слова: крымский текст, парижский текст, образ города, Гайто Газданов, русский литературный Париж, мотив пути, мотив воспоминания.

ВВЕДЕНИЕ

Русская трагедия первой половины XX в. породила особое поколение писателей и, следовательно, особый вид литературы, без родины и без времени. Чужая культура, пренебрежительное отношение, нищенское существование, тяжёлый физический труд, отсутствие читателя, материала для творчества и возможности публикации – в такой литературной пустыне формировалось поколение двадцатилетних писателей-младоземigrants, особое место среди которых занимал Г. Газданов.

В силу политических причин длительное время личность и творчество писателя оставались намеренно незамеченными на родине. Современное же отечественное литературоведение проявляет большой интерес к имени Г. Газданова. Опыт исторических и литературоведческих исследований за последние десятилетия показывает, что значительную роль в понимании и оценке мироощущения писателя играет пространство.

Изучению хронотопа в том или ином аспекте посвящены статьи Н. Ю. Желтовой «“Свое” и “чужое” в романе Г. Газданова “Ночные дороги”», Е. В. Кузнецовой «Время и пространство в произведениях Г. Газданова» и «Образ автора, герой-рассказчик и повествователь в романах Гайто Газданова», Ф. Геблера «Время и воспоминания в романе Гайто Газданова "Вечер у Клэр"» и многих других авторов.

Подобно большинству соотечественников Г. Газданов писал о России, однако сумел настолько тонко сочетать образ утраченной родины с образами настоящего, Франции, «что, по признанию самих французов, Газданов открыл им Париж с новой стороны» [2, с. 80–81]. Наиболее яркое воплощение образ Парижа нашел в романе «Вечер у Клэр», кульминационном в раннем творческом периоде писателя.

Раскрытие образа французской столицы реализуется посредством мотива пути, который представлен в двух аспектах, внешнем и внутреннем. Внешний путь рассказчика – это маршрут, пролегающий по пяти четко обозначенным улицам города (улица Raynouard, конюшни Ecole Militaire, улица Babylone, бульвар Raspail, площадь St. Michel), внутренний – психологическое путешествие в прошлое, пять пунктов маршрута которого (эмиграция, Гражданская война, отрочество, смерть отца, антидом) – значимые этапы жизни героя. Оба пути имеют параллельное расположение относительно друг друга. Движение рассказчика по Парижу выстроено в обратном направлении, и каждый пункт-символ пути внутреннего находится в прямом и неразрывном соотношении с пунктом пути внешнего.

Целью данной статьи станет подробный анализ параллелей «улица Raynouard – эмиграция», «конюшни Ecole Militaire – Гражданская война», в которых происходит наслаивание одного локального текста на другой: парижский текст оказывается гармонично вписан в текст крымский.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Для героя романа, Николая Соседова, Франция – это цель, предмет его детских и юношеских мечтаний, воплощенных в образе возлюбленной Клэр, поэтому мотив пути неразрывно связан с ее образом: сначала к ней, в Париж, направляется Николай,

а затем от нее, в потерянную Россию, устремляется цепь его воспоминаний, разворачивающихся в основной корпус книги.

Двое влюбленных живут по разные стороны Сены. Улица **Raynouard**, на которой стоит дом Клэр, расположена на правом берегу реки.

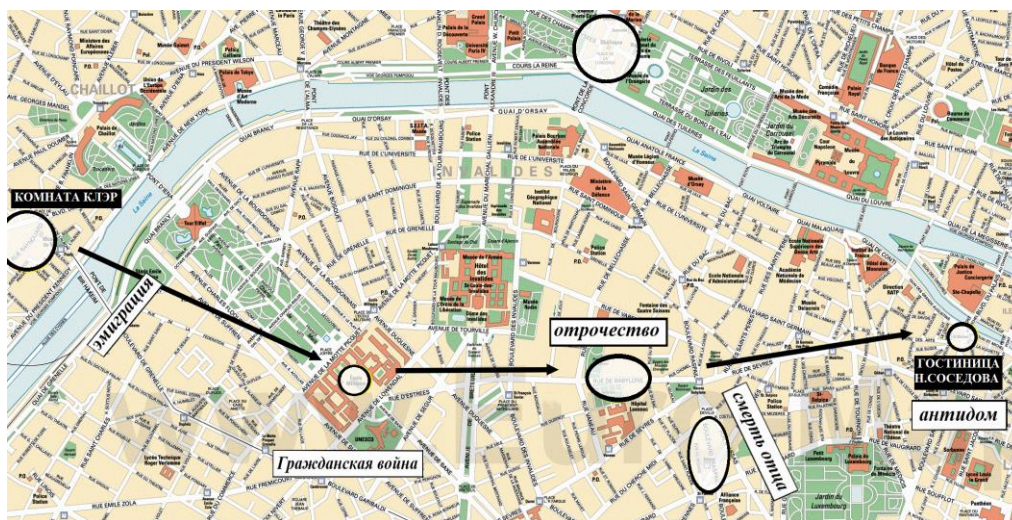

Схема пути Николая Соседова от дома Клэр к гостинице

Правый берег Парижа исторически принадлежал элите; Клэр – дама привилегированного общества, на что указывает ее купеческое происхождение, привычки, наличие прислуги в лице горничной и уехавший на Цейлон муж. Эмигрант Н. Соседов, днем вынужденный зарабатывать на гостиницу, каждый вечер покидает свою сторону, левый берег, влекомый встречей с возлюбленной. Образ реальной Клэр: ее внешность, любое действие и даже бездействие (например, образ спящей женщины в начале произведения) – способны вызывать в памяти Николая детали прошлого, каждая из которых непременно будет связана с той, которая рядом с ним в данный момент. Так происходит и в данную встречу, но очередное свидание подходит к концу, и герой покидает правый берег, унося с собой шлейф воспоминаний о былой жизни.

Таким образом, Г. Газданов выстраивает путь Николая в обратном от Клэр направлении, несмотря на чувство героя, влекущее к ней. Перемещение по Парижу от улицы к улице обнажает работу воображения рассказчика, совершаемую мыслями

и душой. И, по его признанию, среди них *«память чувств, а не мысли, была неизмеримо более богатой и сильной»* [1, с. 20].

Некоторое время назад так же, как и левый берег, Н. Соседов оставлял свою страну, отдавая ее более сильному противнику. В тот момент, как и во всех подобных случаях, *«...когда дело касалось его участи или опасностей, ему угрожавших»*, герой ощущал свою *«глухоту»*, то есть *«неспособность немедленного душевного отклика на то, что с ним случалось»* [1, с. 120]. Стоя на палубе корабля, Николай наблюдал апокалиптически полыхающую вдали Феодосию и не думал о трагедии происходящего *«до тех пор, пока не вспомнил о Клэр»* [1, с. 157]. Вопреки ожидаемому душевному смятению героем овладевает неудержимая мечта о возлюбленной. Чем дальше от родины, тем сильнее порыв: *«...уже на пароходе я стал вести иное существование, в котором все мое внимание было направлено на заботы о моей будущей встрече с Клэр, во Франции...»* [1, с. 159].

Воображение Н. Соседова создает мираж Парижа, центром которого выступает площадь Согласия, где влюблённые должны обрести друг друга. Выбор рассказчиком места свидания символичен: в дни исхода Гражданской войны его подсознание из всех культурных объектов Парижа предлагает тот, который некогда имел название Площади Революции, замененное на современное после окончания междоусобиц. Неверно было бы предполагать, что смысл этого символа заключается в надежде героя на обретение мирной России. Во-первых, по его утверждению, площадь Согласия *«всегда существовала в нем»*, во-вторых, она вмещала только двоих, *«туда не доходили отзвуки и образы ... прежней жизни»* [1, с. 158]. Франция воспринимается Н. Соседовым как *«страна Клэр»* [1, с. 158], Париж и возлюбленная для него неотделимы. Долгие десять лет мучительного ожидания встречи воплощаются в морском течении, уносящем его к мечте. Так же стремительно увлекает Николая фантазия: хоть площадь Согласия *«представилась ему иной, чем та, которая изображалась на почтовых открытках»*, именно ту, открыточную, картинку вспоминает он: *«с фонарями, и фонтанами, и наивными бронзовыми фигурами»* [1, с. 158]. Среди перечисленных деталей образа площади рассказчик останавливается на последней: *«по фигурам непрестанно бежит и струится вода и*

блестит темными сверканиями» [1, с.158]. Потоки воды на телах статуй словно усиливают естественное течение моря. Вода становится соединяющим звеном между двумя людьми. Таким образом, по нашему мнению, площадь Согласия следует рассматривать как символ надежды обретения отнюдь не России, а Франции, то есть Клэр. Примечательно, что именно водную стихию, реку, преодолевает Николай, совершая путь к героине и возвращаясь от нее.

Николай Соседов с силой воображения художника создает высокий образ возлюбленной и стремится за ним, осознавая, что *«тень»* Клэр *«заслоняет его»* самого [1, с. 159]. Каждая новая встреча выводила его из этой тени вперед, но, покидая район правого берега, герой невольно и неосознанно возвращался к ней, ступая на линию **левого побережья – символа эмиграции.**

Миновав несколько кварталов, рассказчик *«проходил мимо конюшен Ecole Militaire¹»* [1, с. 7]. В обстановке ночной мглы, слабого света фонарей и замирающей жизни людей образ построек предстает в большей степени осязаемым, нежели видимым. Герой слышит *«звон цепей, на которых были привязаны лошади, и густой конский запах, столь необычный для Парижа»* [1, с. 7].

Название второго пункта маршрута очевидно соотносимо с военным периодом доэмигрантской жизни Николая Соседова. Попав в 1919 году в белые войска шестнадцатилетним юношей, рассказчик застаёт последний, но самый яростный год Гражданской войны. Прощальные октябрьские дни 1920-го перед отплытием из Крыма в воспоминаниях рассказчика наполнены звуками, родственными звону цепей, доносившемуся из конюшен военного училища. Так, по пути к отступающим войскам Николай видит во сне эпизодическую знакомую в образе *«испанки с трескучими кастаньятами», «она плясала ... под музыку необычайно шумного оркестра; и в шуме его сильнее всего проступали глубокий рев контрабаса и резкие, высокие звуки валторны»* [1, с. 152]. Причиной этого шума в реальности оказался *«рев ручного медведя», который волочил «по полу свою длинную цепь»* [1, с. 152]. Одновременно с этим за стенами вагона *«звенели и сыпались стекла»*; снаряд,

¹ Военное училище (фр.).

попавший в соседний вагон, вызвал *«фонтан звона, шума и трепета струн»*; слышался *«упругий звон рельс и вагонных колес»* [1, с. 152–154]. Присутствуют в этих сценах и лошади, вместе с людьми составляющие *«черную массу»*, несущие всадников кавалерии Буденного; слышится *«топот коней»*, скачет *«офицер в черкеске»* [1, с. 154–155]. Шумовое и образное оформление этих военных сцен дано в гиперболизированном виде, звон цепей и невидимое присутствие коней на парижской улице – лишь эхо прошлого.

«Жизнь того времени, – по утверждению рассказчика, – представлялась ему проходившей в трех различных странах: стране лета, ... в стране зимы, снега и метели и в стране ... ночной истории» [1, с. 142]. Самой меланхоличной была страна лета, Севастополь, где люди *«прогоревшей империи»* выражают *«грусть провинциальной России»* [1, с. 149]. Они *«доживают последние дни ... пребывания»* на родине, как морская трава, которая *«бессильно полощется в воде»*, потому что *«впервые увидели, что у них есть биография, и история их жизни, и потерянное счастье»* [1, с. 148–149]. Как в «Севастопольских рассказах» Л. Толстого, *«вечный пейзаж моря, мачт и белых чаек»* газдановской страны лета передает состояние войны и мира на земле и в душах: хрупкие *«глиняные горы»* ассоциируются с *«древней Стеной Плача»* [1, с. 148–149]. Севастополь представляется трагической *«зоной российского притяжения»*, он уже не Россия: *«казалось, море всегда было входом в нашу родину, которая находилась далеко от этих мест»* [1, с. 148]. Этот город – последний островок: *«возвращаться отсюда назад в Россию невозможно»*, есть только путь за ее пределы, на чужбину, откуда *«приплывали и отплывали пароходы»*, куда *«уходили с берега английские и французские матросы»* [1, с. 148].

Облик страны зимы составляют природные образы *«долгой зимы»*, *«синих ледяных зеркал Сивашей»*, *«замёрзшей воды»* [1, с. 144]. «Столицей» этой страны является Джанкой, город на севере Крыма, запомнившийся воюющим небывалыми холодами 1920-го. Пространство Джанкоя крайне узко, как и души его обитателей. База белогвардейцев располагалась в вагонах бронепоезда, куда регулярно из *«тёмных домов»* приходили *«пить водку, есть бифштексы»* *«какие-то офицерские мессалины»*, или *«проститутки с воспоминаниями»* [1, с. 144–145].

Среди этих женщин выделяется образ Елизаветы Михайловны. Еще будучи гимназистом, рассказчик, описывая свои мечты о Клэр, сказал: *«...я не всегда видел ее одинаковой; она изменялась, принимала формы разных женщин»* [1, с. 73]. Елизавета Михайловна – одна из тех, кого воображение Н. Соседова наделяет чертами возлюбленной: как Клэр она была невысока и *«похожа на иностранку»*, в ее облике также соединены смех и глаза (*«смеющиеся глаза»*), детали внешности (*«большой красный рот»*) отражают чувственность натуры [1, с. 146]. Рассказчик называет ее *«неведомой спутницей его снов»*: *«она приходила к нам, когда я спал... Меня будили и говорили: проснись, неудобно, пришла Елизавета Михайловна, – и это соединение имен на минуту пробуждало меня; ... Елизавета Михайловна – слышу я, и сплю, и опять слышу: Елизавета Михайловна»* [1, с. 145–146]. Женщина словно возникала из сна, а впоследствии стала приходить в них, подобно Клэр. Именно джанкойская знакомая была пляшущей испанкой в вышеописанном сне с оркестром. Как далекая возлюбленная, Елизавета Михайловна возвышенна и непостижима: она приходит в вагон к сослуживцу героя, филологу Лавинову, чтобы читать стихотворения, говорить о литературе, делая это так, что Николаю было очевидно, что между двумя людьми *«происходит нечто важное и вовсе не имеющее отношения к этому разговору, но одинаково значительное и для нее, и для Лавинова»* [1, с. 146]. В Джанкое рассказчик познакомится с чувством разочарования, которое испытает в эпизоде «вечер у Клэр». Утратив образ возлюбленной, *«...лежа на ее кровати, в ее квартире в Париже»*, он *«жалел о том, что... уже не может больше мечтать о Клэр, как ... мечтал всегда»* [1, с. 17]. До этого в вокзальном буфете, увидев Лавинова и Елизавету Михайловну счастливыми, он *«вдруг ощутил сожаление, точно было бы лучше, если бы она оставалась такой, как раньше, когда он видел ее сквозь сон ...»* [1, с. 147].

Третья страна, *«страна ночной жизни»* была наполнена тревогой, боями и гудками паровоза [1, с. 142]. В такие ночи сознание героя сильнее обычного обнаруживало *«текучесть мыслей и чувств»* [6, с. 6]: *«Я вспоминал, как ночью над нами медленно проносился печальный, протяжный свист пуль; и то, что пуля летит очень быстро, а звук ее скользит так минорно и неторопливо, – делало особенно*

странным все это невольное оживление воздуха» [1, с. 142]. Согласно замечанию С. Федякина, в этом отрывке «плывет весь образный ряд»: траектория движения пули словно двоятся, расслаиваясь на путь самой пули и ее звука; причем пути оказываются неравномерными, первый короче второго [6, с. 6]. Путь движения пули можно сравнить с физическим перемещением Николая к береговой границе, звуковой путь – с движением его мысли, которая обращена к неизвестному будущему: *«Я часто думал тогда о кораблях, как бы спеша заранее прожить эту жизнь, которая была суждена мне позже»* [1, с. 142].

Деление образа военного прошлого на «страны» отражает хаос исторического отрезка начала XX века. Каждая «страна» вмещает в себя особенности устройства наружной и внутренней жизни отдельного общества. Только на небольшом полуострове, окраине государства, таких обществ насчитывается три. Как хаосу свойственно суетное движение, так и сознанию Николая Соседова свойственно стремление к мысленному перемещению: *«приезжая в одну из них [стран], мы привозили с собой другие»* [1, с. 142]. Среди страны лета, зимы и ночи всегда незримо присутствовал Париж. Он тоже являл собою некую далекую страну, населенную одним из образов Клэр (Елизаветой Михайловной).

Когда Николай Соседов отправлялся на войну, дядя Виталий провожал его следующими напутственными словами: *«Тебе в ближайшем будущем придется увидеть много гадостей. Посмотришь, как убивают людей, как вешают, как расстреливают. Все это не ново, не важно и даже не очень интересно ...помни, что самое большое счастье на земле – это думать, что ты хоть что-нибудь понял из окружающей тебя жизни»* [1, с. 110]. Описание Гражданской войны рассказчиком показывает, что он принял дядин совет. По признанию героя, *«бои и убитые и раненые прошли для него почти бесследно, а запомнились навсегда только некоторые ощущения и мысли, часто очень далёкие от обычных мыслей о войне»* [1, с. 117]. Пожалуй, самой натуралистичной и жестокой сценой войны стало описание мертвых человеческих тел: *«труп первого номера, которому оторвало голову – и безглавое тело его еще корчилось, и пальцы его уже не человеческих, отдельных рук еще царапали пол»* [1, с. 139] и *«трупы махновцев, повешенных на телеграфных*

столбах, – замерзшие твердые тела, качающиеся на зимнем ветру и ударяющиеся о дерево столбов с тупым легким звуком» [1, с. 138].

Лучшим воспоминанием о том времени для героя было созерцание природы, то есть жизни. Однажды, находясь на наблюдательном пункте под обстрелом противника, Николай забывает о своих обязанностях, очарованный шумом листьев, стрекотанием кузнечика, *«смешными, частыми движениями челюстей»* белки, а затем ее *«полетом»*, когда та *«вдруг заметила его, очень испугалась и мгновенно перепрыгнула на другое дерево, расправив свой жёлтый пушистый хвост и на секунду повиснув в воздухе»* [1, с. 118]. Рассказчик, как эта белка, обладает способностью *«повиснуть в воздухе»*, замереть и увидеть время, успеть разглядеть мельчайшее. На этом принципе построено изображение Клэр и, соответственно, Парижа: череда свиданий будто один день, в который вмещается множество деталей образа возлюбленной, диалогов или парижских топонимов.

Но чаще всего, находясь под пулями, Н. Соседов устремлял внимание на сослуживцев, точнее на их *«странные состояния и поступки»* [1, с. 118]. Для рассказчика война – это проверка на нравственную прочность, *«угол экзистенциального... преломления бытия»* [5, с. 80]. Он *«никогда не увидел бы в других условиях»* воровство *«негодяя»* Клименко, доносы *«мерзавца»* Воробьева, губительную лень Копчика, эгоизм Парамонова [1, с. 118]. Последнего он вспомнит за границей, увидев *«умирающего филина, привязанного туго замотанной тесемкой к дереву; ... он медленно взмахивал крыльями и щелкал клювом; и желтые его глаза слепо и злобно смотрели перед собой»* [1, с. 132]. Армейское окружение героя изобилует продажными женщинами, которые изображаются исключительно в неприглядном свете; возможно, в этом факте можно найти одну из причин разочарования Николая после полного постижения Клэр. Одним из самых тяжких пороков рассказчик считает трусость: *«только душевно сильный человек может быть храбрым»*, – утверждает он [1, с. 120]. Полковник Рихтер, поручик Осипов, Аркадий Савин, солдаты Филиппенко и Данил Жилин показывают себя *«душевно сильными людьми»* и вызывают восхищение героя.

В окружении толпы «негодяев» и горстки «храбрецов» Николай с особой теплотой смотрит на простых людей: солдат и крестьян. Их образы наделены чертами *«бесконечной доброты и бесконечной отчаянности», «ума и наблюдательности»* [1, с. 126]. Понятие «интеллигентность» в рассуждениях рассказчика утрачивает характерные для той эпохи классовые характеристики: подвергается сомнению *«в среде так называемых интеллигентных людей»* и обнаруживается у солдата Ивана [1, с. 127].

Жизнь общества Гражданской войны в описаниях Николая Соседова изображается как «антимир» [5, с. 80]. Во-первых, естественную красоту природы губит физическая жестокость, во-вторых, (что воспринимается более чувствительно) человеческая нравственность зачастую не выдерживает условий военного существования, и эталонная честь офицеров оказывается фикцией. «В дальнейшем жизненный опыт все больше утверждает его [героя] взгляд на реальность как на антимир» [5, с. 80]. Однако *«неправильность и неестественность происходящего»* очевидна не только рассказчику, но и солдатам [1, с. 143]. Именно они, по его мнению, *«сильнее, чем другие, страдали»* от этого [1, с. 143].

С солдатами Николая роднит склонность к наблюдениям. *«Простые солдаты ... оставались в этой обстановке ... созерцателями»*, – говорит рассказчик [1, с. 143]; «герой Г. Газданова – созерцатель, наблюдатель чужой жизни», – пишет исследователь Е. Кузнецова [4, с. 185]. Однако именно слово «чужой» в последнем высказывании является ключевым. В этом отношении показателен эпизод покупки свиньи, когда Н. Соседов, получив задание приобрести в деревне животное, не исполняет его из-за того, что он *«не умел разговаривать с крестьянами и вообще в их глазах был каким-то русским иностранцем»* [1, с. 127]. Г. Газданов, неоднократно употребляя в тексте данного романа слово «иностранец», определяет его как тип человека и дает собственное понимание: это *«не только человек другой национальности, но и принадлежащий к другому миру, в который ... нет доступа»* [1, с. 84]. Несмотря на частое общение и искренний интерес рассказчика к простому народу, они представляют два разных устоявшихся общества, не способных к взаимопониманию.

Таким образом, взгляд на войну как на «антимир» делает Николая Соседова чужим по отношению к миру окружающему, а его «иностранный» положение в среде простого люда отражает чуждость мира к нему. Этот статус, «чужой среди чужих» [3, с. 241], закрепится в нем в военный период жизни и еще раз утвердится в Париже, прогулки по которому станут продолжением экзистенциального опыта героя. *«Солдаты, офицеры, женщины, снег и война – все это уже никогда не оставит меня – до тех пор, пока не наступит время моего последнего, смертельного путешествия...»* – признается рассказчик [1, с. 138].

Становится очевидно, что Николай несет на себе отпечаток героя-романтика. Но, как отмечают многие исследователи, и фигура Клэр вносит в образ города романтический, светлый, оттенок. Эта функция героини, прежде всего, заложена в ее имени: значение французского прилагательного «clair» – светлый. *«Лепечущий и сбивающийся, прекрасный сон о Клэр»*, который видит Николай, отплывая от берегов России, – предощущение встречи с возлюбленной и, следовательно, с Францией [1, с. 160].

В глазах Николая *«всякий предмет был почти лишен... точных физических очертаний»* [1, с. 18]. Для характеристики чувства, состояния или абстрактного образа Г. Газданов часто применяет прозрачный цвет: в Севастополе *«над синим морем умирает в светлом воздухе какое-то прозрачное божество»* [1, с. 142], *«офицерские мессалины»* плакали *«прозрачными слезами»* [1, с. 145], *«монгольское волшебство»* сравнивается с *«воздухом, превратившимся в прозрачное цветное стекло»* [1, с. 158], *«звук колокола соединял в медленной стеклянной своей прозрачности огненные края и воду ... с прекрасным сном о Клэр»* [1, с. 160]. В каждом из случаев эпитет употребляется в контексте со словами «прекрасный», «счастливый», «чистый», «светлый», «хороший» и имеет скрытую или явную положительную коннотацию. Думается, что характеристика «прозрачности» также применима к образам Парижа и Клэр: через них словно просвечивает Россия, родина с ее трепещущими, размытыми тенями.

ВЫВОДЫ

Со страниц романа-воспоминания «Вечер у Клэр» перед читателем предстает ночной печально-романтический город. Нечеткие очертания полупустых засыпающих улиц мягко очерчивает свет фонарей, наполняет тихий звон цепей с конюшен и шорох шагов спешащих домой редких прохожих. Хронотоп города имеет двойное наполнение. На пространственном уровне образ столицы складывается из парижских топонимов (улиц, архитектурных и природных объектов) и образа Крыма, который возникает через мотив воспоминания. Временная организация основывается на одновременном существовании героя в нескольких временах, прошлом и настоящем.

Париж «Вечера у Клэр» амбивалентен: двойственность хронотопа порождает образы, которые находятся на границе двух измерений и существуют как самостоятельно, так и взаимозависимо в каждом из них. К таким образам отнесем детали внешнего пространства (ночная мгла и свет фонарей), звуковое наполнение воздуха звоном и топотом лошадей, героя-двойника (Клэр – Елизавета Михайловна), чувство разочарования (в финале произведения и в сцене на джанкойском вокзале). Сознание рассказчика на данном этапе пути воспринимает окружающий мир как единое парижско-крымское пространство, в котором реальность и воображение эмигранта начинают заменять друг друга. На текстуальном же уровне наблюдается проникновение одного локального текста в другой и полное размытие их границ, то есть структура текста повторяет структуру сознания главного героя.

По нашему мнению, причиной подобной деформации мышления Н. Соседова следует видеть его романтизм: во-первых, постоянное стремление к Клэр как к цели жизни (даже после встречи с ней) и, во-вторых, его чуждость всему и всем, где бы он ни находился. Двойственное сознание в психологическом и текстологическом контекстах – не что иное, как двоемирие, главная характеристика романтизма. Однако при исследовании образа Н. Соседова в романе следует учитывать, что в качестве создателей образа Парижа выступают два человека: писатель – на уровне формы и рассказчик – на уровне содержания, то есть сам Николай. Степень автобиографичности обеих фигур позволяет отождествлять их. Следовательно, образ

главного героя возможно рассматривать как ключ к пониманию драматичных отношений русского писателя-эмигранта Г. Газданова и Парижа.

Список литературы

1. Газданов, Г. Вечер у Клэр. Возвращение Будды: романы [Текст] / Гайто Газданов. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 352 с.
2. Доброскокина, Н. В. Париж как художественный феномен в романах Г. Газданова: дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] : 10.01.01 / Н. В. Доброскокина. – 2012. Режим доступа: www.booksite.ru/localtxt/disse/dobr.doc – (Дата обращения: 24.03.17).
3. Кузнецова, Е. В. Время и пространство в произведениях Г. Газданова [Текст] / Е. В. Кузнецова // Гуманитарные исследования, 2011. – №4 (40). – С. 238–245.
4. Кузнецова, Е. В. Образ автора, герой-рассказчик и повествователь в романах Гайто Газданова [Текст] / Е. В. Кузнецова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. – Вып. № 115. – С. 184–190.
5. Проскурина, Е. Н. «Человеческая комедия» Г. Газданова: мир второстепенных персонажей в «русских» романах [Текст] / Е. Н. Проскурина // Сибирский филологический журнал, 2009. – № 1. – С. 75–84.
6. Федякин, С. Лица Парижа [Электронный ресурс] / С. Федякин. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/statii/2001/gazdan19.html> – (Дата обращения: 26.03.17).

References

1. Gazdanov G. Vecher u Kler. Vozvrashchenie Buddy: Romany [An Evening with Claire. The Return of the Buddha: Novels]. Saint-Petersburg: Azbuka Publ., Azbuka-Atticus Publ., 2015. 352 p.
2. Dobroskokina N. V. Parizh kak Hudozhestvennyi Fenomen v Romanah G. Gazdanova: Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Paris as Artistic Phenomenon in the Novels of G. Gazdanov]. Available at: www.booksite.ru/localtxt/disse/dobr.doc. (accessed 24 March 2017).

3. Kuznetsova E. V. Vremia i Prostranstvo v Proizvedeniah G. Gazdanova [Time and Space in the Works of G. Gazdanov]. Gumanitarnye Issledovania, 2011, no 4 (40). Pp.238–245.
4. Kuznetsova E. V. Obraz Avtora, Geroi-Rasskazchik i Povestvovatel v Romanakh G. Gazdanova [The Author's Image, the Hero-Narrator and Narrator in Novel's of G. Gazdanov]. Izvestia Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Imeni A. I. Gertsena, 2009, no 115. pp. 184–190.
5. Proskurina E. N. «Chelovecheskaya Comedia» G. Gazdanova: Mir Vtorostepennykh Personazhey v “Russkih” Romanakh [“La Comedie Humaine” of G. Gazdanov: the World of Secondary Heroes in “Russian” Novels] // Sibirskii Filologicheskii Zhurnal, 2009, no 1. pp. 75–84.
6. Fed'akin S. Litsa Parizha [Faces of Paris] Available at: <http://www.hrono.ru/statii/2001/gazdan19.html>. (accessed 26 March 2017).

**THE IMAGE OF PARIS IN THE G. GAZDANOV'S CRIMEAN TEXT (BASED
ON AN EVENING WITH CLAIRE)**

Sudakova K. S.

Due to modern literary critics' works Gaito Gazdanov is not a new person in Russian literature, but, unfortunately, his creative works are studied a little bit and many people do not know about him. This article tries to define one more problem of writer's style and outlook as well as to offer author's view on it.

This work deals with specific image of Paris in the G. Gazdanov's novel *An Evening with Claire* on example of the Crimean textual fragments. Author suggests the hypothesis that the chosen parts of the text under analyses contain Paris and Crimean local texts together, so the attempt to explain their coexistence in one text is made. The description of elements and motifs in each local texts forming the same artistic image of Paris is made. Much attention is paid to the image of Claire.

The conclusions can be of interested not only for G. Gazdanov's researchers, but for the researchers of the Crimean text.

Keywords: Paris local text, Crimean local text, the city's image, G. Gazdanov, Russian literary Paris, motif of way, motif of memory.

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811-115

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ПАРЕМИЯХ: ПОСЛОВИЦА *РАБОТА НЕ ВОЛК, В ЛЕС НЕ УБЕЖИТ* И ЕЕ АНАЛОГИ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Бредис М. А.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (РУДН),
г. Москва, Россия
e-mail: briedis@yandex.ru

Статья посвящена сопоставительному лингвокультурологическому анализу аналогов русской пословицы *Работа не волк, в лес не убежит* в польском, литовском, латышском, немецком, английском, французском, финском, башкирском, татарском, турецком и табасаранском языках. Для сопоставления и поиска семантических эквивалентов используется безобразная обобщенная базовая идея – пословичный конденсат. В пословицах весьма высок удельный вес интернациональных элементов, наличие которых объясняется схожестью человеческой логики, законов мышления, а также характера опыта. Национальное в паремиях представлено в образности, отражающей местные реалии. Интернациональный характер носят, прежде всего, пословичные конденсаты. Конденсированная идея рассматриваемой русской пословицы выражается фразой *работа может подождать*. Проведенный сопоставительный анализ показывает, что рассмотренные пословицы двенадцати различных языков могут быть произнесены в контексте, соответствующем семантике *Работа может подождать*, что свидетельствует об интернациональном характере данной пословичной идеи. В паремиях большинства рассматриваемых языков работа связывается с образами распространенных животных и птиц – волка, медведя, зайца, лягушки, сокола, птицы. Пословицы финского, табасаранского и турецкого языков содержат идею бесконечности процесса работы при отсутствии образности. Наиболее широкая семантика присуща английской и французской паремиям. Все рассмотренные пословицы в разной степени представляют собой эквиваленты русской паремии *Работа не волк, в лес не убежит*.

Ключевые слова: паремиология, сопоставительный анализ, пословица, паремия, антипословица, работа, эквивалент, лингвокультурология.

ВВЕДЕНИЕ

Социокультурный опыт и стереотипные представления народа о мире находят свое отражение в пословичном фонде любого языка. Будучи «знаками определенных ситуаций или определенных отношений между вещами» [15: 21], пословицы часто заключают в себе важные знания о национальной культуре. Их можно расценивать

как универсальное вместилище опыта (своего рода «упаковку опыта» [3, с. 86]) для множества ситуаций. Действительно, функционально упаковка имеет схожие характеристики с пословицей. Помимо защиты продукта, упаковка привлекает внимание потенциального покупателя, заставляет его запомнить товар и принять решение о его приобретении. Если допустить, что в роли упакованного продукта выступает социокультурный опыт, пословица также привлекает внимание человека, позволяет легко запомнить констатацию этого опыта и побуждает к следованию ценностной установке, которая заключена в ней. Вопрос о том, насколько велико количество ситуаций, которые становятся контекстами пословиц, остается открытым. По крайней мере, можно говорить о неопределенном множестве. Порой только интонация или выражение лица человека могут подсказать слушателю, говорится ли данная пословица «как ода или как сатира» [26, с. 107]. Сравнительное исследование паремиологических картин мира разных лингвокультур помогает составить представление об историческом и социокультурном опыте разных языковых сообществ. Особую роль в познавательной функции паремий играют национальные лингвомаркеры (этнолингвомаркеры), отражающие национальную «культурную память» [12, с. 94]. Они могут не иметь прямых аналогов в других языках, определяя этноспецифичность паремий.

В то же время в пословицах весьма высок удельный вес интернациональных элементов, наличие которых объясняется схожестью человеческой логики, законов мышления, а также характера опыта. Национальная специфика паремий заключается «в их образном строе, в местных реалиях и понятиях, и только в них» [15, с. 21]. В связи с этим важным представляется сопоставительное изучение пословиц разных народов. Изучать паремии изолированно, не учитывая пословичных параллелей других народов, «означало бы описывать только поверхностную сторону этих специфических явлений культуры, не затрагивая их сущности» [10, с. 6].

Интернациональный характер носят, прежде всего, пословичные идеи. Согласимся с Е. И. Селиверстовой, которая подчеркивает, что пословичные конденсаты (двухкомпонентное (реже – трехкомпонентное) безобразное, отражающее в конденсированном виде значение пословицы), по сути

интернациональны, и приводит в пример обобщенную идею: *Ребенок похож на родителя*. Эта провербиальная идея представлена в пословицах множества языков при помощи разных образов или без образов, что свидетельствует о близости способов осмысления окружающего мира в пословицах различных лингвокультур [18, с. 60].

Цель данной работы состоит в проведении сопоставительного лингвокультурологического анализа аналогов русской пословицы *Работа не волк, в лес не убежит* [13: 740] в польском, литовском, латышском, немецком, английском, французском, финском, башкирском, татарском, турецком и табасаранском языках. Для сопоставления мы используем безобразную обобщенную пословичную идею – «пословичный конденсат».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В русской пословице и ее вариантах работа сравнивается с животными – волком, а также медведем: *Работа не волк – в лес не уйдет*; *Работа не медведь – дадут и завтра поглядеть*; *Работа не медведь – дает и поглядеть* [13, с. 740], *Дело не медведь, в лес не уйдет* [7, с. 228]. Вариант пословицы *Работа не ревет [и есть не просит]*, не имеет зооморфной метафоры, однако содержит аллюзию на крупного зверя, она ревет, словно зверь. В менее известных региональных вариантах этой русской пословицы образ животного заменяется образом беса: *Работа не бес – не убежит в лес*; *Работа не черт – в воду не уйдет* [13, с. 740].

Распространенную пословицу *Работа не волк – в лес не убежит* часто используют как иллюстрацию отсутствия трудолюбия у русского народа, как своеобразный «девиз лентяев» (см. [8]). Может даже создаться впечатление, что самокритичные русские люди этой пословицей признаются в своей собственной лени. Действительно, в устах лодыря данная паремия может иметь и такое значение, но это лишь один из возможных сценариев. Пословица всегда многозначна: она обладает базовым (инвариантным) и контекстно-ситуативным значением [6]. В жизни пословицы представляют собой речь, определяемую конкретной ситуацией, которая зависит от множества факторов, в том числе оттого, кто говорит и кто слушает.

Например, этой же пословицей можно и посмеяться над лентяем или высказать ему свое осуждение. Однако в словарях пословицы фиксируются часто без комментариев, без контекста, автономно, практически так же, «как поются песни или загадываются загадки» [25, с. 13]. Поэтому читателю приходится прибегать к традиционному, базовому значению паремии, которое определяется неким условным контекстом, предполагающим определенные лингвокультурологические знания. В случае с русской пословицей Работа не волк, в лес не убежит почему-то значительно реже рассматривают ее базовое значение: работа (дело) не является спешной, не требует немедленного выполнения, поэтому можно и прерваться, отложить дело, чтобы затем приступить к нему вновь. Делать эту работу все равно нужно, но спешить необязательно. Конденсированная идея этой пословицы выражается фразой – работа может подождать.

Трудолюбивым немцам также известна подобная пословица. В немецких аналогах пословицы Работа не волк, в лес не убежит так же, как и в русской паремии, используются образы животных и птиц при сохранении пословичной формулы: *Die Arbeit ist kein Frosch, sie hüpf nicht weg* (Работа не лягушка, не упрыгает); *Die Arbeit ist kein Hase, sie läuft nicht fort* (Работа не заяц, не убежит); *Die Arbeit ist kein Falke (kein Vogel), fliegt nicht fort in den Wald* (Работа не сокол (не птица), не улетит в лес) [32, с. 246]. Формулообразная структура пословицы позволяет встраивать необходимый образ в готовую структуру. Еще А.А. Потебня обращал внимание на сходство пословиц с математическими формулами, которые дают возможность получить искомое решение, подставляя определенные величины. Одним образом пословица способна заместить целый ряд мыслей. Подобный процесс он называл процессом сгущения мысли [16, с. 520]. А Г.Л. Пермяков уподоблял пословицы типографским клише, подчеркивая их устойчивую структуру [15, с. 15]. В случае рассматриваемой пословицы мы видим, что, подобно традиционным типографским печатным формам, структура ее неизменна в ряде языков, однако образные элементы этой структуры могут заменяться, т.е. изображение, нанесенное на эту печатную форму, может быть разным.

Найденный нами польский аналог паремии содержит образ зайца: *Robota (Praca) nie zajęc, w las nie usieknie* (Работа не заяц, в лес не убежит). Имеются также варианты: *Praca nie zajęc – nie usieknie* (Работа не заяц, не убежит); *Praca nie zajęc, do lasu nie usieknie* (Работа не заяц, в лес не убежит) [32, с. 246].

То же видим и в латышских *Darbs nav zaķis – projām neskrīs* (Работа не заяц – не убежит) [21], и в литовских паремиях *Darbas – ne vilkas (zuikis), į mišką neparbėgs* (Работа не волк (заяц), в лес не убежит), *Darbas – ne kisielius, nesurūgs* (Работа не кисель, не прокиснет) [31]. В литовских пословицах, помимо зайца, используется образ волка, а также появляется образ киселя, который также подчеркивает возможность отложить дело на время (кисель может испортиться, а работа останется). При этом пословичная структура (формула) остается прежней.

О популярности подобных паремий свидетельствует большое количество антипословиц на тему Работа не волк: русск. Работа не сайгак, за бархан не убежит; Работа не волк, сколько ни корми, все в лес смотрит [1, с. 239]. В интернете можно также найти мемы с антипословицей *Работа не волк, да и начальник – не Красная Шапочка*; в латышском сегменте всемирной сети встречается антипословица *Darbs nav zaķis, bet boss tomēr ir vilks* (Работа не заяц, но начальник все равно волк); в польском интернете на сайте Demotywatory.pl можно найти мем с фотографией зайца и антипословицей, распространяющей образ зайца на другие вещи, – *Praca nie zajęc, czas nie zajęc, w sumie nic nie zajęc, tylko zajęc to zajęc* (Работа не заяц, время не заяц, вообще ничто не заяц, только заяц – это заяц). Польский вариант явно обнаруживает протест против набившего оскомину традиционного сравнения работы с зайцем. Само собой разумеется, что работа не заяц, время не заяц. На этом же сайте встречаются польские мемы с фотографией зайца, которые говорят о том же: *Robota nie zajęc, odpoczynek też nie zajęc, w sumie nic nie zajęc, tylko zajęc to zajęc* (Работа не заяц, отдых не заяц, вообще ничто не заяц, только заяц – это заяц).

В литовском сегменте интернета (сайт Demotivacija.lt) имеются мемы с антипословицами *Darbas – ne vilkas... – Bet ir aš – ne Raudonkepuraite* (Работа не волк... – Но и я не Красная Шапочка); *Darbas ne %@#!& Pastovės* (Работа не %@#!&. Постоит). Последняя литовская антипословица замечательна тем, что подчеркивает

структуру традиционной пословицы, подобную алгебраической формуле. Вместо слова, несущего главный образ, здесь используется необычный элемент – набор символов %@#!&, как бы приглашающий читателя подставить в эту формулу любую метафору по желанию.

Кроме того, общеупотребительность рассматриваемой пословицы подтверждается широким использованием ее в повседневной речи в традиционном варианте. Вспомним советский комедийный фильм «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» режиссёра Л. И. Гайдая (1965 г.), в котором прораб перечисляет тунеядцу русские пословицы о труде, среди которых и Работа не волк, в лес не убежит. Учитывая популярность фильма, можно предположить, что он оказал влияние на восприятие в нашей стране целым поколением людей рассматриваемой пословицы, прежде всего, как относящейся к лентяям. Литовский сайт демотиваторов Demotyvacija.lt разместил мем с фотографией бегущего волка и пословицей *Darbas – ne vilkas, į mišką nepabėgs* (Работа не волк, в лес не убежит). Этой же литовской пословицей подписан мем, на котором изображены пожарники, которые жарят шашлык и выпивают на фоне горящего здания. В польском сегменте подобный мем изображает вальяжно сидящего в кресле перед горящим домом пожарника, который поливает водой из шланга горящую постройку. На сайте Wiocha.pl под фото подпись – соответствующая ситуации пословица *Praca nie zając, do lasu nie ucieknie* (Работа не заяц, в лес не убежит...).

Термин *антипословица* введен в научный обиход американским исследователем Вольфгангом Мидером (Antispruchwort, anti-proverb). В его понимании антипословицы – это «пародированные, искажённые или исковерканные пословицы, в которых проявляется юмористическая или сатирическая речевая игра с традиционной пословичной мудростью» [30: 28]. В обиход славистов этот термин был внедрён Х. Вальтером и В. Мокиенко, которые считают причинами появления пословичных трансформов частую повторяемость, хрестоматийность, стереотипность традиционных пословиц [4, с. 12]. Литовская исследовательница Д. Зайкаускаене использует для антипословиц термин *антипаремии* (лит. anti-paremijos) и отмечает, что современные литовцы особенно активны в пародировании

традиционных пословиц [2, с. 210]. Наибольший юмористический эффект при этом производят именно варианты классических традиционных пословиц. Современные антипословицы создаются по моделям (формулам), характерным для традиционных паремий, когда носители языка сразу же узнают прототип. Популярность антипословиц строится во многом именно благодаря этому эффекту узнавания.

Интернет-мемы относятся к числу новых языковых жанров, связанных с появлением интернет-дискурса. Эти тексты в интернете, подобно традиционным паремиям, характеризуются анонимностью. Они являются полимодальными и имеют характер двухмерной или трехмерной проекции, что предполагает анализ вербального наполнения и визуального/аудиовизуального ряда [11, с. 255]. Интересно, что в наше время традиционные пословицы могут использоваться в интернет-мемах (демотиваторах) с тем же эффектом, что и антипословицы. Если в антипословице трансформируется сама традиционная пословица, то в мемах пословица остается неизменной, но изменяется контекст путем подбора соответствующей картинке (визуального ряда). Эффект комического здесь состоит в том, что базовое значение не соответствует представленной картинке, часто противоречит ее смыслу. Например, в пословице *Работа не волк, в лес не убежит* дело, не терпящее отлагательств (например, тушение пожара), рассматривается теми, кто его делает, как абсолютно неспешное, которое можно и отложить.

Вышеперечисленные пословицы относятся к родственным языкам индоевропейской группы (славянским, балтийским и германским). Теперь обратимся к паремиям – аналогам пословицы *Работа не волк, в лес не убежит*, которые нам удалось обнаружить в языках других групп. В башкирском языке существует пословица, аналогичная русской: *Эш буре тугел, урманга касмас* (*Работа не волк, в лес не убежит*). Она представляет собой полный семантический и образный эквивалент русской паремии. В татарских пословицах для выражения семантики *Работа может подождать* используются образы медведя и малины: *Эш аю тугел, башка сикермас* (*Работа не медведь, на голову не прыгнет*); *Эш аю тугел, урманга качмас* (*Работа не медведь, в лесу не скроется*) [9; 8]; *Эш кура жылгае тугел коелмас* (*Работа не малина, не осыплется*) [14]. Интересно, что формула пословицы

в башкирском и татарском языках остается той же, что и в германских, балтийских и славянских языках (X не Y, не + действие). Возможно, речь идет о контактных параллелях с русскими пословицами.

Семантику *Работа может подождать* с различными нюансами выражают и паремии других языков. Если работа есть всегда, то ее можно отложить. Финны тоже не прочь порой отложить работу, потому что *Ei työ tekemällä loppu* (*Сколько работы ни делай, она все не кончается*) [20, с. 113]. Это несмотря на то, что стереотипное восприятие финнами самих себя делает упор на их трудолюбии, порой даже чрезмерном. Интересно, что в опросах об отношении к работе у финнов и русских, финны отмечали, что русские не очень трудолюбивы, для них результаты важнее, чем работа, которая может остаться не сделанной, и цитировали русскую пословицу *Работа не медведь, в лес не убежит* [17, с. 18]. При этом русские самокритичны в восприятии своего отношения к работе: они под настроение могут работать хорошо, могут и с ленцой, многие в связи с этим упоминали пословицу *Работа не волк, в лес не убежит*, а также и пословицу *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*, которая просто указывает на необходимость трудолюбия у человека [17, с. 16]. Исследователи, проводившие опросы, подчеркнули, что основные параметры оценки русскими и финнами друг друга в целом совпадают: русские – ленивые, не очень добросовестные, люди настроения, творческие; финны – трудолюбивые, ответственные, добросовестные, для них работа – главное в жизни. По этим данным получается, что русские думают о финнах значительно лучше, чем финны о русских. Хотя русскую пословицу о волке и работе все опрошенные трактуют однобоко. При этом у обоих народов есть представители противоположного отношения к работе, и, разумеется, имеются соответствующие пословицы. Так, чрезмерная самоотдача в работе может оцениваться некоторыми финнами отрицательно – как ведущая к переутомлению, раннему старению, однообразию интересов, замкнутости и т.д. [17, с. 19]. Это выражается, например, в финской паремии *Hullu paljon työtä tekee, viisas pääsee vähäntällä* (*Дурак много работы делает, умный отделяется малым*) [20, с. 40].

Финская поговорка не является полным эквивалентом русской поговорки *Работа не волк, в лес не убежит*. Она отличается от русской и по структуре, и по образности, которой в финском аналоге нет. Мы разделяем точку зрения польского исследователя Войцеха Хлебды относительно наличия эквивалентов поговорок в различных языках. Согласно его мнению, «теоретически, или потенциально, любая поговорка любого языка должна иметь в любом языке свой эквивалент – разумеется, необязательно образный (хотя и такие нередко встречаются), а смысловой (логический)» [19, с. 96]. Данная мысль имеет важное значение для сопоставительной паремииологии. Таким образом, отсутствие эквивалента поговорки в другом языке может означать, что он пока не обнаружен исследователями, возможно, он существовал ранее, вышел из употребления и не зафиксирован в источниках. Потому можно предположить, что полная картина поговорочных эквивалентов отчасти напоминает таблицу химических элементов Д. И. Менделеева, где пустые ячейки теоретически можно заполнять по мере нахождения соответствующих элементов.

Полностью совпадает с финской поговоркой о бесконечности работы семантика табасаранской поговорки *Фукъан гъилихишира, ляхнар ккудуркИрудар дар* (*Сколько ни работай, дела не заканчиваются*) [5, с. 389]. Здесь речь идет также о неполном эквиваленте рассматриваемой русской поговорки. Тем не менее, в определенном контексте эти поговорки взаимозаменяемы.

В турецких сетевых ресурсах встречается похожее на поговорку выражение *Ömür biter iş bitmez* (*Жизнь кончается, работа – не кончается*) [<https://eksisozluk.com>]. Во всемирной сети можно встретить данную фразу на разных языках (в том числе в виде мемов, например: (фр.) *La vie s'achève, mais le travail jamais* (*Жизнь заканчивается, работа – никогда*) [27]) с пометкой *арабская поговорка*. Этой семантике близка турецкая поговорка *На восемь дней жизни приходится девять дней работы* [28]. Косвенно данные поговорки также отражают идею *Работа может подождать*, поскольку она все равно никогда не кончается.

Наиболее общим по семантике является английский эквивалент рассматриваемой поговорки – *Tomorrow is another day* (*Завтра – другой день*) [22, с. 584]. Впервые поговорка зафиксирована около 1520 г. как строчка из пьесы “Calisto

and Melibaea” в варианте *To-morrow is a new day* (Завтра – новый день). В сцене встречи Селестины и Мелибеи девушка говорит: *Well, mother, to-morrow is a new day. I shall perform that I have you promised* (Хорошо, матушка, завтра – новый день. Я выполню то, что обещала тебе) [Там же]. Как можно увидеть, контекст вполне позволяет соотнести данную пословицу и с семантикой, связанной с работой. Акцент здесь делается на времени. Время ещё есть. Завтра тоже будет время, будет день, и можно будет продолжить начатое дело. Соответственно, дело может и подождать. Особенно большую популярность пословица *Tomorrow is another day* приобрела в англоязычном мире в XX в. после выхода на экраны американского художественного фильма «Унесенные ветром» (1939 г.). Эту паремию Вивьен Ли в роли Скарлетт О’Хары произносит в финале фильма: *After all tomorrow is another day* (В конце концов, завтра – другой день). Самое массовое из искусств того времени сыграло большую роль в распространении этой пословицы в англоязычном мире.

Французская пословица *Demain il fera le jour* (Завтра будет день) представляет практически полный эквивалент английской паремии *Tomorrow is another day* [24, с. 1947].

Причисление обеих этих пословиц к частичным эквивалентам русской паремии *Работа не волк, в лес не убежит* может представляться довольно спорным. Действительно, эти пословицы не акцентируют внимания на работе, характеризуются отсутствием образности и имеют возможность очень широкого толкования. Базовым значением рассматриваемых английской и французской паремии можно считать следующее: *Нужно иметь веру в будущее и не отказываться от задуманного, не прекращать начатых дел.* Это подтверждается и использованием данной пословицы в фильме «Унесенные ветром». Однако в определенном контексте (например, когда в конце дня работа еще не закончена, но торопиться необязательно, и ее можно отложить на следующий день) семантика обеих пословиц частично пересекается с семантикой русской паремии *Работа не волк, в лес не убежит*, и при переводе ее можно заменить упомянутыми английской или французской пословицей.

ВЫВОДЫ

Проведенный сопоставительный анализ показывает, что рассмотренные пословицы могут быть произнесены в контексте, соответствующем семантике *Работа может подождать*. Это свидетельствует об интернациональном характере данной базовой пословичной идеи. Не только идея, но и формула пословицы *Работа не волк, в лес не убежит* совпадают в языках разных групп. Имеет место лишь подстановка разных образов в пословичную формулу. Такое структурное и образное сходство может объясняться генетическим родством (в случае ряда индоевропейских языков) и контактными параллелями (в случае с языками других групп). При этом не исключен и полигенез пословиц в силу схожести человеческого опыта и законов мышления.

Следует отметить, что значительное сходство пословиц европейских языков объясняется не только сходством логических законов и генетическим родством языков, но также и общей историей, культурными основами, сходством реалий и условий жизни, значительными языковыми и культурными контактами. Существует целый ряд паремий, идентичных в большинстве германских, романских и славянских языках. В. Мидер указывает на наличие общих европейских пословиц, то есть «пословиц, которые распространились по Европе благодаря точным заимствованным переводам» [29, с. 25].

Все рассмотренные пословицы можно разделить на три группы. Самая большая группа – пословицы славяно-балто-немецкого ареала с башкирской и татарскими паремиями, в которых работа часто связывается с образами распространенных животных и птиц – волка, медведя, зайца, лягушки, сокола, птицы. Наибольшее количество образов присутствует в русских вариантах этой пословицы. В этой же группе присутствуют образы неодушевленных предметов. У литовцев работа принимает образ киселя, который, конечно, не убежит, но может скоро испортиться. В татарской паремии работа сравнивается со спелыми ягодами малины, которые надо собрать, пока они не осыпались. Во вторую группу можно объединить пословицы финского, табасаранского и турецкого языков, несщие идею бесконечности процесса работы при отсутствии образности. Тот факт, что работа никогда не кончается,

приводит и к мысли о том, что *Работа может подождать* именно в силу своей бесконечности. Третья группа включает английскую и французскую паремии с наиболее широкой семантикой, также без использования метафор. Здесь семантика *Работа может подождать* основана на мысли о том, что еще будет время, чтобы продолжить дело. Таким образом, анализ рассмотренных паремий показывает, что они все в разной степени представляют собой эквиваленты русской пословицы *Работа не волк, в лес не убежит*.

Список литературы

1. Адамчик, М. В. Антипословицы и афоризмы. Веселая и умная книга [Текст] / Авт.-сост. М. В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2012. – 320 с.
2. Бредис, Е. М. Антипословицы в роли газетных заголовков (на материале публикаций германских СМИ) [Текст] / Е. М. Бредис, М. А. Бредис // Парадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Материалы международной научной конференции. – Тула, 2018. – С. 209–214.
3. Бредис, М. А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / М. А. Бредис. – М., 2017. – 346 с.
4. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб.: Издательский Дом „Нева“, 2005. – 578 с.
5. Гасанова, М. А. Табасаранские пословицы и поговорки: лингвистический и лингвокультурологический аспекты [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / М. А. Гасанова. – Махачкала, 2015. – 414 с.
6. Гвоздев, В. В. Место пословиц как структурно-семантических образований в языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Гвоздев. – М., 1983. – 15 с.
7. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Текст] / В. И. Даль – СПб.: Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2012. – 304 с.
8. Каримова, Р. Х. К вопросу о происхождении слова Arbeit (компаративный аспект) [Текст] / Р. Х. Каримова // Международный научно-исследовательский журнал, № 8(39), Часть 4. – Екатеринбург, 2015. – С. 104–109.

9. Каримова, Р. Х. Концепт «труд/лень» в паремиологии неродственных языков (на примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Р. Х. Каримова. – Уфа, 2004. – 199 с.
10. Кокаре, Э. Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках [Текст] / Э. Я. Кокаре. – Рига: Зинатне, 1978. – 294 с.
11. Ломакина, О. В. Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект [Текст] / О. В. Ломакина // Парадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Материалы международной научной конференции. – Тула, 2018. – С. 254–260.
12. Ломакина, О. В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание [Текст]: дис. докт. филол. наук: 10.02.01 / О. В. Ломакина. – СПб., 2016. – 390 с.
13. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
14. Мукатдесова, Ч. Р. Концепт "труд" в татарском и немецком языках : на материале пословиц и поговорок [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Ч. Р. Мукатдесова. – Казань, 2012. – 26 с.
15. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии [Текст] / Г. Л. Пермяков // Исследования по фольклору и мифологии Востока. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
16. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика [Текст] / А. А. Потебня. – М., «Искусство», 1976. – 614 с.
17. Протасова, Е. «Мы» и «Они»: русские о финнах и финны русских [Текст] / Е. Протасова, А. Мустайоки // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. – Воронеж: Истоки, 2002. – С. 14–49.
18. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость [Текст] / Селиверстова Е. И. – М.: Флинта, Наука, 2017. – 296 с.
19. Хлебда, В. О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре [Текст] / В. Хлебда // Przegląd Rusycystyczny. – Katowice, 2008. – No. 4 (124). – S. 90–104.

20. Храмцова, О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги [Текст] / О.А. Храмцова. – СПб.: КАРО, 2011. – 240 с.
21. Aforismi.lv – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aforismi.lv/sakamvards/16724>. – (Дата обращения: 28.11.18).
22. Dictionary of Proverbs. / G. L. Apperson, revised by Martin H. Manser and Stephen Curtis. Wordsworth Editions Limited. 2006. 656 p.
23. Eksisozluk.com – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eksisozluk.com/omur-biter-is-bitmez-1924358>. – (Дата обращения: 22.11.18).
24. Flonta, Teodor. A Dictionary of English and French Equivalent Proverbs. De Proverbio, 2001, Foreign Language Study. 255 p.
25. Kudirkienė, Lilija. Patarlės interpretacija: diachroninis aspektas. Tautosakos darbai, 2007. [t.] XXXIII. P. 13-26.
26. Kuusi, M. Mind and Form in Folklore. Selected Articles, ed. by Henni Pomäki: Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994. 199 p.
27. Leparisien.fr. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://citation-celebre.leparisien.fr/citations/25683>. – (Дата обращения: 25.11.18).
28. Litena.ru – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000065/st045.shtml>. – (Дата обращения: 22.11.18).
29. Mieder, Wolfgang. Behold the Proverbs of a People: Proverbial Wisdom in Culture, Literature, and Politics. University Press of Mississippi, 2014. 489 p.
30. Mieder, Wolfgang. Proverbs: A Handbook. Westport: Greenwood Press, CT. 2004. 305 p.
31. Patarles.dainutekstai.lt – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aforismi.lv/sakamvards/16724> – (Дата обращения: 22.11.18).
32. Walter, H., Mokienko, V., Komarowska, E., Kusal, K. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald-Szczecin, 2014. 433 p.

References

1. Adamchik M. V. Antiposlovitsy i Aforizmy. Veselaya i Umnaya Kniga [Anti-proverbs and Aphorisms. Funny and Smart Book]. Minsk: Kharvest Publ., 2012. 320 p.
2. Bredis E. M. Antiposlovitsy v Roli Gazetnykh Zagolovkov (na Materiale Publikatsii Germanskikh SMI) [The Anti-Proverbs in the Role of Newspaper Headlines (on the Material of German Media Publications)]. Paradigmat'nye Konteksty Frazeologii v 21 Veke. Materialy Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii. Tula, 2018. Pp. 209–214.
3. Bredis M. A. Predstavleniya o Ddenezhnykh Otnosheniyakh v Poslovitsakh (na Materiale Russkogo, Latyshskogo, Litovskogo, Nemetskogo i Angliiskogo Yazykov): Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Ideas about Monetary Relations in Proverbs (Based on Russian, Latvian, Lithuanian, German and English Languages). Thesis]. Moscow, 2017. 346 p.
4. Walter H., Mokienko V. M. Antiposlovitsy Russkogo Naroda [Anti-Proverbs of the Russian People] St. Petersburg.: Izdatel'skii Dom Neva Publ., 2005. 578 p.
5. Gasanova M. A. Tabasaranskie Poslovitsy i Pogovorki: Lingvisticheskii i Lingvokul'turologicheskii Aspekty: Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Tabasaran Proverbs and Sayings: Linguistic and Cultural Linguistic Aspects. Thesis]. Makhachkala, 2015. – 414 p.
6. Gvozdev V. V. Mesto Poslovits kak Strukturno-Semanticheskikh obrazovaniy v yazyke: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk [The Place of Proverbs as Structural and Semantic Formations in the Language. Abstract of Thesis]. Moscow, 1983. 15 p.
7. Dal' V. I. Poslovitsy Russkogo Naroda [Proverbs of the Russian People]. St. Petersburg: Avalon, Azbuka-Attikus Publ., 2012. 304 p.
8. Karimova R. Kh. K Voprosu o Proiskhozhdenii Slova Arbeit (Komparativnyi Aspekt) [On the Question of the Origin of the Word Arbeit (Comparative Aspect)]. Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal, no 8(39), part 4. Ekaterinburg, 2015. Pp. 104–109.
9. Karimova R. Kh. Kontsept «Trud/Len'» v Paremiologii Nerodstvennykh Yazykov (na Primere Nemetskogo, Angliiskogo, Russkogo, Bashkirskego i Tatarskego Yazykov): Dis. ... Kand. Filol. Nauk [The Concept of "Work / Laziness" in the Paremiology of

- Unrelated Languages (Based on German, English, Russian, Bashkirian and Tatar Languages)]. Ufa, 2004. 199 p.
10. Kokare E. J. Internatsional'noe i Natsional'noe v Latyshskikh Poslovitsakh i Pogovorkakh [International and National Elements in Latvian Proverbs and Sayings]. Riga: Zinatne Publ., 1978. 294 p.
 11. Lomakina O. V. Krylatika v Internet-Diskurse: Funktsional'no-Pragmaticheskii Aspekt [The Science of Catchphrases in Internet Discourse: the Functional and Pragmatic Aspect]. Paradigmал'nye Konteksty Frazеologii v XXI Veke. Materialy Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii. [Conference Proceedings]. Tula, 2018. Pp. 254–260.
 12. Lomakina O. V. Frazеologiya v Yazyke L. N. Tolstogo: Lingvisticheskii Kommentarii i Leksikograficheskoe Opisanie: Dis. ... Doct. Filol. Nauk [Phraseology in the Language of L.N. Tolstoy: Linguistic Comment and Lexicographical Description. Thesis]. St. Petersburg, 2016. 390 p.
 13. Mokienko V. M., Nikitina T.G., Nikolaeva E. K. Bol'shoi Slovar' Russkikh Poslovits [Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp Publ., 2010. 1024 p.
 14. Mukatdesova Ch. R. Kontsept "Trud" v Tatarskom i Nemetskom Yazykakh : na Materiale Poslovits i Pogovorok: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk [The Concept of "Labor" in the Tatar and German Languages: Based on Proverbs and Sayings. Abstract of Thesis]. Kazan', 2012. 26 p.
 15. Permyakov G. L. Osnovy Strukturnoi Paremiologii [Fundamentals of Structural Paremiology]. Issledovaniya po Fol'kloru i Mifologii Vostoka. Moscow: Nauka Publ., 1988. 236 p.
 16. Potebnya A. A. Estetika i Poetika [Aesthetics and Poetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1976. 614 p.
 17. Protasova E., Mustajoki A. «Мы» i «Они»: Russkie o Finnakh i Finny o Russkikh ["We" and "They": Russians about Finns and Finns about Russians]. Russkoe i Finskoe Kommunikativnoe Povedenie. 3rd Issue. Voronezh: Istoki Publ., 2002. Pp. 14–49.

18. Seliverstova E.I. Prostranstvo Russkoi Poslovitsy: Postoyanstvo i Izmenchivost' [The Space of the Russian Proverb: Constancy and Variability]. Moscow: Flinta Nauka Publ., 2017. 296 p.
19. Chlebda V. O Chem Dumaet Russkii Indyuk, ili Ob Ekvivalentakh Poslovits v Dvuyazychnom Slovare [What Does a Russian Turkey Think About, or About Proverbial Equivalents in a Bilingual Dictionary]. Katowice, 2008. no. 4 (124). Pp. 90–104.
20. Khramtsova O. A. Finskie Poslovitsy i Pogovorki i ikh Russkie Analogi [Finnish Proverbs and Sayings and Their Russian Analogues]. St. Petersburg: Karo Publ., 2011. 240 p.
21. Aforismi.lv [Aphorisms]. Available at: <https://aforismi.lv/sakamvards/16724> (Accessed 28.11.18).
22. Dictionary of Proverbs. G. L. Apperson, revised by Martin H. Manser and Stephen Curtis. – Wordsworth Editions Limited. – 2006. – 656 p.
23. Eksisozluk.com. Available at: <https://eksisozluk.com/omur-biter-is-bitmez-1924358> (Accessed 22.11.18).
24. Flonta Teodor. A Dictionary of English and French Equivalent Proverbs. De Proverbio, 2001 – Foreign Language Study – 255 p.
25. Kudirkienė Lilija. Patarlės interpretacija: diachroninis aspektas. Tautosakos darbai, 2007. [t.] XXXIII. P. 13-26.
26. Kuusi M. Mind and Form in Folklore. Selected Articles, ed. by Henni Ilomäki: Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994. 199 p.
27. Leparisien.fr. – [Electronic resource]. URL: <http://citation-celebre.leparisien.fr/citations/25683> (Date of acces 25.11.18).
28. Litena.ru. Available at: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000065/st045.shtml> (Accessed 22.11.18).
29. Mieder Wolfgang. Behold the Proverbs of a People: Proverbial Wisdom in Culture, Literature, and Politics. University Press of Mississippi, 2014. 489 p.
30. Mieder, Wolfgang. Proverbs: A Handbook. Westport: Greenwood Press, CT. 2004. 305 p.

31. Patarles.dainutekstai.lt Available at: <https://aforismi.lv/sakamvards/16724> (Accessed 22.11.18).
32. Walter H., Mokienko V., Komarowska E., Kusal K. Russko-Nemecko-Pol'skij Slovar' Aktivnyh Poslovic (s Inoyazychnymi Parallelyami i Istoriko-Kul'turologicheskimi Kommentarijami) [Russian-German-Polish Dictionary of Active Proverbs (with Foreign Language Parallels and Historical and Culturological Commentaries)]. Greifswald-Szczecin, 2014. 433 p.

**NATIONAL AND INTERNATIONAL ELEMENTS IN PROVERBS:
THE PROVERB РАБОТА НЕ ВОЛК, В ЛЕС НЕ УБЕЖИТ AND ITS
ANALOGUES IN DIFFERENT LANGUAGES**

Bredis M. A.

The article deals with the comparative linguistic and cultural analysis of analogs of the Russian proverb *Работа не волк, в лес не убежит* (*Work is not a wolf, it will not run away into the forest*) in Polish, Lithuanian, Latvian, German, English, French, Finnish, Bashkir, Tatar, Turkish and Tabasaran languages. A generalized basic idea (proverbial condensate) is used to comparing and searching for semantic equivalents. Proverbial condensates have primarily the international character. Condensed idea of the Russian proverb is expressed by the phrase “work can wait”. A comparative analysis shows that the proverbs from twelve different languages can be pronounced in a context appropriate to the semantics “work can wait”, which indicates the international character of this proverbial idea. In the paroemias of most of the languages in question, the work is associated with metaphoric images of common animals and birds – a wolf, a bear, a hare, a frog, a falcon, or a bird. The proverbs of the Finnish, Tabasaran and Turkish languages contain the idea of the infinity of the work process and haven't metaphors. English and French proverbs in question have the most extensive semantics. All considered proverbs in varying degrees are equivalents of the Russian proverb about the work and the wolf.

Keywords: paremiology, comparative analysis, proverb, paremia, linguistics, equivalent, linguoculturology.

УДК 811.111-26

СТИЛЕВОЙ АСПЕКТ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПАССИВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Князева Н. А.

Институт иностранной филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
e-mail: nak-1207@mail.ru

В статье представлена парадигма категориальных и некатегориальных средств выражения пассивности, противопоставленных в функциональном аспекте по участию в формировании стиля научного текста. Результаты исследования раскрывают стилевое своеобразие залоговых словоформ в построении коммуникативной стратегии изложения научной информации, что свидетельствует о том, что залоговость не замыкается только на морфологической основе глагола, а в определенном контексте проявляется в межуровневой транспозиции глагольных и именных частей речи. Такой подход приводит к расширенной трактовке инвариантного значения с учетом не только морфологических, но и некатегориальных показателей залога, выполняющих определенную функцию в формировании конструктивности научного стиля. Вариативность различных типов пассива способствует реализации одной из главных прагматических установок на акцентирование внимания адресата на фрагментах новых знаний и наиболее ценных информативных участках научного текста. Определение стилового потенциала пассивных структур при выражении коммуникативных намерений автора научной информации строится с учетом структурных, семантических, прагматических и когнитивных факторов, которые находят свою реализацию в морфологической форме пассива, лексическом значении глагола, именных частей речи с семой пассива и синтаксической конструкции. Представленный исследовательский материал подтверждает многомерность грамматического противопоставления внутри пассивности на основе выявления семантических особенностей и функциональной предназначенности языковых средств пассивности, которые рассматриваются как стилистические маркеры научной речи.

Ключевые слова: *залог, пассив, вариативность, инвариант, стиль, дискурс, интенция, стратегия.*

ВВЕДЕНИЕ

Стиль научного повествования требует использования определенных языковых средств актуализации интенций автора-исследователя, адресанта. Очевидным является то, что форма сообщения научных сведений обусловлена особенностями научного мышления, проявляемого в отвлеченно-обобщенном характере и строгой логичности, точности, абстрактности, что обнаруживается в наличии определенного лексического наполнения текста, грамматического состава и синтаксической организации подачи информации. Будучи ведущим признаком научного изложения, объективность в сочетании с последовательностью, аргументированностью авторской позиции обеспечивает конструктивность научного содержания. В связи с

этим возникает проблема личностного аспекта формы изложения, т.е. насколько логико-гносеологическая основа познания допускает присутствие эмоциональных, интуитивных элементов, связанных с творческим воображением автора. Именно присутствие залоговых форм пассива в научном контексте, как стилеобразующего фактора, позволяет избежать выражения субъективного мнения.

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на широкое употребление пассивных конструкций в текстах научного дискурса, с помощью которых достигается общий безличный характер изложения, где указание на деятеля не находит эксплицитного выражения в структуре предложения (М. Я. Блох [2], Ю. А. Левицкий [12], В. В. Гуревич [8], Г. Г. Сильницкий [19], Л. М. Медведева [14], Л. П. Буланин [5], Н. А. Купина [11], Н. И. Ключина [10]). Результаты исследования функционирования пассивных конструкций в научной прозе кладутся в основу дальнейшего изучения, направленного на раскрытие их стилеобразующего потенциала. Таким образом, структурно-грамматические характеристики категории залога дополняются функционально-семантическим аспектом, предполагающим выявление не только морфологических категориальных признаков словоформ, а также их семантического наполнения и стилистической предназначенности. **Актуальность** исследования продиктована необходимостью расширения исследовательской базы морфо-синтаксических конструкций залога и его вариативных форм для осуществления их систематизации в составе парадигмы научного текста и установления их стилеобразующей роли в реализации конструктивного принципа построения научного стиля. Постановка проблемы в таком ракурсе требует решение следующих **задач**:

- изучить особенности выражения инвариантного грамматического значения направления глагольного действия в парадигме категориальных и некатегориальных форм пассивного залога как проявления прагматической вариативности в научном тексте;
- рассмотреть функциональную значимость вариативных залоговых форм с учетом обусловленности категориальной семантики и контекстуальных условий речевой реализации в научном тексте.

Объектом исследования является функционально-стилевая специализация глагольных и именных единиц с пассивным значением в построении коммуникативной стратегии изложения научной информации. **Предмет** исследования – категориальные глагольные формы страдательного залога, также комплекс разноуровневых единиц с семьей пассива (существительных, прилагательных, наречий). Иллюстративный материал включает формы выражения залоговой семантики, которые анализируются по структуре, значению и характеру употребления в научном повествовании (всего исследовано 856 языковых единиц, взятых методом сплошной выборки из статей зарубежных лингвистов, опубликованных в «Хрестоматии по английской филологии» [22]). **Новизна** исследования заключается в том, что оно расширяет рамки морфологического анализа грамматической категории залога за счет описания функционально-стилевого аспекта пассива, выявляющего один из его признаков: вариативность выражения залогового значения пассивности разноуровневыми единицами с учетом контекстуально-ситуативных условий актуализации их информативной значимости.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЗАЛОГОВОЙ ФОРМЫ ПАССИВА

В свете поставленной цели обратимся к анализу парадигматических признаков залоговости морфологических форм, формирующих грамматическую категорию на основе оппозиционной соотнесенности по грамматическому значению. В интерпретации английской грамматики реализация инвариантного значения грамматической категории залога предполагает вариантность значения соотношения субъекта и объекта относительно исполнения действия, выраженного в противопоставлении парадигматических форм действительного залога (Active voice) и страдательного залога (Passive voice), маркированного наличием формально-прерывистой морфемы “to be + en”. Инвариантное значение залога рассматривается как мера грамматически выраженной направленности действия, варианты которой представляют собой видовые понятия, широко трактуемые как “действие”, “субъект”, “объект”. Традиционная морфологическая трактовка основана на том, что

залог категориально отражает один из параметров его морфологического изменения; в составе бинарной оппозиции английской глагольной категории залога пассив считается чем-то вторичным, производным от актива.

Однако многими учеными понимание пассива как конверсии актива ставится под сомнение; предполагается его обязательная выраженность и в нулевой морфеме. Т. В. Булыгина замечает, что «негативный признак следует трактовать скорее как признак, чем как отсутствие признака, и расчлененность/нерасчлененность как отображение реального свойства глагольного действия» [6, с.231]. Важно отметить также специфику природы дополнения или семантики глагола в контексте переходности/непереходности, которая рассматривается как условие пассивизации для выражения внешней формы действия; также есть глаголы (например, *receive, get, undergo, suffer, require, encourage*), которые своей активной формой передают пассивное значение. В семантическом отношении немаркированная словоформа нагружена определенным значением, отличаясь при этом своей сферой контекстного функционирования. Выражая значение направления действия, разные группы глаголов принимают эту форму с соответствующими системными вариациями, демонстрируя разную степень функционально-семантической тождественной отнесенности со значением залоговости при полном совпадении семантической и синтаксической структур предложения или при их несоответствии (что нашло отражение в учении В. С. Храковского [24]). В свете таких лингвистических наблюдений ряд исследователей, среди них А. В. Бондарко [4], Н. Н. Раевская [17], Ю. А. Левицкий [12], поднимают вопрос о необходимости осознания парадигматического строения не только грамматических форм слова, но и их значений. Очевидным является факт внутренней закономерности, лежащей в основе грамматической категории, которая заключается в снятии противопоставления по направленности действия, т.е. семантической нейтрализации оппозиции. Важно отметить высказывание ученого-слависта О. М. Соколова о том, что “в залоге все построено на актуализации и погашении сем и то, что погашение сем – это обычный для грамматики процесс” [цит. по: 15, с.37].

При описании семантики грамматических форм залога обязательным представляется учитывать характер соотносительности парадигматической семантики формы с семантикой заполняющих ее лексем. Таким образом, очевидна специфика лексической детерминации вариантов категории пассива, функционирующих в том или ином тексте. О. М. Соколов в своей работе «Имплицитная морфология русского глагола. Морфемика» призывает отказаться от «иллюзорного представления об исключительности для морфологии только формы слова» [20, с.6]. Языковед обращает внимание на «необходимость выявления заложенной в глагольной форме системы значений, порожденной и сформированной контекстом для установления характера функциональной зависимости, в которой данная форма находится от контекста» [20, с.7]. С этой точки зрения нельзя не упомянуть мнение Л. М. Медведевой, которая подчеркивает важность критического переосмысления чисто морфологического подхода к залогу на основе того факта, что «грамматическая категория залога не замыкается на глагольной основе и для ее определения следует привлекать другие члены предложения» [14, с. 9]. Поэтому своеобразие категории залога заключается в ее привязанности не только к морфологии, но и лексико-синтаксической синтагматике. Г. Г. Сильницкий констатирует, что «парадигматический состав залога зависит от лексико-семантических классов глаголов: залоговые формы не только морфологически соотносимы с синтаксической структурой, но и через лексический тип глагола» [19, с.78]. Суммируя высказанные положения, отметим, что для того чтобы правильно выстроить парадигму залоговости, за основу следует брать не отношения между объектом и субъектом, что свойственно морфологическому пассиву, а отношения между действием и объектом как носителем глагольного признака. Л. М. Медведева настаивает на изучении залога с точки зрения семантики по принципу направления действия глагола. Она подчеркивает, что «значение пассивности может быть выражено не только пассивной глагольной формой, но и определяться семантической структурой производных от глагола – существительных, прилагательных, наречий; реализации значения пассивности указанными частями речи происходит благодаря их словообразовательным и семантическим глагольным связям» [14, с.75]. Автор

рассматривает залог как многоуровневую систему, что положено в основу проводимого исследования. В связи с этим ставится проблема обусловленности значений и форм их выражения в пределах парадигматической семантики. Такой подход требует вынесения за пределы бинарной противопоставленности (активная/пассивная реализация действия) с уточнением трактовки инвариантного значения с учетом не только морфологических, но и разноуровневых единиц с семьей пассива.

Иллюстративный материал анализируемых научных статей обнаруживает определенные типы категориальных форм пассива, которые различаются по составу формирующих компонентов с учетом направленности глагольного процесса по отношению к носителю признака: **прямая пассивная конструкция:** глагол + прямое дополнение; подлежащее (пациенс действия): *the situation is mapped, the number is not always shapely limited, the units are permitted in the grammar*; **косвенная пассивная конструкция:** глагол + прямое/косвенное дополнение; подлежащее (бенефициант действия): *effect is inspired by prototypical terminology, the expression was determined by its profiling, researchers are confronted by the problem*; **предложная пассивная конструкция:** глагол + предложное дополнение; подлежащее (пациенс действия): *the following observation is summed up, more choices are gradually taken up, semantic content is accounted on*; **субъектно-предикативная пассивная конструкция:** глагол+компонент вторичной предикации; подлежащее (агенс-пациенс / пациенс-пациенс): *meanings can be derived from, a noun to be claimed as, the region is further specified as being bounded, basis for the area being distinguished*; **безличная пассивная конструкция (it is):** *it is assumed that ..., it has been represented, it is structured in the sense that ...*

В анализируемом контексте выделены также средства, принадлежащие различным языковым уровням как некатегориальный пассив, которые были классифицированы следующим образом (на основе подходов Л. М. Медведевой [14], А. М. Ключиной [10], Н. А. Аверьяновой [1]): **глагольные средства: глагольно-финитные с действительной залоговой формой:** *the article deals with, changes undergo, the pattern appears to point*; **нефинитные (инфинитивные, герундиальные**

конструкции): *that is another question worth asking, the structure requires defining, to analyse with precision, meaning to encode*; **семантические, синтаксические и словообразовательные средства выражения пассивности**: **отглагольные производные**: **прилагательные**: *eligible, advisable, conceivable, appreciable, considerable*: *verbally expressible, reliable findings, preferable methods, usable devices*; **существительные**: *inaction, reference, use, acquisition*: *mental representation, cultural comparisons, correspondence rules, subset of structures*; **наречия**: *generally, seemingly, unavoidably, conclusively*: *allegedly committed, supposedly verify, sustainably exist*; **отдельные именные части речи с семой пассива**: **существительные**: *convention, presence, intelligibility*: *living interaction, additional evidence, visible versatility*; **прилагательные**: *incompatible, abusive, dismissive*: *available devices, languages are inventory, incomplete research*; **наречия**: *popularly, commonly, similarly*: *invariably recognize, equally interpreted, more or less instantaneously*; **глагольно-именные номинализованные конструкции**: *they always undergo interpretation, it involves reconstruction, has no positive response, will bring out attention*; **причастные конструкции**: *several submissions endorsed, basic levels related, mapping between syntax and meaning, labelled source categories*; **предложно-именные сочетания**: *the style was above consideration, urgent after speculations*; **безличные конструкции** “*it is/there is*”: *there is also no distinction between processes, there is little explicit explanation, it is perceivable, it is a sequential scanning*. Приведенные типы неоднородны по своему составу и семантической значимости. Они представлены как большими разрядами словесных единиц, образованных по одной модели, так и небольшими группами, а также единичными образованиями.

Выводя данное исследование за пределы морфологического анализа, считаю необходимым констатировать положение о том, что трактовка залога не ограничивается грамматической глагольной категорией, а его многомерность может быть раскрыта на основе анализа морфологических, синтаксических и лексических показателей актуализации значения пассивности в тексте. Отобранный иллюстративный материал научного текста позволяет вскрыть внутрисистемную обусловленность парадигматических форм пассивности, категориальных и

некатегориальных, с точки зрения их функциональной направленности для создания стиля научно-аналитической статьи как жанра научной речи.

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ФОРМ ПАССИВА

Для того, чтобы определить функциональный потенциал выделенных пассивных структур при выражении коммуникативных намерений автора научной статьи, необходимо учитывать структурные, семантические, прагматические факторы, которые находят свою реализацию в научном повествовании в виде определенного речевого хода от мотива замысла, семантической схемы и до образования синтаксической структуры. Важным является выделение «мотивационной стадии порождения, которая определяет выбор языковых средств на последующих стадиях, а также заключается в оказании воздействия на читателя или слушателя. На данном этапе сознание обрабатывает языковую информацию, изучает ситуацию и занимается осуществлением когнитивной подготовки замысла к дальнейшей трансформации» [10, с.122]. Переход к изучению коммуникативно-функциональной значимости языковых средств пассива, реализуемых в научном дискурсе, связан с выявлением их дискурсивной обусловленности:

- **функция** – передать научное профессиональное знание и доказать его истинность;
- **коммуникативная целеустановка** – представить фактуальную информацию о результатах научного исследования, мотивируя научный интерес и желание логически мыслить со стороны адресата, целевой аудитории;
- **композиция** – введение научной темы с точки зрения теоретической значимости, перспектив анализа, гипотезы;
- **основное содержание** – раскрывающее стадии научного исследования, теоретическую концепцию и методологию ее развития, доказательную базу, основные результаты исследования;
- **логическая последовательность** – построенная на основе развития стратегии логической аргументации: причина и следствие, условие и уступка, проблема

и решение, утверждение и аргумент, доказательство и подтверждение, обобщение и конкретизация, итог и рациональная оценка;

- **заключение** – с суммированием полученных знаний.

В таком контексте раскрывается степень участия форм пассива в текстообразовании для передачи определенной композиционной и смысловой структуры текста; выясняются причины предпочтения пассива в тексте научного дискурса, задача которого основана на строгом, четком и логически построенном изложении определенных научных фактов или характеристик. Установление значений категориальных/некатегориальных форм пассива осуществляется на фоне прагматической направленности пассивных конструкций, роль которых проявляется в передаче смысла текста, исходя из основной функции научного повествования, указанной выше. В тесной связи с прагматическими находятся семантические факторы выбора пассива: в информационном потоке, в соответствии с прагматическими факторами, языковым единицам присваиваются семантические роли (агенса, объекта, пациенса, бенефицианта). Коммуникативно-прагматическая организация научного высказывания выражается через его семантику как совокупности этих ролей, когда выделяется научно значимая информация и ставится в фокус внимания. Иными словами, в соответствии с тематической значимостью семантические роли получают субъектно-объектный статус в синтаксической структуре предложения через залоговые формы пассива, которые демонстрируют разную степень стилеобразующей активности. Например, употребление категориальных средств является продуктивным для **научного описания** внутри статьи. Их компоненты, показывая расстановку участников описываемой ситуации, на самом деле отражают не изменение состава, а изменение того, как автор желает представить описываемый объект исследования, обеспечивая наиболее емкое, полное, достоверное изложение: научный факт не только констатируется, но и интерпретируется за счет отсылки через пассив к общим или прежним знаниям: *e.g.* «*The apparent grammatical identity of the sentences is removed when algebraic symbols are assigned to their parts and tree-diagrams of the type shown above are provided for each of them*» [22, p.173]. В сравнении, **научное рассуждение** за счет отглагольных

прилагательных и наречий звучит более ярко благодаря наличию модальных и оценочных значений: *e.g.* «*Now it may well be that ultimately all activity is, in principle, explainable in terms of physical entities and events, the chemistry, electro-magnetism, etc., involved in the cells of the human brain*» [22, p.93]. «*The facts, especially those concerning predisposing factors, are totally unknowable and no more open to observation than the thought and image*» [22, p.93]. Рамки статьи не позволяют в полном объеме развернуть системный анализ вариативных залоговых единиц; обратим внимание на ряд интересных наблюдений.

Выборки из научных статей подтверждают тот факт, что залоговость категориальных морфологических форм пассива (прямых, косвенных, предложных) ассоциируется со структурной **стереотипностью** в их употреблении как одного из принципов композиционной упорядоченности научного текста. Можно утверждать, что подобная стандартизация свидетельствует об адекватной передаче модели научной информации в соответствии с четко поставленной коммуникативной целью: излагать факты (*only three basic types of units are posited*), формулировать доказательства (*the novel symbolic structures have not been well-defined yet and cannot be derived by the limited mechanisms of an autonomous grammar*), выражать идеи (*the inventory of conventional units is structured in the sense that...*) – когда содержательно-фактуальная информация передается языковыми единицами в их прямых предметно-логических словарных значениях. С этой точки зрения пассив рассматривается в данных условиях как явление функционально оправданное в силу наличия факторов, обеспечивающих его речевую закрепленность. Иллюстративный материал показывает, что, обладая структурной жесткостью, пассив представляет собой четко обозначенный стереотип с устоявшимся лексическим наполнением и отличается предсказуемостью в употреблении синтаксически организованных грамматических единиц. Особенность такого пассива заключается в том, что глагол в соответствующей форме имплицитруется контекстом, который определяет направление предикативного признака для выражения понятий, обеспечивающих объективно-логическую систематизацию научного материала: логическое развитие содержания и точность его выражения не допускает субъективных отклонений: *e.g.*

«Words are so predominant in language, and a dictionary is so much regarded as the entire register of a language, that we are sometimes tempted to think that there is nothing else to consider» [22, p.193]. Возникает вопрос: насколько допустима открыто заявленная авторская точка зрения, насколько она предсказуема как существенная часть информативного высказывания; можно ли говорить об устойчивости контекста, что строится на выборе фактов для описания, толкования, последовательного изложения. Такая целевая установка способствует регулярному воспроизведению морфологической формы и в конечном итоге стереотипу восприятия излагаемой информации, диапазон которой варьирует в зависимости от жанра научного текста. Залог, таким образом, употребляется не как отдельная морфо-синтаксическая единица, конструкция, а как определенная схема процесса подачи информации, создавая форму определенного жанра научного текста и влияя на смысловую трактовку излагаемой темы.

Анализ типов категориального пассива в научном контексте (прямые, косвенные, предложные, субъектно-предикативные, безличные) выявил важную закономерность их употребления: одна из основных функций при построении текста заключается в **тематизации** уже упомянутого объекта путем продвижения его на место подлежащего. Специфической функциональной характеристикой подлежащего пассивной структуры является, таким образом, «фокус внимания», определяющий направление действия, выраженного сказуемым. Следовательно, употребление пассивных форм можно рассматривать по их участию в процессе распределения смыслового объема, т. е. в вычленении максимально релевантной информации. Г. Г. Сильницкий называет пассив «определенной тактикой фиксирования намерения говорящего» для развертывания функциональной перспективы всего дискурса, обеспечивая его семантическую и тематическую целостность [19, с.46-47]. Другими словами, в позицию подлежащего попадает семантический компонент, который должен оказаться той исходной точкой, с которой начинается интерпретация фрагмента информации. Именно подлежащее, представленное в пассиве пациенсом, показывает направление рассмотрения информации. К семантическим ролям привязан глагол, ядро предикации,

обуславливающий дальнейшее расширение структуры по своей валентности, а именно: с прямым дополнением, которое становится подлежащим (*perceive, consider, investigate, imply, discuss, discover, refer, determine, evaluate, integrate, constitute, influence, distinguish*); с прямым и косвенным дополнением, обозначающим адресат действия (*adhere, allege, compel, infer, assume, suppose, actuate, attempt, propose, intend*); с косвенным дополнением, обозначающим бенефицианта, т.е. лицо, ради которого осуществляется действие (*interpret, organize, identify, interact, affect, differentiate, describe, translate, dictate, ascribe*). Пассив, участвуя в организации тематической прогрессии текста, обеспечивает его коммуникативную связность, а синтаксические залоговые структуры следует рассматривать как «процессы, фиксирующие мотив говорящего, возникший на прагматическом уровне, получивший конкретизацию семантики на дальнейшем этапе развития дискурса» [11, с. 147].

Выбор любой пассивной конструкции в анализируемых статьях, включая некатегориальные формы, зависит от целей, которые ограничивают отбор информации для научного сообщения и выделяют фрагменты, имеющие особый информационный статус. А. А. Купина отмечает «социально-ролевой характер научной коммуникации при наличии типизированных адресанта и адресата научного общения» [11, с.146]. Автором текста всегда является специалист в области научного знания, адресат же абстрагирован в силу того, что научный текст нацелен на «неопределённо долгое хранение знания». Понятия массового, либо личного общения в рамках научной речи несущественны, поэтому прагматический акцент в научном тексте делается на универсальности взгляда автора на природу вещей, что предполагает актуализацию иной стратегии, построенной на использовании пассива. Необходимость его употребления связана с возможностью оставить невыраженным субъект действия, и это тем самым помогает отвлечь внимание от производителя названного глагольного действия. Общий безличный характер изложения, являясь характерным стилевым маркером научной речи, влечёт за собой повышение частотности пассивных конструкций и почти полный отказ от личных местоимений первого и второго лица в стремлении к максимально объективному изложению

обсуждаемой проблемы. Важно доказать, что субъект действия не может быть представлен как намеренно устраненный: неличная форма сообщения возникает прежде всего как следствие воздействия факторов жанрово-стилевого коммуникативного характера; пассив воспринимается как способ привлечения внимания к тем элементам, которые важны для понимания научного смысла сообщаемого.

С точки зрения выделяемых по своей значимости семантических ролей типов пассивных словоформ, определяются три ключевых смысловых понятия: неизвестность, неактуальность/неважность, обобщенность. **Неизвестность**, имплицитруемая пассивной структурой, воспринимается как **незнание деятеля**, исполнителя какой-либо деятельности (отсутствие источника; восприятие не затруднено; адекватность сообщения строится на рассуждении) либо как его **очевидность**, исходя из научного контекста или общих знаний (представительство концепции, школы; широко распространенное мнение; важен результат, а не источник; общепринятая истина; не упоминание личности по соображениям такта). Активный залог предполагает причастность к концепции, доказательствам, суждениям, что приводит к созданию меры ответственности, не всегда желательной. Поэтому в ряде случаев наличие неизвестного деятеля обусловлено авторской интенцией **снять ответственность** за излагаемую информацию, продиктованную нежеланием или невозможностью называть деятеля по объективным причинам. Выбор пассивности, подразумевающей **“неважность”** деятеля, может быть объяснен прагматической целью автора придать информации особую объективность, сфокусировав внимание на результате действий для представления важности научных исследований. Далее, бессубъектность через пассив часто реализуется как **“неопределенность”** в виде неопределенной множественности по фактору неизвестности, отсутствия индивидуальности, незначительности для содержания информации. Личный момент снимается также в обобщенности подачи смысла, в максимально абстрагированной форме, что допускает **включение адресата в сферу научных интересов автора** как индивидов определенного сообщества. Но при этом, нельзя не учитывать тот факт, что восприятие адресата является не только

познавательным, но и эмоциональным, что очень важно для сближения читательского интереса с авторским. Ведь именно на этом строится установление речевого контакта для успешности информационного взаимодействия. В таком коммуникационном процессе значимо наличие таких факторов, как отношение к знаниям, возможность заблуждений и сомнений, предрасположенность к убеждению и развитию новых идей и т.д.; кстати, психологи рассматривают эмоции как физиологический механизм, компенсирующий недостаточность информации, что обеспечивает выработку стратегии для поиска новой информации.

Выделенные некатегориальные формы пассива вскрыли наличие личного оценочного момента в научном повествовании, нацеленного на привлечение внимания к научному явлению через внушение отношения заинтересованности. Не в этом ли срабатывает эффективность ненавязчивого **сотрудничества автора** с потенциальным субъектом познания, психологически воздействуя на осознание его способности быть вовлеченным в научный процесс творчества: e.g. *In descriptions of word differences, the treatment of grammar and pronunciation is fairly superficial [22, p. 241]. Speech which is limited to the sentence-word, or similar sequences of sound erroneously regarded as elliptical, can mediate co-operative action only with reference to a context of experience similarly verbalized in the habits of participants and perceptually present to them [22, p.65].* Вырисовывается **коллективный субъект**, включая коммуникатора (стремящегося опереться на обобщенный опыт), коммуниканта и воображаемую широкую аудиторию. Неудивительно то, что большая часть научного общения осуществляется в рамках коллективной языковой деятельности. Обобщенность, создаваемая пассивом, привносит в научное повествование некую размытость, делая его ограниченным и менее конкретным.

Отсутствие морфологической маркированности в некатегориальных средствах показывает, что словообразовательные и семантические глагольные связи являются приоритетными в трактовке залогового значения. Семантическая структура производного слова строится на назывании отношения одного категориального значения (предметности, признаковости) к другому – процессности. Средства выражения пассивности демонстрируют особый способ подачи материала, при

котором автор сообщает об известных ему фактах, событиях, признаках в отвлечении от конкретно-временных условий их реализации. При помощи таких средств передается наиболее существенная информация, что усиливает впечатление научной объективности информации. Например, глагольно-именные номинализованные конструкции через обратную направленность действия подчеркивают невозможность субъективного вмешательства в ход описания научных фактов: *e.g.* «*Speech made an end of the individual*» [22, p.65]. «*Significantly the recent British development of Firthian linguistics lays no special weight on prosodic phonology, but is primarily an articulation of his general theory of language*» [22, p.122]. И их следует отметить как элементы речевой тактики, которые способствуют разъяснению научных фактов. Ориентация на выразительность носит чисто индивидуальный характер, лишена признака формализованности и допускает актуализацию смысловых возможностей, соотносимых со значением всего текста в целом. Особые случаи использования некатегориальных средств выражения пассивности для **объективизации** утверждения выделяют пассив с отглагольными производными с семей «обезличивания процесса»: *widely useful, thoroughly described, fully realized, preferably, undecidedly, undoubtedly, undeservedly, unmanageably, unmistakably, unspeakably*. Например, пассивные структуры с отглагольными наречиями, выражая отношение к представленному научному фрагменту в целом, имплицитно присутствуют некоторого числа деятелей; в таком случае пассив используется как **прием аргументации**, нацеленный на обоснование **достоверности** передаваемой научной информации. Более того, анализ таких средств пассивности показывает изменения в трактовке инвариантного значения: процессный признак находится **вне субъекта или объекта**, а привносится извне. Отглагольные наречия и прилагательные выражают согласие автора с общепринятым известным мнением, а имплицитный деятель объединяет автора как представителя научной школы, ряда ученых и читателя. Таким образом создается эффект **вовлеченности** в научную проблематику, в основе которой лежит информация, как принятая всеми истина.

На фоне общей картины функционирования пассивного залога для создания **объективного, достоверного и безличного характера научного изложения**,

отмечается его роль в актуализации имплицитных интенций автора научной статьи **воздействия** на получателя информации, адресата. В научном повествовании передача знаний обязательно ориентирована на профессиональную аудиторию, поэтому его прагматическая задача основана на коммуникативно-прагматических установках, что подразумевает создание воздействующего, убеждающего и оценочного эффекта. В этом усматривается перспектива анализа контекста конкретных научных статей, что позволит систематизировать пассивные конструкции вокруг выделенных позиций для реализации стратегии аргументации как составляющей стиля научного текста.

ВЫВОДЫ

1. Стилиевой аспект употребления пассива характеризуется наличием языковых средств, глагольных и именных, функциональная значимость которых проявляется в их роли в построении определенного жанра научного дискурса, научной статьи, с учетом признаков композиционно-смысловым целостности и дискурсивно-прагматических факторов, выстраивающих достоверность изложения информации в соответствии с авторской интенцией.
2. Будучи представленными в пассивной предикации, залоговые словоформы принимают участие в формировании научного стиля, выполняя характерную функцию сообщения максимально релевантной информации и передачи научной объективности при безличности изложения.
3. Совокупность языковых средств пассива ограничивает отбор информации для научного сообщения. Тенденция к стандартизации морфологических форм свидетельствует о речевой закреплённости, что формирует схему подачи фактуальной научной информации для обеспечения объективно-логической систематизации материала.
4. Пассив, являясь одним из языковых способов подачи объективной информации, не исключает проявление авторской индивидуальности в жанрах научного повествования. Фактуальная информация, прагматически ориентированная на мотивацию научного интереса, более продуктивно реализуется через именные

средства, которые раскрывают характер имплицитных интенций автора в научных рассуждениях, воздействующих на получателя научной информации.

5. Организация лексического и грамматического материала в пассивности показывает, что субъект действия, оставаясь не выраженным, допускает наложение на категориальное значение дополнительных оттенков многократной повторяемости, истинности, целесообразности, допустимости, отвлеченности, объективной значимости, обобщенности.
6. Функциональные особенности пассива выявляют создание в тексте особых условий выразительности языка научной прозы, которая заключается в краткости и точности выражения научной мысли при информативной насыщенности всего его состава.

Список литературы

1. Аверьянова, Н. А. Средства выражения неморфологического пассива в современном английском языке [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. А. Аверьянова. – Ленинград, 1984. – 160 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sredstva-vyrazheniya-nemorfologicheskogo-passiva-v-sovremennom-angliiskom-yazyke>. – (Дата обращения : 17. 01. 2018).
2. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики [Текст]: Учебник / М. Я. Блох. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Дубна: Феникс+, 2016. – 248 с.
3. Богданов, В. В. Залог и семантика предложения [Текст] / В. В. Богданов // Проблемы теории грамматического залога. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 37–43.
4. Бондарко, А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий [Текст] / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1976. – №2. – С. 3–14.
5. Буланин, Л. Л. Категория залога и функционально-семантическое поле залоговости [Текст] / Л. Л. Буланин // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции. – 2001. – С . 179–189.

6. Булыгина, Т. В. Проблемы теории морфологических моделей [Текст] / Т. В. Булыгина. – Москва: Наука, 1977. – 287 с.
7. Владимирова, Т. Л. Язык и стиль научного текста: учебное пособие [Текст] / Т. Л. Владимирова. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 80 с.
8. Гуревич, В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст] : Учебное пособие / В. В. Гуревич. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 168 с.
9. Клушина, Н. И. Коммуникативная стилистика [Текст] / Н. И. Клушина // Мир русского слова. – 2008. – №4. – С. 68–72.
10. Ключина, А. М. Средства выражения пассивности в английском языке в синхронии и диахронии [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. М. Ключина. – Самара, 2012. – 157 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sredstva-vyrazheniya-passivnosti-v-angliiskom-yazyke-v-sinkhronii-i-diakhronii>. – (Дата обращения: 21. 11. 2017).
11. Купина, Н. А. Матвеева, Т.В. Стилистика современного русского языка [Текст] / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – Москва: Юрайт, 2013. – 416 с.
12. Левицкий, Ю. А. Теоретическая грамматика современного английского языка [Текст] / Ю. А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2004. – 156 с.
13. Манаенко, Г. Н. Лингвистические координаты понятия "дискурс" [Текст] / Г. Н. Манаенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №4(029). – С. 82–83.
14. Медведева, Л. М. Части речи и залог [Текст] / Л. М. Медведева. – Киев: Вища школа, 1983. – 143 с.
15. Материалы 3-й Международной научной конференции “Лингвистические чтения памяти профессора О.М.Соколова” [Текст]. – Симферополь: 2012. – 308 с.
16. Полховская, Е. В., Князева Н. А. Интерпретация текста: вариативность стилей [Текст]: учебное пособие / Е. В. Полховская, Н. А. Князева. – Симферополь: 2017. – 110 с.

17. Раевская, Н. Н. Теоретическая грамматика современного английского языка [Текст] / Н. Н. Раевская. – Киев: Вища школа, 1976. – 304 с.
18. Разинкина, Н. М. Функциональная стилистика [Текст] / Н. М. Разинкина. – Москва: Высшая школа, 1989. – 182 с.
19. Сильницкий, Г. Г. Предикативное отношение и его роль в пассивном преобразовании [Текст] / Г. Г. Сильницкий // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – 1981. – С. 39–45.
20. Соколов, О.М. ИмPLICITная морфология русского глагола. Морфемика: Учебное пособие [Текст] / О.М.Соколов. – Москва: Издательство Университета дружбы народов, 1991. – 77 с.
21. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость [Текст] / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СанктПетербург: Наука, 1991. – 364 с.
22. Хрестоматия по английской филологии [Текст]: Учебное пособие / Сост. О.В.Александрова. – Москва: Высшая школа, 1991. – 253 с.
23. Холодович, А. А. Диатезы и залоговые конструкции [Текст] / А. А. Холодович – Ленинград: Наука, 1974. – 383 с.
24. Храковский, В. С. Пассивные конструкции. Формально-семантическая классификация пассивных глагольных форм [Текст] / В. С. Храковский // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СанктПетербург: Наука, 1991. – С.141–174.

References

1. Aver'yanova N. A. Sredstva Vyrazheniya Nemorfologicheskogo Passiva v Sovremennom Angliyskom Yazyke: Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Devices of Expressing Non-morphological Passive in Modern English]. Leningrad, 1984. Available at: <http://www.dissercat.com/content/sredstva-vyrazheniya-nemorfologicheskogo-passiva-v-sovremennom-angliiskom-yazyke>. (accessed 17 January 2018).
2. Blokh M. Ya. Teoreticheskie Osnovy Grammatiki: Uchebnik [Theoretical Foundations of Grammar]. Dubna: Nauka Publ., 2016. 248 p.

3. Bogdanov V. V. Zalog i Semantika Predlozheniya [Voice and Semantics of a Sentence]. Problemy Teorii Grammaticheskogo Zaloga, 1978, pp. 37–43.
4. Bondarko A. V. Formoobrazovaye, Slovoizmenenie i Klassifikaciya Morfologicheskikh Kategorii [Formation, Word Derivation, Classification of Morphological Categories]. Voprosy Yazykoznaniiya, 1976, no 2, pp. 3–14.
5. Bulanin L. L. Kategorija Zaloga i Funktsional'no-Semanticheskoe Pole Zalogovosti [Category of Voice and Functional-Semantic Field of Voice]. Teoreticheskie Problemy Funktsional'noi Grammatiki: Materialy Vserossiiskoi Nauchnoi Konferentsii, 2001, pp.179–189.
6. Bulygina T. V. Problemy Teorii Morfologicheskikh Modelei [Problems of Theory of Morphological Theories]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 287 p.
7. Vladimirova T. L. Yazyk i Stil' Nauchnogo Teksta: Uchebnoe Posobie [Language and Style of Scientific Text]. Tomsk: Politechnical Institute Publ., 2010. 80 p.
8. Gurevich V. V. Teoreticheskaya Grammatika Angliyskogo Yazyka. Cravnitel'naya Tipologiya Angliyskogo i Russkogo Yazykov [Theoretical Grammar of the English Grammar. Comparative Typology of English and Russian]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2003. 168 p.
9. Klushina N. I. Kommunikativnaya Stilistika [Communicative Stylistics]. Mir Russkogo Slova, 2008, pp.68–72.
10. Klyushina A. M. Sredstva Vyrazheniya Passivnosti v Angliiskom Yazyke v Sinkhronii i Diakhronii: Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Devices of Expressing Passivity in Synchrony and Diachrony]. Samara, 2012. Available at: <http://www.dissercat.com/content/sredstva-vyrazheniya-passivnosti-v-angliiskom-yazyke-v-sinkhronii-i-diakhronii>. (accessed 21 November 2017).
11. Kupina N. A. Stilistika Sovremennogo Russkogo Yazyka [Stylistics of Modern Russian]. Moscow: Yurait Publ., 2013. 416 p.
12. Levitskii Yu. A. Teoreticheskaya Grammatika Sovremennogo Angliyskogo Yazyka [Theoretical Grammar of Modern English]. Perm': 2004. 156 p.

13. Manaenko G. N. Lingvisticheskie Koordinaty Ponyatiya "Diskurs" [Linguistic Parameters of the Concept of "Discourse"]. *Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki*, 2011, pp. 82–83.
14. Materialy 3 Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii "Lingvisticheskie Chteniya Pamyati Professora O. M. Sokolova" [Materials of 3rd International Scientific Conference to the Memory of Professor O. M. Sokolov]. Simferopol, 2012. 308 p.
15. Medvedeva L. M. Chasti Rechi i Zalog [Parts of Speech and Voice]. Kiev: Vyscha Shkola Publ., 1983. 143 p.
16. Polkhovskaya E. V., Knyazeva N. A. Interpretatsiya Teksta: Variativnost' Stilei [Interpretation of Text: Variety of Styles]. Simferopol': 2017. 110 p.
17. Raevskaya N. N. Teoreticheskaya Grammatika Sovremennogo Angliiskogo Yazyka [Theoretical Grammar of Modern English]. Kiev: Vyscha Shkola Publ., 1976. 304 p.
18. Razinkina N. M. Funktsional'naya Stilistika [Functional Stylistics]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1989. 182 p.
19. Sil'nitskii G. G. Predikativnoe Otnoshenie i ego Rol' v Passivnom Preobrazovanii [Predicative Relation and its Role in Passive Reconstruction]. *Zalogovye Konstruktsii v Raznostrukturnykh Yazykakh*, 1981, pp. 39–45.
20. Sokolov O. M. Implitsinaya Morphologiya Russkogo Glagola. Morfemika [Implicit Morphology. Morphemica]. Moskva: Izdatel'stvo Universiteta Druzhby Narodov, 1991. 77 p.
21. Teoriya Funktsional'noi Grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost' [Theory of Functional Grammar: Person. Voice]. Ed. by A. V. Bondarko. St-Petersburg: Nauka Publ., 1991. 364 p.
22. Khrestomatiya po Angliiskoi Filologii [Readings in Philology]. Ed. by O.V. Aleksandrova. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1991. 253 p.
23. Kholodovich A. A. Diatezy i Zalogi [Diathesis and Voice]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. 383 p.
24. Khrakovskii B. C. Passivnye Konstruktsii. Formal'no-Semanticheskaya Klassifikatsiya Passivnykh Glagol'nykh Form [Passive Constructions. Formal-Semantic Classification

of Verbal Passive Forms]. Teoriya Funktsional'noi Grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'. St-Petersburg: Nauka Publ., 1991, pp. 141–174.

USE OF PASSIVE IN ITS RELEVANCE TO THE STYLE OF AN ENGLISH SCIENTIFIC TEXT

Knyazeva N. A.

At the centre of the research there is a paradigm of variable word-forms and constructions expressing passivity developed in their function to represent the style of a scientific text. The article investigates functional and stylistic specialization of verbal and nominal units with passive meaning intended to construct the communicative strategy of scientifically presented information. The findings given in the article indicate that voice is not confined only to the morphological basis of the verb, but in a certain context is manifested in grammatical asymmetry, inter-level transposition of verbal and nominal parts of speech. This approach leads to an extended interpretation of invariant grammatical meaning taking into account both morphological and also non-categorical devices of passive voice, performing a certain function in the formation of the scientific style. The variability of different types of language units contributes to the implementation of one of the main pragmatic purposes to focus attention of an addressee on the areas of informative value in scientific narration. Identification of functional potential of passive structures in terms of communicative intentions of the author takes into account structural, semantic, pragmatic and cognitive factors that are implemented in morphological, lexico-semantic and syntactic characteristics of the analysed passive forms.

Keywords: voice, passive, variability, invariant, style, discourse, intention, strategy.

УДК 81'342

ОСОБЕННОСТИ АССИМИЛЯЦИИ, РЕДУКЦИИ И ПРОСОДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Петренко Д. А., Абрютина А. Ю.

Институт иностранной филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: acoolann@gmail.com

Допустимые вариации фонетических норм нередко становились предметом научных дебатов, в том числе в области контрастивной лингвистики. Зарубежные исследователи высказывали свое мнение относительно возможности применения артикуляционных конструкций, тождественных для английского и немецкого языков, однако единый взгляд на проблематику до сегодняшнего дня выработан не был. Наиболее изученным аспектом остается применение слабых форм в английском языке, а также некоторые вопросы редукции. В данной работе проводится оценка свойственных ассимиляции и просодии характеристик посредством контрастивного анализа английского и немецкого языков. Цель исследования – выявить общее и частное в каждой рассматриваемой фонетической системе, а также определить возможные зоны смешения языков. Теоретическая новизна работы заключается в сравнении интонационных групп, предложенных английской фонетической школой, выделении в существующих исследованиях ключевых для данной области научного знания аспектов и написании собственных выводов по результатам сравнительного анализа. Теоретическое освещение связанных с ассимиляцией, редукцией и просодией вопросов дает углубленное представление о различиях, приводящих к интерференции между языками, которая стала столь распространена в условиях социокультурной реальности. В исследовании применяются описательный, сопоставительный, функциональный и некоторые другие виды анализа.

Ключевые слова: контрастивная фонология, фонетика, ассимиляция, редукция, просодия, интонация.

ВВЕДЕНИЕ

При работе с актуальными образцами речи нередко возникает впечатление, что языки не имеют установленных границ «мягкости» и в них могут подвергаться ассимиляции любые звуки. Однако фонология как наука не может опираться исключительно на личные ощущения после эмпирического анализа – этот метод не является частью фонологии по причине недостаточной полноты итоговых результатов. Выводы фонетических исследований, в основе которых находится данный метод, зачастую ставят под сомнение (например, в работе Б. Кюнерт [8]).

Учитывая этот аспект, в представленных далее материалах следует ограничиваться уже существующей тенденцией к выделению схожего и различного между языками.

С этой целью будут выделяться два типа ассимиляции: регрессивная и прогрессивная. Оба типа встречаются как в пределах одной лексемы, так и на границе слов. Стоит отметить, что направление ассимиляции не всегда совпадает в рассматриваемых языковых системах, в каждой из которых имеются свои особенности. Данное исследование ставит целью выявить общее и частное в каждой рассматриваемой фонетической системе, а также определить возможные зоны смешения языков. В качестве завершения контрастивного анализа процессов ассимиляции рассматривается так называемый «*yod coalescence*», встречающийся исключительно в английском языке.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

По мнению П. Лэйдфоджд, наиболее часто в английском языке встречается регрессивная ассимиляция [9]. Она затрагивает позицию артикуляции звука, результатом которой становится возникновение центрального или периферийного аллофона: например, в случаях *good thought* [ˌgʊd ˈθɔ:t] и *good point* [ˌgʊb ˈpɔɪnt]. Различие между финальными фортисами и ленисами при этом сохраняется. В случае такой же ассимиляции в немецком языке (напр., в *angeben* [ŋg] переходит в [ŋg]), различие между финальными сильными и слабыми звуками отсутствует.

Общим в языках является то, что полная ассимиляция реализуется посредством субституции новым центральным аллофоном (приоритетно носовыми и взрывными; фрикативы встречаются нечасто). Согласно существующим исследованиям, для немецкого языка характерна только ассимиляция [s] – [ʃ], *Eisschrank* [sʃ]/[ʃʃ], в то время как в английском [s] и [z] могут ассимилироваться в [ʃ, tʃ, dʒ, j] (что можно выявить на примере выражений английского языка «*this year*» и немецкого «*dieses Jahr*», поскольку при идентичной границе слога ассимиляция [ʃʃ] в немецком языке невозможна).

Что касается прогрессивной ассимиляции, при первоначальном рассмотрении обоих языков возникают похожие «шаблоны». Так, носовой звук может адаптироваться к предшествующему взрывному согласному как в английском, так и в немецком языке: *happen* ['hæ:pɪ]/*Happen* ['hapɪ]. В английском, впрочем, такие случаи являются менее распространенными.

Ассимиляция взрывных перед носовым (*Beamten* [bɛ'ampɪ]) и прогрессивное продление признаков глухого согласного – *dasselbe* [sz → ss] возможны только в немецком языке; в английском, если предположить такую возможность, происходит исключительно регрессивная ассимиляция: напр., *with thanks* [ðθ → θθ].

Противоположное направление ассимиляции является еще одним потенциальным различием, возникающим между языками, напр., англ. *price* и нем. *Preis*. В то время как носитель английского языка будет смягчать артикуляцию R после взрывного и артикулировать [rɹa'is], носители южнонемецких диалектов будут подвергать ассимиляции взрывной перед R: [rʁa'is]. Жители северных регионов Германии, в свою очередь, будут производить ассимиляцию в том же направлении, что и в английском языке. При этом она будет несколько сильнее – [rɰa'is]. Эти же нормы применяются при артикуляции английских взрывных с последующими [l, w, j] и немецких взрывных, предшествующих [l, v, j]. Как можно судить, особенности процессов ассимиляции могут проявляться не только на уровне языков, но и среди диалектов.

Интересным феноменом, который встречается только в английском языке, является ранее упомянутый *yod coalescence*. В результате этого явления модифицируются оба звука, одним из которых выступает [t], [d], [s] и [z], а другим – [j]. Тем не менее, Дж. Хэррис описывает это явление лишь как альтернативную форму описания артикуляции [6].

С точки зрения диахронии, эта форма ассимиляции привела к лексическим изменениям внутри слов. Например, ранее допускалась артикуляция *nature* ['ne:ɪtʃə], в то время как современная норма RP предполагает исключительно произношение ['ne:ɪtʃə]. Такие же трансформации можно наблюдать в лексических единицах *mission*, *vision* и ряде других. Синхронические процессы выражаются в сохранении

границ слов, однако в разговорной речи этим зачастую пренебрегают. Типичными примерами являются выражения *did you* ['dɪdʒu], *miss you* ['mɪʃu] и другие часто употребляемые в речи фразы, что подтверждает распространенность феномена *yod coalescence* в английском языке.

Стоит отметить, что процессы редукции нередко упоминаются при различного рода фонетических анализах. Сюда можно отнести широко известную редукцию долгих гласных и дифтонгов перед финальным фортисом, элементов дифтонгов и трифтонгов, а также кластеров согласных. При этом не каждое исследование затрагивает два других аспекта редукции: слабые формы и элизию шва.

Так называемые «слабые» формы принадлежат к наиболее изученным феноменам английского языка. Причиной тому послужило наблюдение, что большая часть служебных слов (модальных и вспомогательных глаголов, местоимений, артиклей, предлогов, и т.д.) имеет как минимум две различные формы реализации: полную форму в ударной позиции и редуцированную в безударной. Слабые формы безударного слога подвергаются элизии звуков и редукции с точки зрения долготы, смягчению гласных в направлении [ə, ɪ, ʊ], а также концепта аллофона [ʊ]. Возможности их артикуляции можно рассмотреть в представленной ниже таблице:

Таблица 1.

	Слабая форма(ы)	Сильная форма
Модальный глагол <i>must</i>	[məst], [məs]	['mʌst]
Вспомогательный глагол <i>have</i>	[həv], [əv], [v]	['hæ.v]
Союз <i>and</i>	[n], [nd], [ənd], [ən]	['æ.nd]
Местоимение <i>you</i>	[jə], [ʊ]	['ju:]
Артикль <i>the</i>	[θɪ], [θə]	['θi:]
Предлог <i>from</i>	[fɪm], ['fɪəm]	['fɪɒm]

Выбор определенной слабой формы будет зависеть от многих факторов. К ним можно отнести темп речи, фонетический контекст и стиль разговора. Интересным в

данном случае является то, что в английском языке в редуцированных гласных всегда встречаются качественные различия; не исключается редукция до шва при условии, что это допускают вариации определенного гласного, не ограничиваясь исключительно [e].

Важным фактором является маркированность сильных форм в артикулируемом языке. Сильные формы реализуются только в том случае, когда произносимое слово необходимо выделить в потоке речи или же оно расположено в конце интонационной группы. По этой причине можно выделить различные синтаксические функции омофонов – например, вспомогательный глагол *have* артикулируется с реализацией шва с целью различить его от полной формы глагола, которая, в свою очередь, может изменить смысл высказывания: «*He thought what he had [həd] left*» (Он думал, что он оставил) и «*He thought what he had [hæ'd] left*» (Он думал, что было слева от него).

Наличие у слабой формы определенного значения делает невозможной субституцию слабой формы сильной, что свойственно речи изучающих английский язык. Согласно П. Лэйдфоджд, «*Foreigners, who make insufficient use of them sound stilted*» [9, с. 93]. Редукция гласных в слабых формах является одним из признаков всех вариантов английского языка, используемых его носителями. Возможность осмысленной редукции отсутствует у большинства изучающих язык до определенной степени языковой компетенции и рассматривается как черта, присущая иностранному акценту. По мнению Г. Паско, носители английского языка во время речевого акта распознают именно этот аспект как признак акцента, хотя не всегда могут его обозначить и описать [10].

В других лексических единицах также регулярно встречаются редуцированные гласные. В первую очередь процесс задействует префиксы и окончания (напр., *suggest* [sə'gɛst]), но может являться результатом сдвига ударения при изменении части речи – *office* ['ɒfɪs]/ *official* [ə'fɪʃl]. Решающим выступает тот факт, что эти формы редукции рассматриваются как часть стандартного произношения и входят в словари как допустимые вариации.

При сравнительном анализе английского и немецкого языков слабые формы предпочтительно обозначать как особенность английского. Существование в

немецком языке слабых форм не ставится под сомнение, однако нерегулярность их использования не позволяет исследователям выделять их как часть произносительной нормы Hochdeutsch. Другим фактором считается то, что исключительно [e] может ослабляться до [ə], а безударные слоги определенных групп слов не могут подвергаться полной редукции, присущей английской норме. Последнему феномену Г. Паско предложил простое, но при этом весьма вразумительное объяснение: «*Der prinzipielle Unterschied zwischen Englisch und Deutsch bezüglich der Vokalreduktion liegt darin, daß im Englischen (als Mischsprache par excellence) alle Teile der Lexis die gleiche phonologische Struktur haben... Im Deutschen dagegen besteht die Lexis in bezug auf die Vokalreduktion aus zwei Teilsystemen*» [10, с. 145] («Принципиальное различие между английским и немецким языками в отношении редукции гласных заключается в том, что в английском (в основном как языке смешанном) все части лексики имеют одинаковую фонологическую структуру... В немецком, напротив, в отношении редукции гласных лексика состоит из двух систем»). Согласно автору, в словах немецкого происхождения количество возможных гласных в безударном слоге ограничено, чего нельзя сказать о словах иностранного происхождения, заимствованных в немецкий язык в течение последних пяти столетий. В таком случае в безударном слоге могут встречаться любые гласные. Единственным условием является то, что некоторые краткие гласные не могут быть расположены в позиции конечного звука. Различная трактовка гласных в заимствованиях приводит к четким различиям в вокальной структуре пар слов, присутствующих в обоих языках: напр., *assistant/Assistent*.

Служебные слова немецкого языка, как и их английские эквиваленты, с фонетической точки зрения обладают особой формой редукции – на них не может ставиться акцент в предложении при немаркированности интонации, чему способствует их однословная структура. Ранее в исследовании «*Einführung in die Phonetik des Deutschen*» К. Кохлер представил подобную английскому языку таблицу, из которой, в частности, берутся нижеприведенные примеры [7], однако в его работе не рассматривались центральные аллофоны сильных форм.

Таблица 2.

	Слабая форма (ы)	Сильная форма
Вспомогательный глагол <i>haben</i>	[ham], [am], [m]	['ha:bən]
Модальный глагол <i>soll</i>	[zɔ]	['zɔl]
Союз <i>und</i>	[ʊn], [ə], [m], [n], [ŋ]	['ʊnt]
Местоимение <i>ihnen</i>	[m], [im], [inn], [in], [ɪn]	['i:nən]
Предлог <i>von</i>	[fn], [fən]	['fɔn]
Артикль <i>der</i>	[dɛv], [dɐ], [dɛv]	['de:v]
Наречие <i>schon</i>	[ʃən], [fn], [ʃon], [ʃʊn]	['ʃo:n]

Выбор артикулируемой слабой формы, как и в английском языке, зависит от звукового контекста, темпа и стиля речи. Вид и способ, по которому будет усиливаться редукция гласных, можно также назвать схожим с английским, хотя в немецком языке будет сохраняться большее количество вариаций гласных.

Функциональная дифференциация, присущая английскому языку, вероятно, не является обязательным условием для немецкого. Сравнивая реализацию лексемы *haben* в выражениях «*Wir haben ein Haus gekauft*» и «*Wir haben ein Haus*», в обоих случаях можно допустить форму артикуляции [ham]. Рассмотрение этого примера может натолкнуть на вопрос: что произойдет, если говорящий на немецком языке не будет использовать слабые формы? В английском, как уже ранее говорилось, это приводит к возникновению недопонимания между собеседниками, поскольку внимание в речи направлено на выявление ударного слога. Суждения относительно немецкого языка не имеют доказательной базы: К. Гнутцманн предполагает, что немецкий в данном аспекте схож с английским, не называя при этом ни примеров, ни эмпирических доказательств [4]; автор одного из фундаментальных трудов по фонетике немецкого языка К. Кохлер в своих исследованиях данный вопрос не затрагивает [7]. Следовательно, необходимо ограничиться материалами, затрагивающими исключительно проводимый анализ. На сегодняшний день известно

то, что слабые формы могут возникать независимо от скорости и стиля речи. Несмотря на количество исследований слабых форм, вопрос их употребления по-прежнему остается открытым и требует обстоятельного осмысления.

Другая проблема, с которой сталкиваются при изучении английского языка, заключается в том, что в редуцированном слоге новый центральный аллофон, как правило [ə], подвергается субституции. От этого звука впоследствии могут возникать другие вариации гласных.

Отдельно следует упомянуть элизию шва, возможную в обоих языках. Результатом выступает изменение сонорного слога либо выпадение следующего за ним, однако этот процесс не всегда протекает в одинаковых позициях. В английском языке элизия [ə] возможна в следующих случаях:

- В рамках суффиксов с [-l] и [-n], а также частиц. Например, *mission* ['mɪʃən] – ['mɪʃn];
- Перед [ɹ] и иными озвонченными суффиксами. Например, *entering* ['ɛn.tə.ɪŋ] – ['ɛn.tɪŋ].

При этом в первом случае существуют некоторые ограничения: [ə], как часть эпентезы, не может опускаться в позиции между носовыми звуками, последовательностью согласных и носовым, а также [l] и носовым. Примером тому является существительное *talent* ['tæ.lənt] и некоторые другие слова английского языка. В немецком элизия шва также возможна в условиях первой рассматриваемой позиции (напр., *mischen* ['mɪʃn]), но упомянутые ограничения не соблюдаются столь строго, как в английском: *zählend* ['tsɛln̩tʰ]. Второе допустимое для английского языка применение элизии шва не имеет тождественного употребления в немецком. Это можно достаточно просто объяснить: вместо шва в рассматриваемой ситуации артикулируется [ɐ]. Данная вариация более резистентна к процессам элизии (*Sängerin* ['zɛŋgɐɪn]). Насколько сильно могут смягчаться как немецкие, так и английские предложения, можно оценить на представленных ниже примерах, даже если они не являются эквивалентными выражениями:

- *How many stars will be there?* ['hɑʊ mɪni stɑ:z ɪ 'bi: ðə];
- *Hast du einen Moment Zeit?* ['has ð m mo'men 'tsaɪtʰ].

В рамках подобного рода исследований необходимо делать отсылки к другим, не менее важным, но при этом косвенно затрагивающим тему вопросам. В качестве одного из них был выбран аспект просодии, который нельзя отнести к сегменту определенных звуков или процессов, с ними связанных. Многообразие феноменов, присущих каждому сегменту, есть не что иное как результат просодического состояния фонетической системы. Если в качестве примера рассматривать упомянутые слабые формы, то можно с уверенностью сказать о связи их возникновения с поставленными ударениями внутри определенной фразы. Этот тезис можно также применить к зависимости выбора вариации гласных. Следовательно, необходимо как минимум кратко описать отношение фразового или слогового ударения к встречаемым фонетическим феноменам и рассмотреть интонационную структуру языков.

Фундаментальное сравнение акцентных отношений в английском и немецком языках можно произвести, отталкиваясь от общих критериев классификации.

Первым сходством языков можно назвать присущую им характеристику «*stress timed language*», которая заключается в последовательном использовании ритмических подъемов и акцентированных слогов через близкие промежутки времени [7]. На практике это означает, что в потоке речи, как правило, в промежутке между двумя ударными слогами расположено от двух до четырех безударных слогов.

Во-вторых, как в английском, так и в немецком языке присутствуют установленные и свободные шаблоны ударения, поскольку с одной стороны, внутри одного слова ударение падает всегда на определенный слог, что обусловлено лексически, а с другой – выбор акцентированного слога не привязан к какой-либо определенной позиции.

Третьим аспектом, присущим обоим языкам, являются контрастивные свойства ударения, что можно обнаружить при сравнении различных частей речи с идентичным написанием (например, англ. прилагательное *'frequent* и глагол *fre'quent*, нем. глагол *'modern* и прилагательное *mo'dern*). При этом следует отметить, что в английском данный способ достаточно распространен, в то время как в немецком

языке лексически обусловленные ударения встречаются редко, в основном для различия периферийно родственных единиц.

Особый случай в области контрастивных ударений по сравнению с фразами представляет положение ударения в сложных словах. Для первых типично применение раннего акцентирования, для вторых – позднего. В выражениях с ранним акцентированием главное ударение падает на первый элемент, в то время как ударение второго элемента редуцируется. Если же второй элемент состоит из одного слога, возможна его полная потеря (напр., *Bildschirm* ['biltʃɪvm]). В выражениях с поздним акцентированием ситуация противоположна: *good 'year*. Обе эти схемы можно обозначить как контрастивные в случае, если обе лексические конструкции состоят из одинаковых составных частей и отличаются только посредством положения основного акцента, например, *a 'black,bird* и *a ,black 'bird*. Такая схема постановки ударения, как и большинство других, может относиться к ветви контрастивного акцентирования (напр., *A 'black dog – not a ,white!*).

По причине такого уровня свободного употребления ударения невозможно ни в английском, ни в немецком языке сформулировать точное правило его использования в систематических и контекстуальных структурах, которое позволило бы предсказать его позицию. Ранее попытку его сформулировать представили Г. Шерер и А. Воллманн в работе «*Englische Phonetik und Phonologie*» [11], сравнивая отношение структуры слога английского языка с положением ударения:

Таблица 3.

1-слоговые слова	acute	['bæ:t]
2-слоговые слова	acute	['nʌmbə]
3-слоговые слова	acute	['ævə:ɪdʒ]
4-слоговые слова	acute	[ɪg'zɛkjətɪv]
5-слоговые слова	acute	[,reprɪ'zɛntətɪv]

Тем не менее данное расположение ударения наблюдается только при наличии определенных условий и предполагает ряд исключений, которые зависят от префиксов, суффиксов, происхождения и выбора вариаций гласных внутри слова.

Правила и исключения также пытался сформулировать А. К. Джимсон [3], но его теория была отвергнута рядом ведущих исследователей в области фонетики (К. Кохлер, Т. А. Халл, К. Рамерс, Х. Фатер и другие).

Из этого не следует, что носитель немецкого языка будет правильно употреблять ударения в словах и акценты во фразах, основываясь исключительно на вышеописанных параллелях. С одной стороны, тождественные на первый взгляд слова могут различаться по лексическим причинам (*'modern – mo'dern*), с другой стороны, при соединении нескольких слов в единую фразу может возникать отклонение от немецких шаблонов. Здесь следует привести известный пример не свойственного немецкой речи английского выражения *'Tottenham Court 'Road*, который, по мнению Г. Шерера и А. Воллманна, является трехакцентным [11].

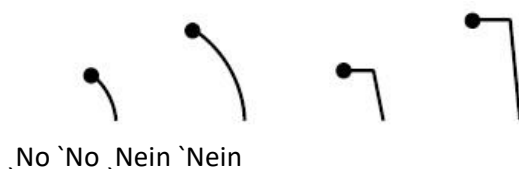
Несмотря на различия, носителю немецкого языка будет проще освоить нормы акцентирования английского языка, чем итальянцу или французу, поскольку в их родных языках, несмотря на ограниченное время произношения согласных (т.н. *Syllable timing*), отсутствует различие между ударными и безударными звуками. Как результат, для немцев приоритетным наравне с характеристиками звуков является изучение норм постановки лексически обусловленного ударения в английских словах. Разумеется, с ростом уровня языковой компетенции возникает «чувство языка», но без упомянутых правил и изученных исключений усвоение фонетической нормы будет замедлено.

Кроме того, следует сделать краткий обзор интонационных различий в языках.

Следуя принципам английских фонетических школ, которые предполагают разделение на интонационные фразы (иными словами – интонационные группы) с обязательным присутствием в них ядра и возможным дополнением в виде предъядра [1], можно говорить о трех видах реализации ядра интонации в обоих языках, а именно «*fall*», «*rise*» и «*fall-rise*». Внутри каждой из названных групп присутствуют возможности для вариаций, как в пределах одного языка, так и при сравнительном анализе. Вопрос интерпретации и описания этих вариаций зависит от характера исследования и его целей.

Так, в работе ранее упомянутых Г. Шерера и А. Воллманна изначально предполагают, что вид интонации *fall* может реализовываться и в английском, и в немецком языке как *high fall* либо *low fall* [11]. Различия начинают проявляться при рассмотрении контуров интонации, что представлено на рисунке ниже. Точки обозначают ядро интонации, а линии, связанные с ними – последующее движение.

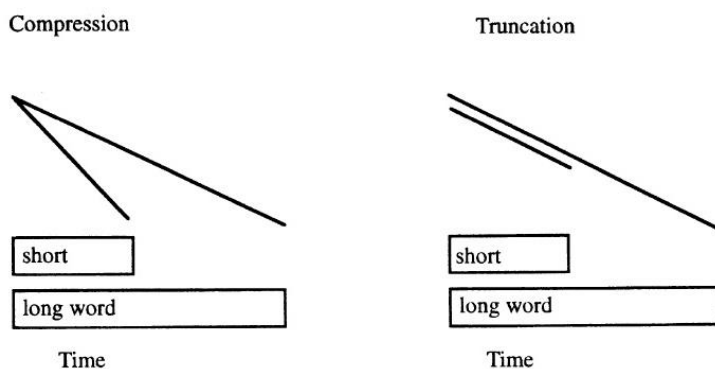
Рис. 1

Нисходящее движение в английском языке авторы называют «плавным», соответствующим самой артикуляции слога, в то время как в немецком оно «скачкообразное». Интерпретация интонации с использованием этого примера является достаточно простой, однако не имеет эмпирических доказательств даже в оригинальном источнике.

Совершенно другой контрастный анализ нисходящего движения *fall* представлен в исследовании Е. Грейб. Ей удалось установить и обосновать экспериментально, что в английском (с уменьшенным последующим сегментным материалом) контуры *fall* всегда реализуются полностью, поэтому они могут скорее быть сжатыми («*compression*»), чем урезанными («*truncation*»), в то время как в немецком чаще применяется вторая стратегия. Схематическое противопоставление этих стратегий можно рассмотреть на рисунке ниже [5].

Рис. 2

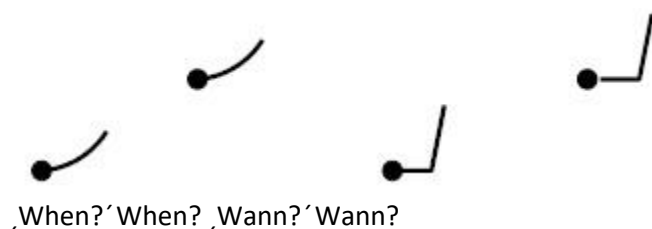

Различие длинных и коротких слов, согласно этой схеме, заключается в долготе артикуляции, перемена положений в которой зависит от скорости движения за-ядра в процессе произношения слова с сохранением фокусной позиции.

В немецком языке сохраняется равное английскому количество сегментного материала, но при этом преобразовывается фокусная позиция, что выражается в стремлении уменьшить продолжительность реализации.

Что касается интонационной структуры *rise*, отличие между языками также заключается в реализации контуров. Как можно обнаружить на рисунке ниже, в обоих языках присутствует возможность «глубокого» и «высокого» использования [11]:

Рис. 3

Отталкиваясь от классификации Е. Грейб, различия между «compression» и «truncation», в случае с рассматриваемой интонацией, не приводят к какому-либо контрастивному результату. При реализации *rise* в немецком языке сжатие происходит всегда и не зависит от размера сегментного материала.

Как видно, мнения у авторов двух исследований достаточно различны. В то время как Г. Шерер и А. Воллманн поддерживают традиционную английскую классификацию и прибегают к схемам, Е. Грейб анализирует интонацию по автосегментарно-метрической структуре. Рассмотрение просодических движений на различных лингвистических и эмпирических уровнях с точки зрения различных подходов, как правило, не дает возможности их качественного сопоставления, поскольку они противоречат один другому. Судя по высказываниям самого автора, ей было известно о возникшей дилемме. По ее мнению, она заключается не только в различии подходов, но и в самом материале: «*This spectrum of opinions may have arisen*

because the intonational structures of the languages may be similar at one level of linguistic representation and different at another» («Такой спектр мнений мог возникнуть, поскольку интонационные структуры языков могут быть близки на одном из уровней лингвистического представления и отличаться на другом»)). Разумеется, требованием для этого является то, «... that the two languages can be described as having the same inventory of basic intonological categories» [5, с. 213] («... что оба языка могут описываться как имеющие одинаковый инвентарь базовых интонационных категорий»)).

Ведущее исследование интонационной конструкции *fall-rise* было выполнено Э. Фоксом [2]. В нем также проводится попытка доказать, что контуры английской интонации значительно отличаются от немецкой. В предложенной форме изображения интонаций, отличной от предыдущих двух, вертикальные полосы обозначают границы интонационных фраз, жирные линии – ядро, а тонкие – предъядерное направление.

Рис. 4

a) 'Do you live in 'Leeds? b) I'm 'going to 'Leeds to 'morrow. c) I 'think so.

Три примера выражений, предложенные автором рисунка, являются различными и, следовательно, могут подвергаться дискуссии относительно возможности их сравнения в условиях контрастивного анализа. Образец *a* состоит из ядра и связанной с ним предъядерной части, образец *b* – из двух связанных ядер и образец *c* – из одного ядерного элемента. Более точные термины отображают эти различия: «*fall-rise tune*», «*fall-rise sequence*» и «*fall-rise tone*». Первый образец является распространенным как в немецком, так и в английском языке. Несмотря на некоторые различия высшей тональной точки ядра, основных контуров интонации (по сравнению с другими образцами, например, *b*, немецкий эквивалент которому не представлен) достаточно для проведения параллелей. Основываясь на отсутствии тождественных второму

образцу моделей в немецком языке, Э. Фокс заявляет о невозможности использования немецкого «*low rising tone*» вне контекста [2]. Пример *c* в английском языке имеет две формы реализации, «*low type*» и «*high type*», при том, что единственной возможной немецкой формой является подобие на «*high type*». Аргументом такому высказыванию служит не только частота использования, но и семантическая применимость немецкого варианта.

ВЫВОДЫ

Таким образом, по результатам сравнительного анализа немецкой и английской фонетических систем нами были сделаны следующие выводы: несмотря на похожие условия и процессы ассимиляции в рассматриваемых языках, для немецкого языка характерна прогрессивная ассимиляция, различия в характере которой зависят от особенностей территориальных диалектов. Особенности редукции английского языка маркируются частым использованием слабых форм, что нетипично для немецкого языка в силу его двусистемного характера. Часть допустимых вариантов редукции в английском языке не имеет аналогии в немецком, поскольку редуцированные формы не обладают столь важным значением для немецкой речи. Аспект просодии, как и процессы ассимиляции, имеет множество сходств между языками. Одним из ключевых отличий можно назвать постановку ударения во фразах и в случае схожести лексических единиц. Кроме того, контур интонации в английском языке принято обозначать как плавный, в то время как в немецком – скачкообразный. Для английского языка свойствен процесс «*compression*», притом что в немецком чаще применяется «*truncation*».

Как уже говорилось, разнообразие представленных выше подходов не позволяет принять окончательное решение относительно особенностей интонации языков, поскольку контрастивные анализы Г. Шерера, А. Воллманна, Е. Грейб и Э. Фокса составляют лишь малую часть данной отрасли. Немецкая интонация должна быть исследована более тщательно для написания фундаментальных трудов, на базе которых можно формировать эмпирически доказанные сравнения между языками.

Главной целью при рассмотрении немецкого языка остается включение диалектных особенностей и зависимостей в модель интонации.

Список литературы

1. Cruttenden A. Intonation. Cambridge: University Press, 1986. 201 p.
2. Fox A. Fall-rise Intonations in German and English. In: Russ, Charles (Hg.). Contrastive Aspects of English and German. Heidelberg: Julius Groos, 1981. Pp. 55 – 72.
3. Gimson A.C. Gimson's Pronunciation of English. Revised by Alan Cruttenden. London: Arnold, 1994. 360 p.
4. Gnutzmann C. Schwache Formen ('weak forms') im Deutschen und ihre Bedeutung für den Fremdsprachenunterricht. *Arbeitsberichte* Nr. 4. – Institut für Phonetik, Universität Kiel, 1975. Pp. 73 – 90.
5. Grabe E. Comparative Phonology: English and German. *MPI Series in Psycholinguistics*. 1998. 253 p.
6. Harris J. English Sound Structure. Oxford: Blackwell, 1994. 316 p.
7. Kohler K. Einführung in die Phonetik des Deutschen. Berlin: Erich Schmidt, 1995. 249 p.
8. Kühnert B. Die alveolar-velare Assimilation bei Sprechern des Deutschen und des Englischen kinematische und perzeptive Grundlagen. München: FIPKM 34, 1996. Pp. 175 – 392.
9. Ladefoged P. A Course in Phonetics. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 322 p.
10. Pascoe G. Die Aussprache des Englischen an bayerischen Schulen: Untersuchungen an Gymnasien, Realschulen und Hauptschulen. München: Profil, 1987.
11. Scherer G. Englische Phonetik und Phonologie. Berlin: Erich Schmidt, 1986. 375 p.

References

1. Cruttenden A. Intonation. Cambridge: University Press, 1986. 201 p.
2. Fox A. Fall-rise Intonations in German and English. In: Russ, Charles (Hg.). Contrastive Aspects of English and German. Heidelberg: Julius Groos, 1981. Pp. 55 – 72.

3. Gimson A.C. *Gimson's Pronunciation of English*. Revised by Alan Cruttenden. London: Arnold, 1994. 360 p.
4. Gnutzmann C. Schwache Formen ('weak forms') im Deutschen und ihre Bedeutung für den Fremdsprachenunterricht. *Arbeitsberichte* Nr. 4. – Institut für Phonetik, Universität Kiel, 1975. Pp. 73 – 90.
5. Grabe E. Comparative Phonology: English and German. *MPI Series in Psycholinguistics*. 1998. 253 p.
6. Harris J. *English Sound Structure*. Oxford: Blackwell, 1994. 316 p.
7. Kohler K. *Einführung in die Phonetik des Deutschen*. Berlin: Erich Schmidt, 1995. 249 p.
8. Kühnert B. Die alveolar-velare Assimilation bei Sprechern des Deutschen und des Englischen kinematische und perzeptive Grundlagen. München: FIPKM 34, 1996. Pp. 175 – 392.
9. Ladefoged P. *A Course in Phonetics*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 322 p.
10. Pascoe G. Die Aussprache des Englischen an bayerischen Schulen: Untersuchungen an Gymnasien, Realschulen und Hauptschulen. München: Profil, 1987.
11. Scherer G. *Englische Phonetik und Phonologie*. Berlin: Erich Schmidt, 1986. 375 p.

FEATURES OF ASSIMILATION, REDUCTION AND PROSODY (ON THE MATERIAL OF ENGLISH AS A SECOND LANGUAGE)

Petrenko D. A., Abriutina A. Yu.

Acceptable variations of the phonetic norm were often stated as a subject of scientific debate, including the field of contrastive linguistics. Foreign researchers expressed their opinion on the possibility of using articulation structures identical to English and German languages, but the common view on the problem has not been developed up to date. The use of weak forms as well as some reduction issues is the most studied aspect of the English language. In this paper, authors evaluated assimilation and prosody characteristics by means of a contrastive analysis of the English and German languages. The aim of current paper is to identify the general and the particular in each considered phonetic system, as well as to determine the possible areas of language mixing. The theoretical novelty of the work lies in the comparison of intonation groups proposed by the English phonetic school, looking through the existing studies and writing on their basis own conclusions. Theoretical coverage of issues related to assimilation, reduction and prosody provides an in-depth understanding of the differences that lead to interference between languages, which became so common in the context of socio-cultural reality. The study uses descriptive, comparative, functional and some other types of analysis.

Keywords: contrastive phonology, phonetics, assimilation, reduction, prosody, intonation

УДК 81'26

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕХАНИЗМОВ ПОЛИКОДОВОСТИ ГИМНОВ РОССИИ И США

Якоба И. А.

**Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия
irina_yakoba@mail.ru**

В статье дан компаративный анализ поликодовых дискурсов и проведено моделирование их дискурсивных траекторий посредством сравнения лингвокогнитивных механизмов, активизирующихся при их восприятии. Причиной интереса послужило активное распространение поликодовых дискурсов. Это требует особого изучения их механизмов для уточнения степени эффективности поликодовых дискурсов и целесообразности их повсеместного применения. В качестве эмпирического материала действия лингвокогнитивных механизмов дискурса в поликодовом представлении (вербальный, графический, музыкальный, аудиальный и визуальный семиотические коды) выбраны гимны России и США. Выяснено, что эффективное управление поликодовым дискурсом гимнов происходит при синергетическом эффекте действия разных механизмов в разных кодах. В результате исследования выделены две модели управления дискурсом по критерию: миролюбие – агрессивность, в которых аттрактивность дискурса для адресата регулируется мягкой, жесткой, умной силами. Выявленный инструментарий (силы дискурса, лингвокогнитивные механизмы) являются частью исследования, в ходе которого разрабатывается когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса. В данной работе применяется авторский понятийно-терминологический аппарат для когнитивно-коммуникативного моделирования, лингвоаксиологический анализ, интерпретативный анализ, дискурс-анализ. Полученные результаты исследования могут внести определенный вклад в теорию языка, социолингвистику и психолингвистику, теорию коммуникации в аспекте оптимизации дискурсивного процесса.

Ключевые слова: поликодовость, аксиологическая матрица, национальный гимн, дискурсивная траектория, лингвокогнитивный механизм.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность поликодовости как востребованного феномена современной визуальной мультимедийной культуры и информационного общества заключается в том, что она позволяет оказывать более интенсивное воздействие на адресата, варьируя семиотические коды и их интеграцию. Воздействующий эффект поликодовости часто наблюдается в персуазивном медийном дискурсе, при создании рекламы, в социальном интернет-пространстве, где «возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков» [1, с. 124]. Потребность в поликодовых мультимедийных текстах связана с тенденцией к сгущению подробностей события и оценочных смыслов. «Часто визуализация смыслов связана

либо с необходимостью их прояснить, либо – наоборот, завуалировать» [7, с. 172]. Среди современных исследований поликодности отметим: поликодовый дискурс в современной коммуникации [17]; когнитивный аспект в понимании поликодовых текстов [12]; поликодность как форма текстовой гетерогенности [13]; лингвокультурологический и семиотический анализ особенностей политического дискурса [9, 10]; лингвовизуальность феномена поликодности [11]; поликодность как жанровая доминанта мультимедийности интернет-СМИ [7]. Исследование механизмов поликодности с целью повышения эффективности коммуникации требует уточнения, так как является новым направлением в изучении эффективных дискурсов, в том числе в разрабатываемой автором концепции когнитивно-коммуникативной параметризации медийного дискурса [15]. Данная статья является продолжением исследования механизмов поликодности в дискурсе на материале гимнов разных стран (см., напр., [14; 16]). Исследование осуществляется в русле динамического процессуального подхода к дискурсу, что определяется ракурсом его рассмотрения как тенсивной, силовой сущности, воздействующей с разной степенью на разум, эмоции, сознание / бессознательное дестинатора. **Целью статьи** является моделирование воздействия лингвокогнитивных механизмов поликодовых дискурсов на аксиологическую матрицу адресата. При этом *аксиологическая матрица*² рассматривается как глубинные основания общества, связанные с природой ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, связи ценностей между собой, с социальными, культурными факторами и структурой личности. В работе использовались следующие методы: *метод дискурс-анализа*, позволяющий проследить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной текста; *когнитивно-коммуникативное моделирование*, направленное на создание модели, для реконструкции ментальных структур, стоящих за словом; *лингвоаксиологический анализ*, выявляющий аксиологические компоненты текста, систему ценностей и оценок, интерпретации действительности и ценностной

² *Матрица* – глубинное основание общества, которое возникает в ранние годы становления общества и остается неизменным на протяжении всей его истории [5, с. 52].

картины мира; позволяющий описать стереотипы дискурса, импликации, категории нормы и оценки, которые служат способами объективации ценностей; *интерпретативный анализ*, устанавливающий характер осмысления концепта в наивном языковом сознании на основе различных средств его реализации; предполагающий, что значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме; при этом интерпретация понимается как когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий (по В. З. Демьянкову).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Известно, что успех коммуникации зависит как от профессиональной подготовки, так и от языковой, риторической компетентности, от умения строить публичное и межличностное общение с учетом не только собственных целей, но и ожиданий адресата, определяемых его социальным статусом, возможностями декодирования предлагаемой информации, настроенностью на общение, восприятием собеседника и др. [4, с. 6]. Следовательно, технологично конструируя дискурс, используя различные персуазивные средства, в числе которых находится поликодовость, адресант может достичь искомой коммуникативной цели эффективнее, воздействуя на разные семиотические коды одновременно. Поликодовость дискурса рассматривается как комплекс лингвокогнитивных механизмов, воздействующих на разные каналы восприятия посредством нескольких кодовых систем, в результате чего создается «стереофонический» эффект присутствия и вовлеченности [10, с. 22, 94]. К поликодовым семиотическим элементам отнесем соединение письменных и устных текстов, их креолизацию, инкорпорирование разнообразных графических, вербальных, аудиальных, музыкальных и видео элементов – таких, как рисунки, звуки, анимация, музыка, фото и видео, гиперссылки.

Изучение процесса де/конструирования и моделирования смыслов медийных дискурсов, например национальных гимнов, представленных одновременно в нескольких семиотических кодах, позволяет предположить значимость разных кодов

и каналов, важных для когниции. Так, эмоциональный канал транслирует смыслы, опираясь на сформированные в массовом сознании стереотипы эмоционального восприятия музыки гимнов. Предполагается, что гимны должны обладать торжественностью и масштабностью, призваны повышать гордость за страну. Передача информации посредством жанрово-стилевого субкода опирается на закрепленные в обыденных представлениях широкой аудитории жанрово-стилевые стереотипы восприятия гимнов как эпических произведений, передающих историю становления страны и ее могущество. Интонационный субкод гимнов апеллирует смыслами музыкально-интонационных формул, считываемых массовым сознанием в силу многовекового слухового опыта, в основании которого находятся элементы призывов, воззваний и хвалебности. Выявлено, что лингвокогнитивные механизмы музыкального кода при взаимодействии гимна с адресатом связаны со спецификой мотивно-интонационной организации, с превалирующей ролью интонационных клише, что, по мнению А. В. Крыловой, «гарантирует высокую степень запоминания аудиальной информации, а компенсирующим интонационный примитив фактором является «элегантная упаковка» (ритмическая оригинальность, красочность аранжировочного декора, исполнительская манера и пр.), искусно вуалирующая его суть» [6, с. 198]. Согласимся, что «знание генезиса звуковой экспрессии, психологических механизмов воздействия искусства звуков на сознание человека, общих закономерностей трансляции смыслов посредством тех или иных звуковых кодов, понимание специфики аудиоформ позволят гарантировать эффективность аудиосообщений» [6, с. 199], а также позволят расширить возможности дискурс-анализа при исследовании потенциала воздействия поликодовых дискурсов на аксиологическую матрицу адресата.

Исследование механизмов поликодовых дискурсов для достижения эффективности указывает на потенциал синергетического эффекта взаимодействия вербального (устного и письменного), визуального и акустического кодов в дискурсе на примерах деконструкции национальных гимнов России и США. Полученные результаты моделирования взаимодействия семиотических кодов в гимнах

свидетельствуют о разной интенциональности аксиологических матриц в оппозиции «миролюбие – агрессивность».

Что касается поликодового представления гимна России, сделан вывод о гармоничном сочетании семиотических кодов [15, с. 53-64]. Определено, что наибольшую значимость приобретают механизмы имажинеринга³, позиционирования: единение, инспирации, креативности, масштабности. Их взаимоналожение в четырех семиотических кодах стереофонически интенсифицирует эффект взаимодействия с адресатом, следовательно позволяет продвигать заложенные в гимн идеи миролюбия, братства, величия, славы страны, оказывая воздействие на глубинные когнитивные структуры адресата. Выявлено, что аудиальный (устный вербальный) и графический (письменный вербальный) код взаимодействует с адресатом посредством мягкой (МС) и умной (УС) дискурсивных сил; визуальный код более жестко (ЖС) направляет ход мыслей адресата, представляя особую картину мира адресанта и навязывая свою позицию к интерпретации слов гимна; а музыкальный код, часто играя роль фона, который призван поддерживать вербальный или визуальный коды, в российском гимне удачно накладывается на слова, повторяя идеи, заложенные в словах – миролюбие, патриотизм, масштабность. Рассмотрим подробнее действие кодов в гимне России.

Анализ вербального кода гимна России показывает, что основным механизмом является позиционирование: единение, который актуализируется в высказываниях «мы-дискурса»: *Россия наша, Мы гордимся тобой, отечество наше, родная земля, Нам силу дает наша верность отчизне*. Такие высказывания призывают разрозненных адресатов к объединению и созданию общей территории, единой страны, где все жители вместе становятся единым целым. Одновременно, с позиции

³ *Имажинеринг* представляет собой механизм визуализации для презентации идей при помощи описания ярких чувственных образов, картинок будущего, настоящего или прошлого, которые способны вызвать определенные эмоции: гнев, страх, гордость, желание подражать и т.д. Тем самым высказывание приобретает нарративный потенциал. Термин сконструирован согласно одной из принятых традиций в языкознании образовывать термины, используя латинские основы от элементов словарного гнезда латинского существительного *imago* – изображение, образ, картина, портрет; в переносном значении – представление, понятие, возникающий в сознании образ, а также с учётом семантики его дериватов *imagination* – воображение, представление, *imaginor* – представлять себе, воображать, *imaginarius* – воображаемый, мнимый.

адресанта, происходит образование связи между адресантом и адресатом посредством использования личной дейктичности: *мы, наше, наша, нам* и пр. МС оказывает когнитивно-дискурсивное воздействие аттрактивного характера, имеет особую персуазивно-экспрессивную интенциональность. Адресат самостоятельно без принуждения и давления соглашается со святостью и величием страны, что предполагает действие УС посредством пресуппозиций: *Россия – священная наша держава, Славься, страна! Мы гордимся тобой!, Нам силу даёт наша верность Отчизне., Одна ты такая – Хранимая Богом родная земля!* Использование глаголов в настоящем времени (*гордимся, даёт, открывают*) оказывает эффект свершения, самоосуществления действий как само собой разумеющихся, не подвластных воздействию извне.

Аудиальный код представлен в хоровом исполнении, что актуализирует механизм позиционирования: единение. Создается впечатление объединения народа, что добавляет значимости гимну России.

Визуальный код насыщен символами. Символичность Кремля можно объяснить его фрактальным переносом на всю страну для ассоциации территории Кремля с территорией страны. Видеоряд с видами Кремля, с одной стороны, сужает диапазон интерпретаций, направляя поток мыслей в одном направлении – значимости Кремля для страны, что указывает на действие ЖС. С другой стороны, это позволяет обратить внимание на потенциал ассоциативности, символизма, интерпретативности. Стены Кремля могут ассоциироваться с мощью страны, предоставляющей защиту и безопасность жителям внутри границ. Голубое небо выступает символом мирной жизни. Спокойные воды реки символизируют сменяемость поколений русского народа и его жизнестойкость. Золотисто-красная гамма вызывает ассоциации с достатком и богатством. Символизация обнаруживает действие УС, которая не навязывает, не предлагает идеи, а незаметно внедряет их в аксиологическую матрицу адресата, так, что адресат принимает эти идеи как собственные, обоснованные. Таким образом, посредством символизации конструируется новый смысл.

Анализ музыкального кода показывает, что он обладает выраженной рельефностью, развитой гармонией, приятным устойчивым ритмом и выразительной

мелодией, поэтому легко запоминается и вызывает приятные, позитивные ассоциации с радостью, надежностью, безопасностью, стабильностью и значимостью страны. Высокая ассоциативность, масштабность гимна актуализируются посредством механизма имажинеринга. Оригинальность музыки гимна и его коэффициент интеллектуального развития актуализируются посредством механизма креативности. Гармоничность вызывает ассоциации с чувством патриотизма из-за русскости мелодического распева. Миролюбивый настрой актуализирует механизм позиционирования: единение посредством хорового исполнения.

В целом, сравнивая семиотические коды в их наложении в гимне России, приходим к выводу об их гармоничном сочетании, что находит отражение в представленной модели на рисунке 1. В данной модели видно совпадение лингвокогнитивных механизмов, активизирующихся при полимодальном восприятии гимна, взаимоналожение и взаимопересечение кодов гимна, что способствует более легкому восприятию и запоминанию, лучшей пенетрации⁴ в аксиологическую матрицу адресата для возможности коррекции картины мира [14]. Соотнесение музыкального кода с графическим, аудиальным и визуальным по критерию совпадения логических ударений и напряжений мелодического движения, модуляций мелодической линии, показало совпадение зон смыслового давления. Следовательно, воздействие на одни и те же когнитивные центры синергетически усиливает потенциал взаимодействия с адресатом. Эти данные о взаимодействии кодов могут использоваться для конструирования технологичного дискурса: активация правильно подобранных лингвокогнитивных механизмов будет способствовать успешной коммуникации и/или управлению дискурсом.

⁴ *Пенетрационная способность* паттернов дискурса определяется как способность проникновения, закрепления и замещения в когнитивном пространстве адресата заданных смыслов, которая регулируема и может меняться – ослабляться или усиливаться по ходу высказывания для обеспечения лучшей встраиваемости дискурса в сознание адресата посредством смысло-ритмической модуляции дискурса. Эти когнитивно-дискурсивные процессы взаимосвязаны: адресант может наделять паттерн определенной способностью проникать в сознание адресата посредством его определенного конструирования и насыщения лингвистическими конструкциями или, наоборот, использовать нейтральную лексику и стандартные простые конструкции, чтобы паттерн не вызывал интереса и казался обычным, известным, не вызывающим сомнения фактом.

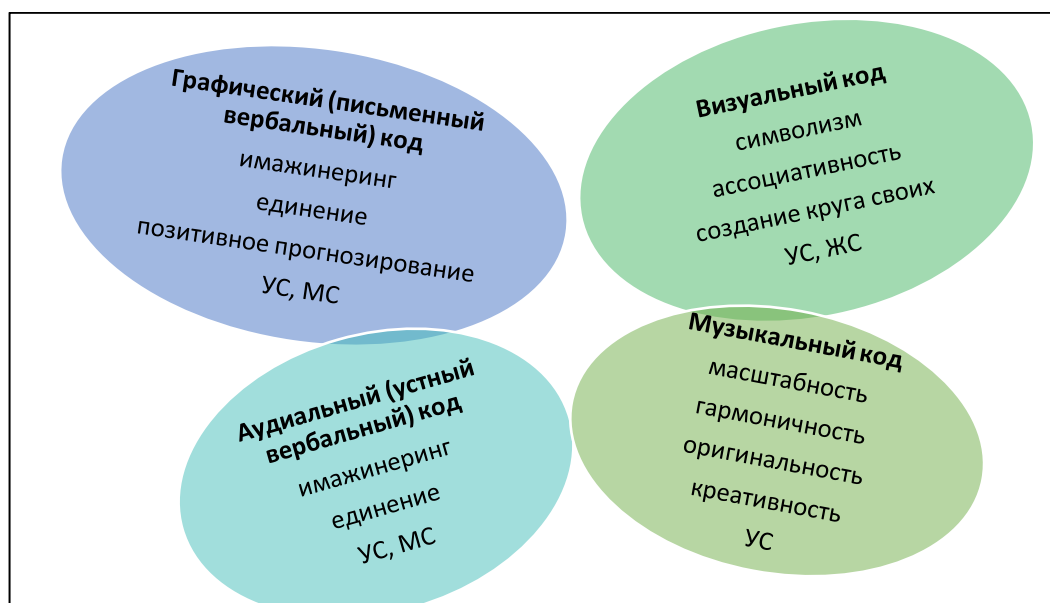

Рис. 1. Модель взаимодействия семиотических кодов в гимне России

В гимне США обнаружено разное смысловое содержание рассматриваемых кодов [16, с. 64-76]. Так, графический (вербальный письменный) код обладает жесткой интенциональностью, направленной на победу любой ценой, регулируется ЖС. Фокусирование внимания на флаге, его описание на протяжении четырех куплетов может быть интерпретировано как значимость материальных символов для американской нации, бескомпромиссность. Диалог, ведущийся между адресантом и адресатом, не объединяет их, а восхваляет действия американцев, указывает на их преимущества по сравнению с другими, что раскрывает действие УС. Рассмотрим далее действие кодов в гимне США.

В вербальном представлении гимна США активизируются механизмы позиционирования (оппозиция), имажинеринг (драматизация и гиперболизация), фокусирование и псевдодискуссия. Механизм имажинеринг: драматизация задействует образное мышление, актуализируется насыщенность гимна агрессивными, воинственными выражениями: *the perilous fight; the terror of flight; the gloom of the grave; the rocket's red glare; the bombs bursting in air*; угрозами: *No refuge could save the hireling and slave*. Четырежды повторяющаяся кольцевая строка *O'er*

the land of the free, and the home of the brave переносит акценты значимости с людей на неодушевленные физические объекты (земля, дом как очаг); такие приемы, обезличивающие, скрывающие народ за «фасадом» вещей и географических объектов, позволяют прийти к выводу о приоритете материальной собственности над духовными ценностями и, возможно, о поиске ощущения чувства безопасности, возникающего только под прикрытием неких фундаментальных материальных ценностей, заменяющих духовные. Смысловая траектория гимна идеологизируется как «праведная борьба за выживание американского народа» посредством механизма позиционирования: оппозиция «мы – правы, они – не правы», «мы – справедливы, они – не справедливы», следовательно, «мы боремся за правое дело, защищаем себя и свою землю по справедливости»: *our cause it is just*.

Аудиальный код женского голоса смягчает жесткость вербального кода, преобразуя ее. Рассматриваемый вариант гимна исполняется певицей Санди Патти, которая очень проникновенно и искренне передает мельчайшие значения и эмоции с помощью голоса. Эмоциональное и выразительное исполнение способствует активизации образности мышления; адресату легче создать яркий, запоминающийся, эмоционально насыщенный образ, вызывающий различные эмоции, в данном случае, гордость за достижения своей страны, что указывает на механизм имажинеринга: бьютизация⁵.

Визуальный код вносит новые смыслы в произведение, основанные на ценностях свободы, военного могущества страны и многообразия знаменательных событий и культурно-исторических символов. Посредством стратегии самопрезентации, механизмов имажинеринга (искривление), позиционирования (единение), фреймирования и масштабности смещаются акценты. Управление траекторией дискурсивизации происходит жестко, внимание адресата направляется на предложенный визуальный ряд. Постоянно мелькающий звездно-полосатый флаг является связующим элементом между вербальным и визуальным кодом, что

⁵ *Имажинеринг: бьютизация* представляет собой механизм создания положительного имиджа, на основе саморекламы, выпячивания достоинств, красования, задействует стратегию положительной самопрезентации.

активизирует механизм имажинеринга и отсылает к истории страны, ее достопримечательностям и главным символам. Большое количество людей, представленных в видеоролике, может способствовать конструированию образа единства многонационального народа, связанного едиными ценностями и единым местом проживания, что основано на актуализации механизма позиционирования: единение. Фреймирование аксиологической матрицы в рамках ценности свободы, борьбы за свои права и гордости за достижения американцев позволяет смещать фокус внимания.

Музыкальный код обладает низкой аттрактивностью, слабой выразительностью, лишен торжественности, поэтому может оказать минимальное воздействие на адресата. Следует отметить высокую тональность гимна, довольно хаотичное чередование темпа (ускорение – замедление), отсутствие четкой структуры и логичной последовательности интонационных переходов – это всё вызывает трудности при прослушивании и исполнении гимна простыми людьми. Поскольку гимн, как герб и флаг, является символом народности, государственности, то любой гражданин своей страны должен быть способен к воспроизведению данного произведения, а при исполнении гимна США это является затруднительным для человека без музыкального слуха и специальной музыкальной подготовки. Так как гимн США основан на маршевой милитаристской мелодии, интенционально направленной на доминирование и контроль, следовательно, он не лишен жесткости.

Модель взаимодействия лингвокогнитивных механизмов, активизирующихся при полимодальном восприятии гимна США, представлена на рисунке 2. На рисунке отражается пространственно, что разные механизмы в разных кодах имеют точки соприкосновения. Сравнивая действия механизмов графического (вербального письменного), аудиального (вербального устного), визуального и музыкального кодов в гимне США, приходим к выводу о том, что управление поликодовым дискурсом гимна США происходит при синергетическом эффекте действия разных механизмов в разных кодах. Следовательно, гимн США может рассматриваться эффективным дискурсом при поликодовом рассмотрении: в нем активируются

разные механизмы, но их синергетический эффект способствует дестинаторности⁶ смысловой траектории дискурса.

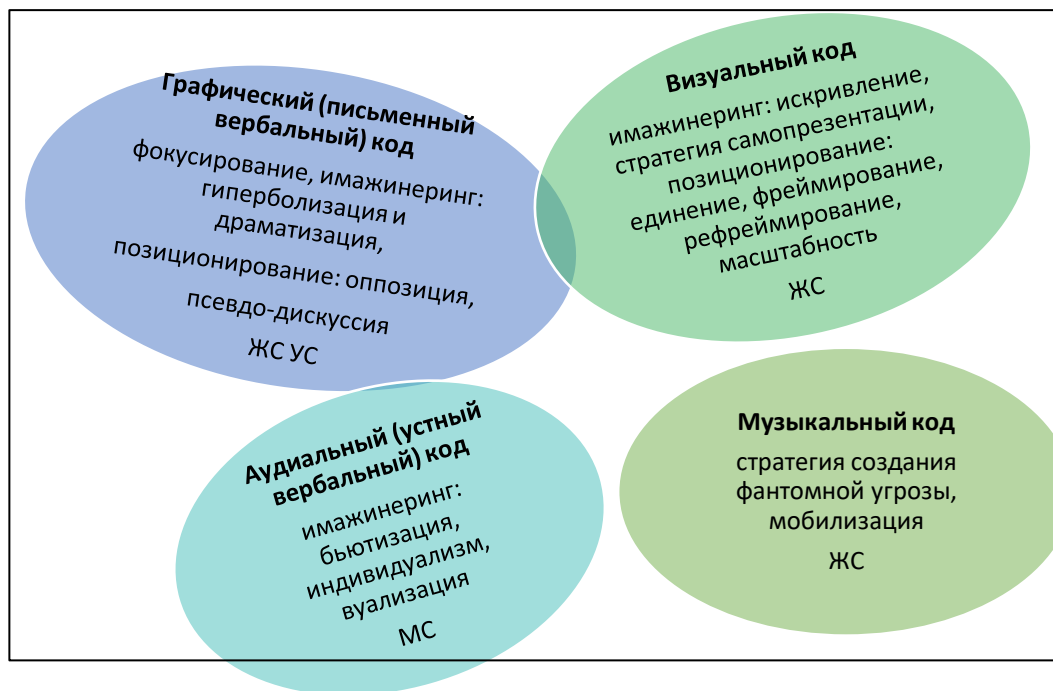

Рис. 2. Модель взаимодействия семиотических кодов в гимне США

Сравнивая аксиологические матрицы национальных гимнов России и США, была отмечена разница в конструировании и интерпретации реальности. Во-первых, отношение к прошлому: если первый пример интерпретирует прошлое как *союз вековой, мирное сосуществование народов*, то второй пример фреймирует прошлое как *борьбу за выживание, войну до победного конца*. Во-вторых, отношение к настоящему: первый пример позволяет наслаждаться настоящим в большой и богатой стране: *От южных морей до полярного края раскинулись наши леса и поля*, а второй – предлагает сидеть и наблюдать за действиями других со стороны, быть в постоянном напряжении и ожидании врагов: *On the shore dimly seen through the mists of the deep. Where the foe's haughty host in dread silence reposes*. В-третьих, отношение

⁶ Дестинаторность – одна из «отсутствующих» структур дискурса, эмергентное определение самой глубинной предназначенности.

к будущему: первый пример моделирует счастливое будущее: *твое достоянье на все времена; ...широкий простор для мечты и для жизни грядущие нам открывают года*, а второй – настраивает на перманентное состояние войны: *O thus be it ever when freemen shall stand Between their loved homes and the war's desolation!* и молитву какой-то несокрушимой силе, которая хранит их как нацию: *may the Heaven-rescued land Praise the Power that hath made and preserved us a nation*. В-четвертых, отношение к себе как нации: в первом примере моделируется держава как свободное отечество братских народов: *Отечество наше свободное, братских народов союз вековой*, а во втором примере нация не моделируется, представлена просто какая-то земля свободных и дом смелых: *land of the free and the home of the brave*. В-пятых, отношение к другим: в первом примере не сказано ни слова о других как врагах, упоминаются только братские народы, во втором примере другие показаны как высокомерный хозяин противника, банда врагов, наемники, рабы: *foe's haughty host, band, hireling and slave*.

Рассматривая соотношение кодов в данных гимнах, мы выявляем отличия в моделировании механизмов и дискурсивных сил. Так, в российском гимне умная сила превалирует во всех семиотических кодах, а мягкая и жесткая не выражены ярко. Вербальный код гимна России деликатно подводит адресата к мысли о значимости страны посредством умной силы, музыкальный код интенсифицирует эту идею торжественностью оформления, визуальный код направляет ход мысли адресата посредством символичности представленных образов в том же патриотическом направлении. Простые слова и предсказуемость мелодии позволяют практически любому человеку без музыкального образования и специальных навыков воспроизвести гимн России, что является очевидным преимуществом умной силы.

Тогда как в американском гимне наблюдается некоторый дисбаланс в распределении сил в кодах: в вербальном – превалирует конструирование смысла посредством жесткой и умной сил; в аудиальном отсутствует выраженная аттрактивность, в музыкальном присутствуют элементы, обладающие жесткостью; визуальный код насыщен милитаристскими образами, жестко направляющими смысловую траекторию адресата, смещая первоначальные смыслы от более

агрессивных высказываний к радостным и праздничным образам под наблюдением американской армии. В целом, в рассматриваемых кодах гимна США превалирует жесткость в подаче материала. Следовательно, наблюдается давление на адресата, когда он направляется по единственной траектории мысли, не имея возможности самостоятельно принять решение.

ВЫВОДЫ

В результате исследования выделены две модели взаимодействия семиотических кодов в разных лингвокультурологических дискурсах, в которых аттрактивность дискурса для адресата регулируется мягкой, жесткой, умной силами. Выявлено, что в поликодности наибольшей значимостью обладают механизмы имажинеринга, позиционирования (единение и оппозиция), инспирации, креативности, масштабности. В первой модели видно взаимоналожение и взаимопересечение кодов гимна, что способствует более легкому восприятию и запоминанию, лучшей пенетрации в аксиологическую матрицу адресата для коррекции картины мира. Во второй модели поликодовый дискурс сконструирован не гармонично, актуализирует разные лингвокогнитивные механизмы при превалировании жесткой силы.

Таким образом, проведенный нами анализ дает возможность проследить влияние на аксиологическую матрицу адресата на макроуровне государств, конструирование необходимой, выгодной заказчику реальности и ее фреймированную интерпретацию в заданном направлении – миролюбивом или агрессивно-воинственном. Излагая данные выводы, автор не претендует на их перенос в другие сферы, а только предлагает оценить потенциал, заложенный в слова при их взаимодействии с аудио- и видеорядом, и силу взаимодействия адресанта с адресатом, которая дает возможность управлять дискурсом при его «Умной настройке» [15].

Список литературы

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт – М.: Прогресс, 1989. – 615 с.
2. Гимн РФ. Официальный сайт России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://flag.kremlin.ru/gimn/> – (Дата обращения 10.03.2016)
3. Гимн США [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%BC%D0%BD_%D0%A1%D0%A8%D0%90 – (Дата обращения 10.05.2016)
4. Егорова, Л. Г. Имиджевый текст как феномен современного информационного пространства. [Текст] / Л. Е. Егорова. – Монография. – Симферополь, Изд-во ОДЖАКЪ, 2016. – 205 с.
5. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России [Текст] / С. Г. Кирдина. – М.: Нестор-История. 2014. – 468 с.
6. Крылова, А.В. Рекламная аудиокommunikация в современной культуре [Текст] / А. В. Крылова. – Дисс. ... д. культуролог. н. : 24.00.01. – Москва, 2005. – 257 с.
7. Прасолова, Е. В. Поликодовость как жанровая доминанта мультимедийной истории в интернет-СМИ [Текст] / Е. В. Прасолова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12 (54) ч. 4. – С. 171-174.
8. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики: учеб. для студентов вузов, обучающихся по напр. и спец. «Журналистика» [Текст] / Е. П. Прохоров – Изд-е 5-е, испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2003. – Режим доступа: <http://uchebnikfree.com/uchebniki-jurnalistika/massovo-informatsionnaya-prigoda-30686.html> – (Дата обращения: 30.11.2014).
9. Садуов, Р. Т. Лингвокультурологический и семиотический анализ особенностей структуры и содержания политического дискурса Барака Х. Обамы [Текст] / Р. Т. Садуов. – Дисс. ... к. филол. н. : Башкирский гос. университет. – Уфа, 2011. – 223 с.
10. Садуов, Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ: монография [Текст] / Р. Т. Садуов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 136 с.

11. Сладкова, В. С. Поликодовость текста как лингвовизуальный феномен [Текст] // Университетские чтения, Пятигорский гос. ун-т, – 2012. – Часть 07. – Режим доступа: http://pglu.ru/editions/un_reading/list.php?SECTION_ID=2970 – (Дата обращения 21.09.2018)
12. Сонин, А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект [Текст] / А. Г. Сонин. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – 220 с.
13. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб.пособие [Текст] / В. Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
14. Якоба, И. А. Деконструкция гимна России: выявление дискурсивных сил взаимодействия с адресатом [Текст] / И. А. Якоба // Научный журнал Дискурс ПИ, – 2017. – № 2 (27). – С. 174-180.
15. Якоба, И. А. Лингвокогнитивные параметры дискурса в технологии «Умная настройка» [Текст] / И. А. Якоба. – Монография. Иркутск. – Изд-во ИРНТУ, 2017. – 189 с.
16. Якоба, И. А., Потемкина, Ю.С. Деконструкция гимна США: выявление дискурсивных сил взаимодействия с адресатом [Текст] / И.А. Якоба, Ю. С. Потемкина // Научный журнал Дискурс ПИ, 2017. – № 2 (27). – С. 181-187.
17. Kress, G., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. [Текст] / G. Kress, T. van Leeuwen – Oxford UK: Oxford University Press, – 2001. – pp1-2.

References

1. Bart R. *Izbrannye Raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ, 1989. 615 p.
2. *Gimn RF. Ofitsial'nyi Sait Rossii* [Anthem of the Russian Federation. Official Site of Russia]. Available at: <http://flag.kremlin.ru/gimn/> (accessed 10.03.2016)
3. *Gimn SShA [US Anthem]* Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%BC%D0%BD_%D0%A1%D0%A8%D0%90 (accessed 10.05.2016).

4. Egorova L. G. *Imidzhevyi Tekst kak Fenomen Sovremennogo Informatsionnogo Prostranstva*. [Image Text as a Phenomenon of Modern Information Space]. Simferopol', Publishing House ODZhAK, 2016. 205 p.
5. Krylova A. V. *Reklamnaya Audiokommunikatsiya v Sovremennoi Kul'ture. Diss. ... d. Kul'turolog. nauk* [Advertising Audio Communication in Modern Culture]. Moscow, 2005. 257 p.
6. Kirdina S. G. *Institutsional'nye Matricy i Razvitie Rossii. [Institutional matrixes and Russian development]* Moscow: Publishing House Nestor-Istorija. 2014. 468 p.
7. Prasolova E. V. *Polikodovost' kak Zhanrovaya Dominanta Mul'timediinoi Istorii v Internet-SMI* [Multimodality as a Genre Dominant of Multimedia History in Internet Media]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2015, no 12 (54) P. 4, Pp. 171–174.
8. Prokhorov E. P. *Vvedenie v Teoriyu Zhurnalistiki* [Introduction to the Theory of Journalism]. Moscow: Aspekt Press Publ, 2003. Available at: <http://uchebnikfree.com/uchebniki-jurnalistika/massovo-informatsionnaya-priroda-30686.html> (accessed: 30.11.2014).
9. Saduov R. T. *Lingvokul'turologicheskii i Semioticheskii Aanaliz Osobennostei Struktury i Soderzhaniya Politicheskogo Diskursa Baraka Kh. Obamy*. Diss. ... kand. filol. nauk [Linguocultural and Semiotic Analysis of the Structure and Content of the Political Discourse of Barack H. Obama]. Ufa: Bashkirskii Universitet Publ., 2011. 223 p.
10. Saduov R. T. *Fenomen Politicheskogo Diskursa Baraka Kh. Obamy: Lingvokul'turologicheskii i Semioticheskii Analiz: Monografiya* [The Phenomenon of the Political Discourse of Barack H. Obama: Linguistic-Cultural and Semiotic Analysis: Monograph]. Ufa: Bashkirskii Universitet Publ., 2012. 136 p.
11. Sladkova V. S. *Polikodovost' Teksta kak Lingvovizual'nyi Fenomen* [Multimodality of Text as a Lingovisual Phenomenon]. *Universitetskie Chteniya, Pyatigorskii Universitet*, 2012. P. 07. Available at: http://pglu.ru/editions/un_reading/list.php?SECTION_ID=2970 (accessed 21.09.2018).

12. Sonin A. G. *Ponimanie Polikodovykh Tekstov: Kognitivnyi Aspekt*. [Multimodal Texts Understanding: Cognitive Aspect]. Moscow: Institut Yazykoznaniiya RAN Publ., 2005. 220 p.
13. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika Teksta: Polikodovost', Intertekstual'nost', Interdiskursivnost'* [Text Linguistics: Poly-Codedness, Intertextuality, Interdiscursiveness]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 248 p.
14. Yakoba I. A. *Dekonstruksiya Gimna Rossii: Vyyavlenie Diskursivnykh Sil Vzaimodeistviya s Adresatom* [Deconstruction of the Anthem of Russia: Identifying Discursive Powers of Interaction with the Addressee]. *Nauchnyi Zhurnal Diskurs PI*, 2017, no 2 (27), Pp. 174–180.
15. Yakoba I. A. *Lingvokognitivnye Parametry Diskursa v Tekhnologii «Umnaya Nastroyka»* [Linguo-Cognitive Parameters of Discourse in the Technology "Smart Tuning"]. Irkutsk. IRNITU Publ., 2017. 189 p.
16. Yakoba I. A., Potemkina Yu. S. *Dekonstruksiya Gimna Ssha: Vyyavlenie Diskursivnykh Sil Vzaimodeistviya s Adresatom* [Deconstruction of the US Anthem: Identifying Discursive Powers of Interaction with the Addressee]. *Nauchnyi Zhurnal Diskurs PI*, 2017, no 2 (27), Pp. 181–187.
17. Kress G., van Leeuwen T. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. Oxford UK: Oxford University Press, 2001. Pp. 1–2.

THE RUSSIAN AND THE USA ANTHEMS MULTIMODALITY MECHANISMS MODELLING

Якоба И. А.

A modelling and comparative analysis of the discursive trajectories of the axiological matrices of nations are carried out by comparing the linguo-cognitive effects, which are activated when perceiving multimode discourses. The researching interest is caused by wide expansion of multimodal discourses. It requires special study and determination of the degree of effectiveness of multimode discourses and the reasonability of their universal application. As an empirical material, the actions of the linguistic-cognitive mechanisms of discourse in the multimodality (verbal, graphic, musical, audial, and visual semiotic codes) are chosen the anthems of Russia and the USA. It was found that the effective control of the multimode discourse of the anthems occurs with the synergistic effect of different mechanisms in different codes. As a result of the research we consider two models of controlling discourse based on the criterion: peacefulness - aggressiveness in which the attractiveness of the discourse for the addressee is regulated by soft, hard, smart powers. The identified tools (the powers of discourse, linguistic cognitive mechanisms) are part of the research, in the course of which cognitive-communicative parameterization of media discourse is developed. In this paper, we use the author's interpretative terminological apparatus for cognitive-communicative modeling, linguistic and axiological analysis, and interpretative analysis. The results of the research can make a definite contribution to the theory of language, sociolinguistics and psycholinguistics, communication theory in the aspect of optimization of the discursive process.

Keywords: multimodality, axiological matrix, national anthem, discourse trajectory, linguo-cognitive mechanism.

АВТОРЫ

Абрютина Анна Юрьевна – бакалавр кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Бредис Михаил Алексеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (РУДН), г. Москва, Россия

Волокитин Дмитрий Юрьевич – ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Иванова Наталья Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврической академии

АВТОРЫ

(структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Калугина Анастасия Юрьевна – обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Князева Наталия Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранной филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Машенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Новикова Марина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Остапенко Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петренко Даниил Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института иностранной филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Судакова Карина Сергеевна – аспирант ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», г. Архангельск, Россия

АВТОРЫ

Якоба Ирина Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры английского языка, доцент кафедры иностранного языка для технических специальностей №1 Института лингвистики и межкультурной коммуникации, докторант по специальности «Теория языка» Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

**1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ**

Богданович Г. Ю., Калугина А. Ю.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ.....3

Волокитин Д. Ю.

ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ МЕДИАПРОДУКТА В РАМКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ
ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: ОТ КОРОТКОЙ ЗАМЕТКИ ДО
МНОГОПОЛОСНОЙ ПУБЛИКАЦИИ.....13

Егорова Л. Г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАПОЛЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
В НОВЫХ СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.....25

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Александрова И. В.

ДИАЛОГ С ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ В ПРОЗЕ М. Н. ЗАГОСКИНА
СТАТЬЯ 2 ЦИКЛ «ВЕЧЕР НА ХОПРЕ».....42

Иванова Н. П.

ОППОЗИЦИЯ «МЕЧТА – РЕАЛЬНОСТЬ» В КРЫМСКОМ ТЕКСТЕ БРЮСОВА В. Я.60

Мащенко А. П.

КРЫМСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОТ ПУШКИНА ДО
ПРИЛЕПИНА.....70

Новикова М. А.

МАРИНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕКСТАХ И СВЕРХТЕКСТАХ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....93

Остапенко И. В.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СФЕРА ПЕЙЗАЖНОГО ДИСКУРСА В ЛИРИКЕ
АННЕНСКОГО.....110

Судакова К. С.

ОБРАЗ ПАРИЖА В КРЫМСКОМ ТЕКСТЕ Г. ГАЗДАНОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА РОМАНА «ВЕЧЕР У КЛЭР»).....129

**3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

Бредис М. А.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ПАРЕМИЯХ:
ПОСЛОВИЦА РАБОТА НЕ ВОЛК, В ЛЕС НЕ УБЕЖИТ И ЕЕ АНАЛОГИ
В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ.....143

Князева Н. А.

СТИЛЕВОЙ АСПЕКТ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПАССИВА
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ.....161

Петренко Д. А., Абрютина А. Ю.

ОСОБЕННОСТИ АССИМИЛЯЦИИ, РЕДУКЦИИ И ПРОСОДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ).....183

Якоба И. А.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕХАНИЗМОВ ПОЛИКОДОВОСТИ ГИМНОВ
РОССИИ И США.....200

АВТОРЫ.....218